

ЕКАТЕРИНА КАРИДИ

В МИРЕ СНОВ

Annotation

Пытаться обмануть судьбу и вытрясти из нее еще один шанс сложное и трудновыполнимое дело. Потому что судьбу нельзя обмануть. Она все равно возьмет то, что ей положено. Правда, с ней можно попытаться договориться заменить одно другим. Но примет ли судьба замену?

Остановится мне бы... но я всю ночь летал...

"Ветер знает" Браво.

По каким признакам девушки выбирают тех парней, за которых хотят выйти замуж? Принцев, иными словами.

Загадка.

Чем руководствуются, тоже не понятно. Потому что не проходит и пары месяцев, как выясняется, что принц совсем и не принц, а редкостный зануда. И теперь страдай с ним до конца своих дней. Или до развода, ну, как получится.

Правда, если удастся перетерпеть и успешно перешагнуть этот рубеж, потом жизнь вроде налаживается, но до следующего рубежа. Через пару лет жены выясняют, что принц не принц, и то была ошибка. Если уж очень допечет, можно развестись, но тут начинает срабатывать привычка.

Хотя... Если на горизонте объявится новый принц, никакие привычки не удержат. И начнется все заново.

Но если новый принц на горизонте не замаячит, а старый не будет сильно действовать на нервы, можно и перетерпеть, родить с ним детей, дети оттянут на себя часть здорового человеческого озлобления. А там, глядишь, начнется школа, тогда уже муж и вовсе отойдет на третий план, присутствуя в жизни семьи фоном. Обеспечивает финансовую стабильность, и хорошо, главное, чтобы поменьше раздражал. А женщина тащит на себе весь эмоциональный (и не только!) груз семьи, перемогается, жилы рвет... Поднимет. Втащит на гору тот камень, который Сизиф по смертному приговору все втаскивал, да втащить не мог.

Ну вот. Дети выросли, пристроены, можно начинать жить. И в этот момент, тот самый муж, который все эти годы работал фоном, в смысле присутствовал, раздражал, но деньги в дом исправно приносил, заявляет, что у него другая. Которая его любит и понимает. И вообще, что он уходит к той, к другой.

Ох, и обидно же становится... просто до смерти. Обидно, что всю свою жизнь ему рабствовала, лучшие годы отдала... А он, неблагодарный, ничего оценить не способен...

Тогда и выясняет она, что оказывается, всю жизнь его ЛЮБИЛА!

Тут-то задать бы женщине вопрос:

— А если бы он не ушел, поняла бы? Поняла бы, что любила его всю жизнь, что он тебя любил, всегда был рядом, ждал, когда же на него с любовью посмотрят, что он принц, в конце концов?!

Так ведь не ответит же...

Или если бы он вдруг умер?

А если дать второй шанс?

У Маргариты Павловны (это ее в офисе так серьезно и по-взрослому называли, этика профессиональная, а на самом деле Ритке было всего двадцать два года), был, что называется, счастливый брак. Муж ее, Костя, ей еще со школы нравился, потом учились в одном вузе, а когда он отучился и начал работать — поженились. В школе он на два класса старше нее был, но прошло несколько лет и два года разницы совершенно снівелировались, теперь она даже ощущала себя более взрослой и опытной.

В остальном, Константин Троепольцев был красивый и видный парень. Рост, осанка, тело спортивное — все при нем. И с лица хорош — глаза голубые, а волосы темно русые. Подружки завидовали. Еще бы, шикарный молодой мужик, небедный, без вредных привычек, правильный и честный, в том смысле, что на других женщин даже не смотрел. Делал карьеру, неплохо зарабатывал, очень даже неплохо. А главное, надышаться ею не мог, на руках готов был носить, смотрел на нее — глаза светились. Дарил цветы и подарки, и бесконечную нежность в постели.

Мечта? А?

А вот и не совсем...

Потому что в какой-то момент, она бы и не сказала, в какой момент их двухгодичного брака он начал ее тихо бесить. Именно тем, что был слишком хорош, и нежность его эта... достала. Иногда ей хотелось вывернуться, хоть как-то вывести его из себя. Разбавить эту патоку, что ли...

Вот в этот период ей и начали сниться те сны.

***

В первый раз она увидела его во сне после того, как они с Костей отмечали ее двадцать второй день рождения. Гостей было мало, потом Костя быстренько убрал в посудомоечную машину всю посуду, пока она макияж смывала, и унес ее в постель на руках. Хотел, чтобы было незабываемо.

Во сне Рита видела мужчину. Весь какой-то жгучий, темноволосый и темноглазый, он смотрел на нее из полумрака, и ей было страшно. Почему? Взгляд его был холодный и гипнотизирующий, а губы чуть искривлены циничной даже не улыбкой, а лишь намеком на нее. Но его губы показались ей прекраснее и желаннее всего на свете. А мужчина понял ее реакцию, красивые губы презрительно дернулись. И Рите вдруг захотелось, чтобы он улыбнулся ей по-настоящему, от этого она испугалась еще больше.

На том и проснулась.

После почему-то долго не могла уснуть, осмысливала, пытаюсь понять, убедить себя, что это всего лишь сон, и уж бояться тут точно нечего. Но внутри все дрожало от страха и непонятного сладкого томления. Еле заставила себя заснуть.

Проснулась поздно, вся разбитая. Воскресный день. Костя встал раньше, из кухни пахло жареным хлебом и свежесваренным кофе. Рита повернула голову в сторону двери и поморщилась. Она могла с точностью до секунды рассказать, что он сейчас будет делать. Вот сейчас...

— Ритуля, солнце, ты проснулась? — муж мелькнул в проеме, и, увидев, что она

открыла глаза, позвал.

— Да, — вяло протянула Рита.

Через десять секунд он уже входил в спальню с подносом. Кофе, хрустящие тостики с сыром, абрикосовый джем. Все, как она любит. Поцеловал, присел рядом. Рита устроилась поудобнее, взяла с тарелки тостик и, наконец, взглянула на него.

Казалось, она знала абсолютно все его гримасы, даже самые незначительные. А только вот этого выражения на его лице никогда не видела. Собственно, лицо улыбалось как обычно, только в глубине глаз притаилась какая-то боль. Но это мелькнуло и сразу исчезло, Рита подумала почудилось. А Костя спросил:

— Хорошо спала?

— Знаешь, не очень...

— Что-то плохое снилось?

Снилось ли ей плохое?

О нет. Может быть, пугающее, необычное... Но не плохое.

— Нет, просто... Не помню, просто... Наверное, переела перед сном.

— А... — протянул Константин, и улыбнулся.

Только ей опять почудилась какая-то горечь в его улыбке. Но миг прошел, и Костик снова стал собой, веселый, нежный, идеальный. И этим слегка действующий на нервы.

День прошел в суете, они сходили в гости к ее родителям, забежали к друзьям, договорились встретиться вечером в клубе, посидеть немного. Не допоздна — завтра на работу. Одеваясь перед тем, как пойти в клуб, Рита почему-то нервничала, было странное предчувствие, что она встретит того мужчину из сна. Как ни старалась скрыть это от себя самой, но ей и хотелось этой встречи, и было мучительно страшно. Но ничего не произошло. Вечер прошел как обычно, танцевали, веселились, разошлись до половины одиннадцатого. Разочарование.

Перед сном были объятия, полные ласки, Костины поцелуи, нежность. Все как всегда.

Этой ночью ей ничего не снилось.

И еще пять ночей тоже. Но на следующую...

Это снова был он. На сей раз, он сидел в кресле, а за ним угадывалась смутно различимая фигура. Темные волосы, уложенные гелем, блестят, крупные, сильные руки с ухоженными ногтями застыли на подлокотниках. Рита во сне не могла пошевелиться, дышать. Непонятное оцепенение охватило молодую женщину, а в душе разливался ужас и томление. Мужчина тяжело смотрел на нее, и ей то хотелось сделаться маленькой и незаметной, то наоборот, наслаждаться его подавляющими откровенными взглядами, которые, казалось, проникали сквозь одежду. В этот раз он не улыбался, он нахмурил брови, темные глаза недовольно скользнули по ней, и мужчина начал отворачиваться.

И тут женщина поняла, если он сейчас отвернется, она его больше не увидит. Она вскрикнула, вытянув к нему руку:

— Нет... Постой! Не оставляй меня!

Он остановился в движении, и так и остался вполоборота. На Риту не взглянул, но на губах его появилось нечто вроде довольной ухмылки. Рука потянулась к фигуре, стоящей за ним. Рита так и не поняла, что произошло, но ее вытолкнуло из этого сна в черное небытие без сновидений.

Утром Костя с трудом разбудил жену, если бы не муж, она бы проспала все на свете. И опять ей почудилась мелькнувшая в его глазах затаенная боль. А потом все исчезло, ее

Костик стал таким, как всегда.

***

Так началась эта странная ночная жизнь. Сны приходили нерегулярно, но Рита жила, томясь ожиданием, от одного сновидения до другого. Словно главное происходило с ней в тех снах. В обычной жизни она двигалась, выполняла свою работу, готовила еду, ходила с подружками по магазинам, спала с Костиком, смотрела сериалы, но все это, как будто на автопилоте, механически. А во сне все ощущения обострялись. И там появлялся он.

Ей мучительно хотелось, чтобы тот холодный жгучий мужчина из сна подошел к ней, прикоснулся, заговорил. Он приходил в ее сны уже несколько месяцев, и почему-то никогда не смотрел на нее и не подходил близко. Не было на его лице улыбки, но Рита смиренно ждала. Знала, надеялась, что дождется. А смутно различимая фигура, постоянно присутствующая фоном, казалась ей воплощением страдания.

А днем все было у них как всегда. Только с какого-то момента она обратила внимание — муж начал неуловимо меняться. Появился лихорадочный блеск глаз. Она заподозрила инфекцию, послала Костика на обследование. Все-таки родной муж, Рита сама ходила с ним по врачам. Ничего, совершенно здоров. Ну, если здоров, значит все в порядке. На наркоту даже проверились, чист. На работе у него тоже неприятностей не было, Рита специально поинтересовалась. Кроме легкого лихорадочного блеска глаз ничего в нем не изменилось, разве что замечала она его грустный, полный тоски взгляд. Но и то, промелькнет и исчезнет. Она решила не заморачиваться. Тем более, что в постели у них с Костиком ничего не изменилось, он был по-прежнему полон желания и нежен и ласков.

***

Перелом произошел почти через полгода.

В этот раз сон пришел не глубокой ночью, как обычно, а почти сразу за тем, как она заснула после близости с мужем. И комната во сне была другая. Раньше она всегда стояла на освещенном месте, а тот мужчина, от которого стыла кровь, и охватывало томление, в полумраке. Теперь же вокруг Риты темно, и лишь оттуда, где предположительно был дверной проем, виден свет. И ей было так страшно, как никогда еще раньше.

Мужчина возник в дверном проеме, лучи света обтекали его фигуру. На сей раз, он вошел и направился прямо к ней, глядя в глаза. Подошел вплотную, женщина пыталась уловить хоть что-то в его холодных глазах, но бесполезно. И вдруг он размахнулся и сильно ударил Риту по лицу, она отлетела к стене и ударилась, от неожиданности даже не смогла заплакать. Тогда этот непостижимый тип подошел, поднял ее за руку, погладил по щеке, смотрел при этом в глаза не отрываясь, и Рита затрепетала от нахлынувшего возбуждения. Он же презрительно скривился и ударил ее еще и еще. А потом снова погладил.

И она потеряла себя.

В то утро Костику в первый раз по-настоящему стало плохо.

Его рвало, он заперся в ванной, не желая, чтобы Рита видела его таким. А когда немного пришел в себя, вылез весь зеленый, улыбался через силу. Хотела тащить его в инфекционку, отказался.

— Нет, со мной все в порядке. Наверное, просто съел чего-то вчера на работе.

— Костик, вот эта твоя привычка жрать что попало не доведет до добра! Сколько раз я тебе говорила!

— Рита, уймись, да я с ребятами в кафе поем...

— Вот-вот! Знаю я, Троепольцев, что твои дружки там едят. Рульки всякие и пирожки!

Он опустил голову, улыбаясь:

— Ладно, не сердись, сегодня посижу на минералке.

— Смотри у меня...

— Есть, смотреть, — Костик притянул ее к себе и обнял.

Рита фыркнула, взглянула на него как учительница старших классов на закоренелого двоечника и высвободилась из объятий, говоря:

— На работу опоздаю. Костик, прошу тебя, следи за собой.

Тот кивнул, Рита с чувством исполненного долга отвернулась, и продолжила собираться дальше, не замечая ни его печального взгляда, ни того, как он прижал руку к сердцу. Потом она до 10 часов пару раз звонила мужу, справлялась о его здоровье, Константин отвечал, что все в порядке. И Рита успокоилась. Мало ли от чего его могло тошнить, посидит на диете, придет в норму. И вообще, приходила ей в голову мысль заставить мужа поститься. А что, она-то постится, почему и ему не перейти на растительную пищу? Здоровее будет!

Забыв, наконец, о муже и разбросав утренние дела на работе, она позволила себе попытаться вспомнить ночной сон. Вспоминала так осторожно, словно через щелочку подглядывала. Не решаясь поверить и дрожа от смешанных чувств. Что это во сне было... Это... Это... Противоестественно... Но... Мммм...

— Маргарита Павловна, что с вами? Вам что, плохо?

— А? Что? — она не поняла, о чем ее спрашивают, резко выдернутая из своих фантазий не могла сразу вернуться в обычную жизнь.

— Вам что, плохо? — спросил ее коллега, сидевший через тонкую перегородку.

— Нн-нет... Со мной все в порядке.

— Простите, но вы стонали... — замялся мужчина.

— Ээээ... Вам послышалось, Сергей Иванович, — она и сама понимала, что это детский лепет.

Мужик пожал плечами и отвернулся.

Так не пойдет. Ей нужно хоть как-то уединиться, чтобы успокоиться. Рита свернула окна на мониторе, встала и пошла в туалет. И там, просидев в кабинке пару минут наедине с собой, вспоминала то запретное, что виделось ей во сне. Потом вышла, постояла у зеркала, посмотрела себе в глаза и приказала не думать об этом. Вернулась в кабинет, села, и весь день работала, не отрываясь от экрана.

Как результат, засиделась на работе. Вспомнила про Костю, позвонила, предупредила,

что немного опоздает. Он уже домой ехал, спросил.

— Что приготовить, солнце? Хочешь курочку с грибами?

Она любила курицу с грибами, Костик ее отменно готовил, он вообще хорошо готовил. Рита усмехнулась: наверное, это была одна из причин, по которым она вышла за него замуж. Шутка, конечно. Курица с грибами это хорошо, но ему лучше чего-то полегче поесть.

— Костик, слушай, я тут подумала, что тебе надо есть постное.

— Да? А курочка с грибами не постное? — явно смеется.

— Нет. Не постное! Я серьезно!

Теперь он уже смеялся в голос.

— Троепольцев, я о тебе беспокоюсь!

— Да, милая, прости. Так что приготовить?

— Тушеную капусту. И салат с помидорами.

— Ладно. Осторожной езжай.

Она сказала 'угу' и отбилась. Выключила комп, зашла на минутку в туалет, вымыть руки, и застыла у зеркала, глядя себе в глаза. Ей сейчас ехать домой. Дома Костя. Он хороший, но как... Она не знала, сможет ли сегодня... Захочется ли ей близости с ним. Слишком сильным оказалось воздействие того сна, словно перевернуло всю ее наизнанку, показав то, что было спрятано глубоко внутри.

И как быть с этим, Рита не знала.

Дома ее встретил Костя. Ужин был готов, стол накрыт, ей оставалось переодеться и идти ужинать. На Риткины вопросы о здоровье муж только отшучивался, мол, глупости, с ним все в порядке. Потом они вместе помыли посуду, посидели у телевизора.

И вот настало время идти в постель. Надвинулось неотвратимо. Костя весь вечер старался обнять ее, сидел рядом, под конец вовсе сгрел Ритку в охапку и усадил на колени, гладил по волосам, целовал пальчики. А она думала:

— Не хочу. Хочу. Не хочу. Не знаю.

В постель с Костей она пошла.

Засыпала потом с тайной надеждой, что сон повторится. Но ничего ей этой ночью не снилось. Утром она проснулась разочарованная, с чувством потери. А днем было даже слегка обидно.

Когда ничего подобного не приснилось и завтра, она обиделась всерьез. Сказала себе, что больше не будет вспоминать ночного обольстителя. Словно у нее с ним были отношения, словно они встречались...

Если бы она все осознала тогда, не на шутку бы озаботилась. Но Рита, живя в своем призрачном мире, еще не готова была принять то, что ее постепенно засасывает эта трясина. Что это, попросту говоря, небезопасно.

Две недели прошло. Костя больше не жаловался на здоровье, но и выглядеть лучше не стал, почему-то начал худеть. Сначала она и не заметила, но когда муж похвастался, что на ремне можно лишнюю дырку сверлить, поневоле пригляделась. Действительно, лицо осунулось, появились круги под глазами. Снова потащила его по врачам. И на сей раз ничего не выявили, но молодой мужчина явно выглядел усталым и осунувшимся. Рита настояла, чтобы он взял отпуск. Нажала на все возможные педали, задействовала, кого могла и отправила мужика на десять дней в деревню, к его бабке. Лето заканчивалось, но погода стояла теплая. Отдохнет, загорит, на бабулиных харчах наест морду, будет ходить на рыбалку. Придет в себя.

Провожая, чмокнула его в лобик и сказала:

— Смотри, води там себя хорошо.

— Это что, к Нюрке не ходить? — хмыкнул Костя.

Нюрка была сорокапятилетняя тамошняя Мессалина, одарившая своей любовью не одно поколение деревенских ребят.

— Вот именно это я имею в виду, дорогой, — она прищурилась, снова глядя на него грозным взглядом училки.

— Ну ладно, как скажешь. Не ходить, так не ходить.

Потом смягчилась, погладила его по плечу и сказала:

— Костик, ешь хорошо, понял?

— Да понял я, понял.

Он прижал ее к себе, долго стоял так, потом отодвинулся, посмотрел в глаза с какой-то странной жадой. Снова мелькнула тоска безысходная и исчезла. Поцеловал, сел в машину и уехал, махнув на прощание рукой. Рита постояла еще немного, и ушла в подъезд. Придется пожить неделю одной в пустой квартире, зато наконец-то доберется до Костиных завалов, теперь-то ей никто помешать не сможет. Давно уже пора было в его кладовке генералку сделать.

И чего там только нет! Чисто Плюшкин! Старые джинсы, за грибами ходить, детали доисторических компов, бесперебойники дохлые, аж три штуки. О! А это что? Ах-ха... древний Плейстейшн... потом надо бы поиграть, поностальгировать... Две электрогитары... Нет, их выбросить не удастся, Костик взбесится. А это что...

Это был пакет с фотографиями. А на фотографиях она. Снимков много, вот она смеется, смотрит вдаль, гуляет в парке с подружками... Когда он это все снимал? Рита невольно улыбнулась. Костик, конечно, славный. Набрала его номер, хотела поговорить. Но номер был недоступен. Она удивилась, повертела телефон в руках, пожала плечами и хотела вернуться к своим делам, а через часик позвонить снова. Но тут ее внимание надолго привлек пакет со старыми елочными игрушками, а потом она и вовсе забыла. Когда вспомнила, было уже поздно, решила позвонить завтра.

А ночью приснился он.

Словно этот мужчина из сна дожидался того момента, чтобы прийти к ней, когда мужа не будет дома. Словно любовник.

Но кто же он теперь?

Рита опять была в той темной комнате, но теперь все видно немного яснее. Какой-то подвал, без окон, стены из грубого камня, пол земляной. Прямо средневековая темница. В прошлый раз комната была пуста, а в этот она увидела по стенам странные приспособления и еще... Даже глаза закрыла, испытав во сне невольный ужас. В глубине было сооружение, что-то вроде стола — трансформера с непонятными креплениями. В жизни ей бы никогда и за что не захотелось бы тут находиться. Но она во сне, хоть и страшно, но хочется досмотреть все до конца.

Однако время шло, а таинственный любовник из сна, Рита уже не могла больше обманывать себя, это был именно любовник, не появлялся. Ей стало обидно и досадно, что ее тут бросили одну, а еще потихоньку нарастал страх, что о ней и не вспомнят и оставят тут навсегда. И вот, когда она уже потеряла надежду, тяжелая дверь, окованная металлом, отворилась. Сердце женщины чуть не выскочило из груди от радости и возбуждения, смешанного с благоговейным ужасом.

Мужчина появился на пороге, вошел не сразу. Сначала обежал взглядом комнату, мельком скользнув по Рите глазами, будто проверял, все ли на месте. Потом вошел, запер дверь на ключ. Не глядя на нее, прошел вглубь и разделся, снял с себя кожаную куртку и рубашку, оставшись в одних джинсах и тяжелых ботинках. Рита смотрела не отрываясь, она впервые видела его тело, прекрасное тело, чуть сухое, мускулистое, сильное. Разглядывая покрытую темными завитками волос грудь, широкие плечи и крупные руки, женщина невольно сглотнула ком, вспоминая, как он бил ее и после гладил, а она от этого улетала в кайф.

В этот момент он взглянул на нее, насмешливо и презрительно, будто знал все ее мысли, потом отвернулся, подошел к шкафу у стены и что-то оттуда достал. Рита занервничала, потому что это что-то подозрительно звенело и звякало. А он резко повернулся к ней лицом, поймал взгляд жертвы своим жгучим, лишающим остатков воли, и женщина сначала забилась от охватившей ее дрожи, а потом затихла, как птичка, загипнотизированная удавом. Он показал пальцем на место у своих ног. Рита сначала не поняла, что это значит, но когда мужчина нахмурился, до нее дошло, что ей следует подойти и встать туда, куда он указывал.

Трепеща, она подошла к своему теперь уже господину, потому что она готова была исполнить любую его волю. Встала перед ним. Мужчина с минуту смотрел на нее исподлобья, совершенно не двигаясь, она даже дышать почти перестала. Потом вдруг сорвался с места, отбросив на пол то, что держал в руке, и в несколько резких движений, совершенно не заботясь о причиняемой боли, сорвал с нее всю одежду. Рита вскрикнула от неожиданности, ее начала охватывать паника, но успокоительная пощечина, которой ее наградили, быстро помогла снова сделаться жаждущей и покорной.

Мужчина покачал головой, словно был недоволен ее поведением, Рита вся напряглась, меньше всего она хотела огорчить своего господина, жестоких ласк которого ждала с

нетерпением. Снова на губах его появилось подобие насмешливой ухмылки, как будто он мысли ее читал, и то, что она боится его огорчить, ему понравилось.

Рита стояла перед ним голая, слегка дрожа от волнения. Мужчина зашел ей за спину и надавил рукой на плечо, принуждая стать на колени. Она опустилась на колени, как он велел, и закрыла глаза, не зная чего ждать, слишком сильным стало напряжение. Снова услышав за спиной то звяканье, Рита испугалась, но он слегка сжал сзади ее шею, и она снова затихла, покорная его воле. Тогда почувствовала, что-то холодное у себя на горле, тихонько вскрикнула, а мужчина застегнул на ее шее металлический ошейник. Совсем как у собаки, подумалось Рите, но в этот момент он обошел ее кругом, с удовлетворением провел рукой по тяжелому железному ошейнику и вопросительно взглянул Рите в глаза. Ее ответный взгляд не задавал вопросов, кроме разве что одного: когда же? Мужчина покачал головой и хмыкнул. Потом взял тонкую, но прочную стальную цепь, которая тянулась от ошейника и противно звякала, и пристегнул ее к кольцу на стене.

Что же дальше будет? Что он с ней будет делать? Когда? Она уже подрагивала от возбуждения. Но мужчина, приковавший ее к стене как собаку, просто оделся и вышел из комнаты, оставив ее там одну.

Голую. Ждать. Пока не заслужила. Рита поняла, что должна быть очень-очень покорной, хорошей послушной девочкой, тогда заслужит немного его ласки. Ласки господина, от которой она снова улетит в кайф.

***

Пробуждение утром было странным, словно ей и не хотелось уходить из этого сна. Словно готова была остаться в том подземелья, в надежде, что господин вспомнит о ней и придет. На работу она ехала как в тумане, и весь день провела на автопилоте, полностью уйдя в себя. Вечером еле дождалась, когда можно было лечь и заснуть.

Конечно же, мужу она не позвонила. Он словно выпал из ее жизни вместе с остальными совершенно неважными делами, как прошлогодний снег или проблемы негров в Китае. Единственное, что волновало сейчас Риту, увидит ли она снова во сне своего господина. Сослуживцы заметили ее несколько отстраненное состояние, но никто не стал задавать вопросов, мало ли чем оно вызвано. Каждый имеет право на неприкосновенность личной жизни.

Ночь пришла, а вместе с ней вернулся сон.

Так странно, сон словно продолжился с того места, на котором остановился вчера. Вернее, словно Рита из сна спала, пока реальная Рита бодрствовала.

Ощувив себя в той комнате, она пошевелилась. Цепь зазвенела, возвращая к иллюзорной действительности. Подумать только, вся ее одежда состоит из железного ошейника... Рита вздрогнула, было не то, что холодно, зябко, волнительно. И очень хотелось увидеть господина. Пусть он поскорее придет, повторяла она про себя. Но господин не торопился.

Рите стало тоскливо, стало жаль себя. Именно этот момент выбрал ночной повелитель, чтобы прийти. Дверь открылась, он возник на пороге, глядя на нее. И Рита поняла, что он знает, о чем она думала, и это его приводит в гнев. О, Боже, она совсем не хотела огорчать господина, так и собиралась сказать, оправдаться. Но он не позволил говорить. Он дал понять, что она наказана. Женщина покорно склонила голову, принимая его право наказывать ее за измену.

За измену? Это она сейчас что подумала? Измену?

— Да, измену, — сказали жгучие глаза, полные мрачного удовлетворения.

Так, словно он только и ждал, когда она ошибется, чтобы преподать ей урок послушания.

О, да. Урок он ей преподавал. Отхлестал ее резиновым жгутом. Рите было очень больно, сначала она старалась не кричать, принимая наказание. Но потом стало невтерпеж, она стала вскрикивать, и за это ее били еще сильнее. Когда уже не осталось сил терпеть, и Рита думала, что сейчас просто отключится, он разом все прекратил. Измученная женщина сползла на пол, но тут господин взял мягкую губку, смоченную чем-то, и принялся нежно гладить и смазывать исхлестанную больную спину и ноги. Он смотрел ей в глаза, и Рита поняла, что мужчина ею доволен. Внезапная радость и гордость затопила ее, что смогла угодить господину. И боль прошла, осталось только сладостное возбуждение, а когда он коснулся ее губ, просто улетела. Кайф. Наслаждение. Бесконечное.

Потом уже было новое утро. И новый день, прошедший в лихорадочном ожидании наступления ночи. Она уже не помнила ни о чем, ни о муже, ни о том, ела ли вообще сегодня.

Так прошло шесть дней. Ночной господин приходил к ней во сне каждую ночь. Бил, унижал невообразимо, а потом дарил ей ласку и поцелуи. И она от этого испытывала блаженство. На седьмой день после особенно тяжелого наказания, которому он ее подверг, у них был секс.

***

Уже часов в десять следующего утра, в воскресенье, как гром небесный раздался звонок в дверь, вырывая ее из того иллюзорного мира, в котором она жила. Рита пошла открывать. На пороге стояла бабушка Костика. От изумления у Риты просто не было слов. Взгляд, которым ее наградила старая женщина, был красноречиво неприязненным. Она спросила:

— Может быть, пригласишь меня войти?

— Эээ... проходите, Евгения Матвевна...

— Благодарю, — выплюнула бабка и шагнула в дом.

Старуха, не раздеваясь, прошла в кухню и села за стол. Рита пошла вслед за ней, но сесть рядом не решилась, только пробормотала:

— Что-то случилось?

— Случилось?! — старуха нахмурившись посмотрела в окно.

Потом повернулась к ней и, глядя в глаза, резко спросила:

— У тебя вообще совесть есть?

— Что...

— Совесть, спрашиваю, у тебя есть? Я понимаю, муж из дома, так ты сразу на блядки, но совесть-то надо иметь!

— Я не... — попыталась оправдаться Рита, отчаянно краснея.

Потому что была в слова бабы Жени определенная правда, то, что происходило в жизни Риты по ночам, верностью мужу никак нельзя было назвать. Но старая женщина ее оправданий не хотела слушать.

— Это ж какой тварью бесчувственной надо быть... Ты хоть понимаешь, что Костику плохо?! Плохо!! А?! Ты понимаешь?! А до тебя дозвониться невозможно! То вне зоны, то трубку не берешь! — бабка немного повременила, приводя дыхание в норму, потом продолжила, — Он же... похудел-то как, Господи... Он же все это время ждал твоего звонка,

как манну небесную! Во сне каждую ночь метался... А в эту ночь так кричал во сне, будто его режут!

Потрясенная Рита не могла ни слова вымолвить. А баба Женя, отвернувшись от нее к окну, снова заговорила:

— А когда я его будить... А он не просыпается... — она замолчала, утирая слезы, — Не просыпается, понимаешь?! Не просыпается... А тебе никак не дозвониться...

До Риты потихоньку стало доходить.

— Что... Что с ним?

— Что? В больнице Костя. Положила и сразу к тебе. Может, ты что сделаешь... — она затрясла седой головой, словно отгоняя кошмарное видение, — Мальчик мой, Костенька...

— Баба Женя, клянусь, ни одного звонка я не слышала... — она полезла доставать телефон, мысленно кляня себя за то, что не удосужилась позвонить мужу ни разу.

На дисплее высветило 32 входящих.

— Чертовщина какая-то... Может, на вибро стоял, а я его из сумки не вытаскивала...

Старуха взглянула на нее презрительно и только головой покачала:

— Ии-эххх... Досталась ты ему в награду... Бесчувственная...

Рита приняла решение сразу.

— Евгения Матвеевна, сейчас мы поедem к Косте в больницу. Я только несколько звонков сделаю.

Старая не ответила, просто сидела молча и ждала, пока Рита собирается и звонит начальству, чтобы отпуск взять по семейным обстоятельствам. Сборы были недолгими, через час они уже ехали в районную больницу, куда бабка положила ее мужа.

Больница была большая. Построенная на излете последних сил Советской власти. Видно, что задумывалось с размахом, но увы, так и достроилось до конца.

Здание теперь было полупустым и обшарпанным, собственно, использовалось только одно крыло, точнее, часть крыла. Как бахилы и халаты взяли, сразу бегом к мужу в палату. Рита с ума сходила от волнения, нечистая совесть мучила. Хотя за что? За что корить себя?

— Ну, не позвонила. Так он же не маленький мальчик! Целый мужик, неужели не мог о себе позаботиться?! Что теперь всю жизнь ему носик подтирать?!

Но сердце сжималось в тревоге. Костик никогда раньше не пугал ее так, да и болел он раньше так серьезно никогда. Разве что насморк схватит. Поневоле приходилось признать, что дело нешуточное, мужу плохо, а ее не оказалось рядом в трудную минуту. Чувствовала себя Рита ужасно, еще и бабушка Евгения Матвеевна всю дорогу изводила Риту причитаниями, так что они даже поесть ничего не успели.

Навстречу попалась пожилая медсестра, Рита сходу начала расспрашивать:

— Скажите, Константин Троепольцев...

— А, явилась!

— Простите? — очень не понравилась Рите эта хамоватая интонация, — Что вы имели в виду?

— А то, что пришел в себя твой мужик. Тебя спрашивал.

Рита не стала дальше продолжать этот малоприятный разговор, а понеслась к мужу в палату. Баба Женя за ней. А медсестра посмотрела вслед Рите неприязненно, покачала головой и пошла дальше, бормоча себе поднос:

— Вот из-за таких вот... — дальше следовало непечатное выражение, — Хорошие ребята помирают. А им хоть бы хны! Эх... сынок...

В палату Рита влетела сходу, даже не сразу поняла, что Костик там лежит не один. В этот момент мужику на соседней койке как раз укол делали. Медсестра, конечно, не отреагировала, но мужик-то был слегка в шоке оттого, что его голая задница вдруг оказалась на обозрении у молодой женщины. Впрочем, Рита его и не видела, с порога впиалась глазами в Костика.

Бледный, еще похудел, синяки под глазами, но улыбается. Слава Богу... Улыбается...

— Костечка! Ты... — у нее сорвалось дыхание, и слезы вдруг брызнули из глаз, — Ты...

— Ритка, — он протянул к ней руки.

Рита бросилась к нему, а он прижал ее к себе, поглаживая по спине, и приговаривал:

— Ритка, Ритка... Ну не плачь... Видишь, со мной все в порядке... Ритка... Ты же со мной...

А она уже пришла в себя настолько, чтобы начать привычно распекать его:

— Троепольцев! Ты вообще в уме? Что ж ты как маленький?! Разве можно так доводить себя? Я тебя зачем в деревню отправила? А?! Чтобы ты себя тут угробил?

— Не кипи... — улыбался он.

— Костик... К врачу надо было обратиться сразу...

— Да ладно, Ритка, — он махнул рукой и погладил ее по щеке, — У меня же ничего не болит. Ты не звонила просто...

— И что? Что?! Костик!

— Ничего, теперь все в порядке.

— Ох, Троепольцев... Ох, и всыплю же я тебе!

Он откинул голову и радостно захохотал. Как счастливый и здоровый человек. И Рита даже отметила, что он и порозовел, да и выглядел лучше, чем в тот момент, когда она его увидела. Отлегло от сердца. Она обернулась к бабке, которая все это время сзади стояла изваянием:

— Евгения Матвевна, я пойду, спрошу, когда Костю выписывать можно будет, а вы тут побудьте, хорошо.

Оказалось, что выписывать Троепольцева можно хоть сейчас. Потому как его случай вообще медицине не понятный. Вроде все в норме, а вроде и не в норме. Только симптомов никаких нет. В тот же день Рита забрала мужа домой.

А дома тщательно осмотрела, отмыла, откормила вкусным ужином. Он хотел любви. Была и любовь. С тем чувством вины, которое нет-нет да и всплывало в душе у Риты, она не смогла бы отказать ему. Даже если и не очень хотелось.

После Константин заснул, прижимая ее к себе, а Рите не спалось, как-то не укладывалась у нее голове ее двойная сексуальная жизнь. Как-то не укладывалась.

Когда она, наконец, заснула, ей приснился ночной любовник.

Но опять все было не так. Теперь он словно был заперт и задыхался от боли. И словно звал Риту. Приказывал прийти, убеждал. Но не могла она сейчас, никак не могла... Утром, когда проснулась, в ушах стояли его стоны.

***

Мужу определенно стало немного лучше, он оклемался, вошел в колею. И любвеобилен-то стал, куда там медовый месяц... Бледный не бледный, худой не худой, а будто впрок запасался. Да, Костя вроде пошел на поправку, но теперь зато ненормально себя чувствовала она. Ей бы впору к психотерапевту обратиться, да словное не пускает что-то.

А сны эти повторялись. Регулярно. И тот мужчина, которого она держала в своем сне в заточении, пугал ее. И вместе с тем привлекал, как огонь манит мотылька. Она пока держалась, сосредоточившись на доме, на муже, на работе. Главное — не допускать... не допускать...

Но она же мучительно хотела снова почувствовать на себе его тяжелую руку... Его болезненные и блаженно сладкие ласки...

Все-таки, у нее что-то в непорядке с головой...

***

Рита держалась какое-то время. Но чем дальше, тем тяжелее становилось игнорировать то, что сны ее не пустые фантазии, что это какая-то странная оборотная реальность. И что он, ее повелитель мучается без нее, что она ему нужна.

Нужна...

Нужна...

Нужна!

Нужна!!!

Косте опять стало хуже. Однако Рита была так измотана морально постоянной борьбой со своими потребностями, что в одну из ночей все-таки уступила.

Обстановка во сне снова изменилась. Теперь ей снилось, что она стоит в коридоре. Такой широкий подземный коридор. Масляной краской покрашенные стены на две трети высоты, остальное — побелка. Проводка соплями висит под потолком. Лампы в жестяных коротких плафонах. Похоже... На тюрьму похоже. И она стоит перед железной дверью, в замке торчит ключ. А за дверью, она знала, он.

Он стоит с той стороны, напротив. Стоит и ждет. Давит на нее мысленно, велит открыть. Велит...

Она повернула ключ. Дверь бесшумно открылась, приглашая ее войти.

Рита поняла, что если войдет сейчас, обратного пути не будет. Он стоял там, смотрел на нее немигающими жгучими глазами, ждал. Звал. Обещал...

Не вошла. Убежала.

И в этот момент проснулась. Костик метался весь в поту, стонал, словно его резали. Рита стала его будить, в конце концов, надо разобраться уже с этими его кошмарами.

— Костя! Костя! Проснись! Троепольцев!

Расталкивать его пришлось долго. Когда наконец проснулся, она стала расспрашивать, что же он видит в своих кошмарах. Но муж так и не смог объяснить.

— Просто... Просто... Как будто... Не знаю, Ритка... Но мне очень страшно... Очень.

Таааак

Его кошмары. Это то, с чем она решила бороться. Сходили к психологу. Получили таблетки. На всякий случай пропили оба. Несколько ночей было глухого черного сна без сновидений, после вроде было нормально еще пару недель.

А потом случилось это.

***

Ей снова снился тот коридор. И снова дверь с ключом. А за дверью — ОН.

Только на сей раз, она не смогла убежать, очень уж ей хотелось хоть раз ощутить это...

Вошла. Мужчина, что ждал ее столько ночей в этой комнате, посторонился, давая ей пройти. В глубине комнаты был стул под лампой и больше ничего. Рита прошла, остановилась возле стула, не поворачиваясь к нему лицом. Страшно было смотреть ему в глаза, спиной чувствовала, что он обижен на нее. Что станет делать? Накажет?

Накажет... Ахххх...

Мужчина подошел сзади, ее стала пробирать дрожь, все звуки многократно усилились, и его тяжелое дыхание было просто оглушительным. Рита закрыла глаза. В этот момент он резко развернул ее к себе и со всей силы ударил ладонью по лицу.

— Правильно, — подумала она, — Заслужила. Бей. Бей меня. Бей! Мой господин...

Он ее бил. Когда упала на пол, пинал ногами. Она сворачивалась в комочек, тогда он резко вздергивал ее и снова бил. Рита только вздрагивала и тряслась от рыданий. Потом он содрал с нее одежду и бросил в углу. А сам пошел к стулу. Избитая женщина не знала, что дальше ее ждет, но блеск желания, который она уловила теперь в глазах господина, сулил блаженство.

Да, он смотрел на нее. Смотрел. Потом сел, медленно разделся и, оставшись обнаженным, поманил к себе пальцем. Рита подползла к ноге мужчины и прижалась к ней щекой, не прогнал. Слезы сами собой высохли, потому что господин, кажется, простил ее...

Простил... Рита прикрыла глаза, затрепетав в ожидании.

Он притянул ее к себе на колени, и какое-то время смотрел, проникая вглубь души

своими колдовскими глазами, поглаживая пальцем по щеке, унося боль, унося воспоминания о побоях, даря блаженство. А после стал целовать.

Этой ночью у них снова был секс.

***

Утром Костя не проснулся. Вообще.

В больнице, куда она его в тот же день положила, ей пришлось постоянно находиться при муже. Сейчас он лежал неподвижно вытянувшись, облепленный трубками, даже не заметно, чтобы дышал. Только писк приборов и показывал, что жив. Рита все прикладывала ухо к груди мужа, убедиться, бьется ли сердце. И опять ничего не понятно, вроде все показания в норме, а он на волосок...

Рита боялась заснуть, эта чертова двойная реальность... она уже не могла закрывать глаза на то, что происходит. А происходило что-то странное и ужасное. Костик уходил. Как? Почему... Почему...?!!

Она не спала одну ночь, колоссальным усилием воли высидела вторую, весь день потом ее гнуло. Терпела. Но нельзя не спать вечно.

На третью ночь она заснула.

В этом сне Рита снова была в той комнате, похожей на средневековую пыточную. Было темно, она скорчилась на коленях лицом к стене. Слышала, как открывается дверь, пропуская свет, пропуская внутрь ее господина, но не повернулась. Не смотреть на него.

Соппротивление?

Ей показалось, что он усмехнулся. Если можно видеть спиной, можно сказать, что она это видела. Звук. Снова знакомое звяканье. У Риты навернулись слезы, и одновременно она затрепетала, зная, что сейчас будет.

Мужчина подошел сзади. Шаги были тяжелые, такое чувство, что от них трясется пол. Подошел, встал за спиной. Все. Она закрыла глаза. Нет больше сопротивления, нет...

Внезапно он схватил ее за волосы, и резко и больно оттянул назад, заставляя смотреть на себя. Она пыталась не смотреть, пыталась... Но мужчина больно тряхнул ее за волосы, приказывая смотреть в глаза, подавляя своей волей остатки ее. Рита открыла глаза.

Удовлетворение. В его глазах читалось удовлетворение. Он накинуд ей на шею тот самый железный ошейник, застегнул его. А потом засунул под него два пальца и стал сдавливать, так что Рита начала задыхаться. Ей сделалось кошмарно страшно и одновременно все мысли помутились от желания. Так, продолжая сдавливать ошейник, что она не могла вздохнуть, он наклонился и стал ее целовать, а после поднял на ноги и грубо взял, даря неиспытанное доселе наслаждение, от которого Рита во сне потеряла сознание.

***

Когда она проснулась, Константин Троепольцев был уже мертв.

После того, как она проснулась, обнаружив Костика мертвым, Рита впала в какое-то истерическое оцепенение. Тело рыдало, надрываясь, не слыша, не чувствуя, что творится вокруг, а в душе было пусто-пусто. Словно кусок души отмер. Так странно... Она словно видела себя со стороны, Рита даже могла поклясться, что моментами именно так и было. Она видела молодую женщину, растрепанную и бледную, вот ее уговаривают отойти, дать возможность забрать труп, а она рыдает, бьется и кричит, вот ей колют успокоительное... Но Рита ничего не чувствовала. Ничего.

Это состояние продолжалось до самых похорон, съехала родня, все старались поддержать ее. Хлопоты по организации похорон взяли на себя друзья мужа, родители и бабушка Костика, Евгения Матвеевна. При ней постоянно кто-то находился. Боялись, чтобы она с собой что-нибудь не сделала. Хотя, мужнина бабушка иногда странно на Риту посматривала, словно о чем-то догадывалась. Костик хоть и не был сиротой, но именно бабушка его и вырастила. Евгения Матвеевна молчала, как будто ждала, когда Рита расскажет ей, что же случилось на самом деле, а Рита тоже молчала, не могла об этом ни слова из себя выдать. Ничего не могла с собой поделать, да и не хотела.

Не хотела думать. Заснуть. Не видеть сны. Просто перестать существовать.

Похороны были на третий день. Рита выглядела так ужасно, что по совету матери закрыла лицо густой вуалью. Глянула на себя в зеркало — неузнаваемая какая-то, чужая, а под вуалью и вовсе, таинственная незнакомка. На кладбище вышла небольшая накладка, чуть не уронили гроб. Отреагировав на необычный шум, Рита на какое-то время пришла в себя, и вдруг...

Среди стоявших поодаль мужчин она увидела ЕГО. Откуда?! Как? Ошибки быть не могло. Или могло... Откуда...

Мать держала Риту под руку, и только потому она не упала. Ей внезапно стало дурно, тут же кинулись к ней с нашатырем. Рита открыла глаза, вернулось сознание. А вместе с ним и дикий страх. Ей казалось, что ОН сейчас подойдет к ней при всех и предъявит на нее права. А она не сможет противиться...

Но тот мужчина, удивительно похожий на ее повелителя из снов, на нее никак не отреагировал, а продолжал стоять в стороне, о чем-то тихо переговариваясь с другими мужчинами. От того, что 'повелитель' не обратил на нее внимания, Рита испытала укол разочарования, но зато смогла облегченно выдохнуть и немного расслабилась, а вуаль надежно скрыла игру эмоций на ее лице. И все равно, тревога не оставляла вдову, пока она не оказалась в своей спальне. Родители хотели остаться, боялись, что ей может стать плохо, но Рита отказалась. Ей надо было остаться одной, и она бы сейчас выдумала тысячу причин, лишь бы ее, наконец, оставили в покое.

Бабушка мужа уехала еще раньше, так и не сказав Рите ни слова.

Когда пришло время спать, женщина, измученная напряжением, со страхом ожидала того, что может ей присниться. И страшно, и трепетно, словно в пещеру дракона заходишь, не зная, на месте ли хозяин.

Однако во сне ее снова постигло разочарование. Та Рита из сна видела перед собой даже не развалины, нет. Просто то место, где они с повелителем встречались, перестало

существовать, будто его никогда и не было. Сейчас она одна бродила по берегу океана. Седые волны, длинным накатом набегающие на песок. Ветер. Бегущие по небу облака. И она. И больше никого.

Словно никогда никого и не было. Рита упала на колени, схватилась за голову и закричала.

Потом, уже проснувшись, она смогла убедить себя, что тогда, на кладбище, мужчина из снов ей просто привиделся. А пустота во сне это проекция ее потери в жизни. Без Кости в доме вдруг стало так пусто... Она бродила по комнатам, то и дело находя какие-то мелочи, вызывавшие в ней щемящие воспоминания. Войти в кладовку Костика так и не решилась, слишком много его там было. Рита решила оставить вещи покойного мужа нетронутыми, как есть, не прикасаться. Во всяком случае, не сейчас.

Неделя ушла на то, чтобы как-то привести в порядок свой внутренний мир. Чтобы настроиться на работу и на нормальное общение с людьми. Еще три дня, чтобы привести в порядок свою внешность. Рита не могла смотреть на себя в зеркало, потому что от постоянных рыданий она была бледна, а нос распух, и глаза отекали, стали как щелки, мешки под глазами. Короче, краше в гроб кладут.

Через десять дней Маргарита Павловна вышла на работу.

***

На работе почти ничего не изменилось. Кроме одного. Старого шефа их отдела статистики перевели в головной офис, а к ним прислали нового человека на эту должность. Нового начальника отдела звали Николай Маркович Васильев. Перевелся из столицы, народное радио сообщило, что у него тут какие-то дела с наследством, вот временно тут и работает, совмещает приятное с полезным. Дамы из отдела сплетничали. Шептались, что новый шеф сказочно хорош собой, и вроде бы свободен. Кажется, разведен.

А прислали, и прислали. Когда Рите эту новость сообщили, ей было совершенно безразлично. Пусть хоть весь директорат во всех филиалах сменится, ее-то это как касается? Действительно, никак.

До тех пор, пока не столкнулась с новым шефом в коридоре.

Риту словно кипятком ошпарили, она застыла в ступоре, сердце готово было выскочить из груди. Новый шеф был высокий, спортивный мужчина, весь какой-то жгучий, темноволосый и темноглазый. Удивительно похож на... ОН!!!

Что сейчас будет?! Что?!!!... Бежать...

Однако мужчина просто обошел ее и прошел мимо, даже не обратив внимания. Бросил слегка удивленный взгляд, и все. Рита готова была сползти по стенке на пол, только усилием воли смогла собраться и доковылять до туалета, а там запереться в кабинке. Прийти в себя и все обдумать.

Итак.

Сон не явь. И слава Богу!

Этот мужчина ее не знает. Да и вообще, к ней никакого отношения не имеет. И вообще, это не тот, это совершенно посторонний мужчина! Другой! Просто похож. Просто...

Так она убеждала себя довольно долго, пока, наконец, смогла выйти и вести себя более или менее адекватно. Рита приказала себе забыть все, что виделось ей в снах. Она даже была уверена, что сможет. Привела себя в порядок, посмотрелась в зеркало и пошла на рабочее место. Видимо, выглядела она все-таки не важно, потому что коллеги тут же заметили и

предложили наперебой, кто кофе сварить, кто успокоительного, кто просто отпроситься и пойти домой. Но домой Рите не хотелось, домой сейчас было страшно. Страшно снова окунуться в ту атмосферу. Ей сейчас было лучше оставаться на людях.

Страшно. Откуда... Откуда? Почему появился этот непонятный липкий страх...

***

На следующий день она снова видела его в коридоре и даже смогла пройти мимо и не споткнуться и не упасть в обморок. Думала, сгорит на месте. А тот мужчина лишь приподнял брови, и еле заметно кивнул головой, обозначая приветствие. Офисная вежливость, не более того.

Вернувшись на место, Рита долго сидела, уткнувшись глазами в одну точку на экране. Из прострации ее вывел голос соседа

— Маргарита Павловна, что с вами? Вам что, плохо?

Отреагировала не сразу.

— Маргарита Павловна...?

— А, все в порядке, Сергей Иванович, — она даже смогла улыбнуться, — Все в порядке.

Пожилой коллега сочувственно и понимающе улыбнулся и проговорил:

— Я понимаю, воспоминания не спрашивают, когда им приходится... Вы так молоды, ваш муж и вы... Вы ведь были очень близки...

— Да, — ответила Рита, а сама думала, — Ничего ты не понимаешь, мужик! Ничего. Знал бы ты вообще, о ком я думаю и что вспоминаю...

— Вам бы отпуск взять, съездить куда-нибудь. Развеемся.

— Я подумаю, спасибо.

Коллега отвернулся, поняв, что больше Маргарита Павловна говорить не намерена, а она принялась за работу. Однако этот разговор дал почувствовать, что ее состояние отнюдь не секрет для окружающих, и если она не возьмет себя в руки, пойдут лишние разговоры.

***

С месяц примерно Рите удавалось избегать всяческих, даже случайных контактов с новым шефом. Это было не сложно, в конце концов, отдел большой, а она обычный маленький сотрудник, если сидеть на месте, погрузившись в работу, можно вовсе не заметить, существует ли она вообще. Конечно, грызла досада и разочарование, но сон — не явь. Сон не явь, и слава Богу! Но разочарование довлело над остальными чувствами, заставляя забыть обо всем. О смерти, о Костике, о собственном чувстве вины, превращая ее жизнь в какой-то кошмарный коридор.

Этот мужчина не тот, не ОН. Не ОН. Очень жестоко было судьбе послать ей его сейчас. Темный коридор, и нет никакого света в конце.

И ей не снились сны. Точнее снились. Но она была в них одна. И опять бродила. То берег океана, то снежная пустыня, а то песок. Всегда одна.

То, что у нее махровая депрессия, Рита поняла сразу. Сходила к врачу, накупила таблеток. Сны теперь не снились, но это было еще хуже. Как если бы ее отлучили от чего-то, что составляет половину ее жизни. Пусть не самую приятную, но и жить без этого очень тяжело.

А потом ее вызвали к адвокату.

Какое-то наследство. От Костика. Какое наследство...?

Письмо пришло вечером, на встречу ей надо было прийти завтра к 11 утра. Рита проплакала полночи, потом уснула тяжелым, мучительным сном. В этом сне она была не одна. Рита даже не могла точно сказать, где была и что видела, скорее чувствовала. Чувствовала рядом ту смутную фигуру, что ей приходилось видеть в снах и раньше. Страдание. Она могла ощутить страдание, исходившее от... Но кто это? Кто? Не важно. Кто бы это ни был, он мучился, и он о чем-то знал. О чем-то важном.

***

К 11-ти часам Маргарита Троепольцева была в приемной адвоката, ожидая, когда ее пригласят войти. Секретарь вызвала ее и она вошла. Адвокат чуть привстал, поприветствовать, пригласил сесть в одно из двух кресел с высокой спинкой, что стояли перед его столом. Рита сразу обратила внимание, что в соседнем кресле кто-то сидит. Мужчина. Она не стала его разглядывать, в конце концов, это не прилично. Просто села и стала слушать, что говорит адвокат.

Слушала, как этот... Господи... Костик, дурень малолетний... Господи... Это ж надо, в двадцать один год завещание написать... Еще и не поженились даже, а он уже все, что имел, ей оставил. Как будто знал...

Рита заплакала горькими слезами.

Но, оказалось, это еще не все. Оказалось, у Костика был дом. Странно... Он никогда не упоминал... Ах, сам не знал... Узнал за неделю до смерти... Получил в наследство. А она наследница мужа...

Адвокат вежливо подождал, пока она немного успокоится и вытрет слезы. Потом стал говорить, что Константин Троепольцев не единственный наследник, что есть еще один, а наследство в равных долях. Рита уже успокоилась, приступ острой тоски прошел, она готова была слушать дальше все необходимые формальности. Хотя и не представляла себе, что будет с этим домом делать. Точнее, с 1/2 частью дома. Тут адвокат начал говорить что-то о втором наследнике, Рита попыталась сосредоточиться.

— Маргарита Павловна Троепольцева, — она согласно кивнула, — Познакомьтесь. Николай Маркович Васильев, второй наследник, кстати, дальний родственник вашего мужа.

И в этот момент мужчина повернулся.

— Мы знакомы, работаем в одной фирме, — этот голос...

Рита упала в обморок.

Пришла в себя быстро, вокруг хлопотала секретарша, приводя ее в чувство, адвокат обеспокоено хмурился. Рита поблагодарила, пряча глаза:

— Спасибо, мне лучше.

— Простите, не думал, что это на вас так подействует, — адвокат был взволнован, — Но дело есть дело...

— Ничего, я в порядке.

Потом они подписывали какие-то бумаги, адвокат выдал комплекты ключей, так

сказать, для ознакомления.

— Примите мои соболезнования в вашем горе, — проговорил этот мужчина, Николай, — Простите, когда встретил вас на работе, я даже не подозревал, что вы жена... Простите, вдова Кости. Думал, возможно, однофамилица. Простите, что не уделил вам должного внимания.

Рита готова была умереть, только кивнула головой в ответ, отводя глаза. А тот продолжал:

— Мы с Костей не виделись давно, почти девять лет. Жаль, не застал его живым. Такая трагедия...

— Да... трагедия, — пробормотала Рита.

Адвокат вежливо кашлянул, напоминая, что время, отведенное им, истекло. Назначил новую встречу и новообетенные родственники вышли из кабинета. Рита была подавлена. Ситуацией, своими чувствами, явно неразделенными, страхом нечаянно раскрыться и выдать себя. Мужчина тоже молчал. Она только набралась сил, чтобы посмотреть на него и попрощаться, как он сказал:

— Позвольте, я вас подвезу.

— А... Что? Н-нет... не... спасибо... — мысли Риты заметались в панике.

— Вы сейчас расстроены, не в себе. Куда вам, домой или на работу? Я с шофером. Позвольте, я отвезу вас куда нужно, а он поедет за нами...

Ехать с ним наедине? Ни за что!

— Благодарю, подвезите меня, пожалуйста, на работу. А машину... Машину заберу позже. Или попрошу кого-нибудь.

— Что вы, мы перегоним, скажите только адрес.

Вот этого ей не хотелось.

— Если не трудно, пусть ее подгонят на работу.

Сели в машину, этот Николай Маркович еще расспрашивал о чем-то, Рита отвечала односложно. Потом повисло неловкое молчание. Она поняла, что ведет себя невежливо. В конце концов, разве его вина, в том, что...

— Николай Маркович...

Он был даже удивлен, что женщина подала голос. Вдова Костика. Николай Васильев видел ее пару раз в коридоре, столкнулись случайно. Теперь, когда они оказались в какой-то мере родственники, он должен уделить ей немного внимания. Долг уважения, хотя бы ради Кости. Ради давней дружбы с ним. Он прислушался.

— Николай Маркович, простите, но раз уж мы являемся сонаследниками... Хотелось бы знать, кому принадлежал ранее этот дом. И почему он достался в наследство вам и Косте.

Рите удалось собраться и абстрагироваться настолько, что она даже смогла смотреть на него. Мужчина нахмурил брови, пожал плечами, отвел взгляд в окно, потом ответил:

— Видите ли, я не знаю, почему именно мы с Костей, — тут он сделал неопределенный жест рукой, — А принадлежал дом нашей бабушке по отцу. Эээ... Наши с Костей отцы сводные братья, единоутробные. Знаете, бабушку я плохо помню, видел ее в детстве, и то, всего несколько раз. Помню только, что родители с ней не ладили. А Костины... Костины вроде тоже.

Он прервался, глядя в окно, словно теперь уже он не решался смотреть Рите в глаза, потом все же повернулся к ней лицом и произнес:

— Так что я понятия не имею, почему я и почему Костя. Хотя у нее были и другие

родственники.

— Но если есть другие родственники, они могут оспорить завещание?

— Нет. Никто не посмеет оспорить волю бабушки. Никто. В этом я уверен.

Голос был тих и полон мрачной уверенности, так что Рита поневоле задумалась, а приятно ли ему это наследство. Несколько минут прошло в молчании, потом вдруг мужчина предложил:

— Не хотите ли взглянуть на наследство? День все равно пропал, нет смысла теперь возвращаться на работу.

— Но... — пыталась протестовать Рита.

— Как ваш шеф, я отпускаю вас на сегодня, — даже подобие улыбки.

— Спасибо.

— Спасибо да? Или спасибо нет?

— Спасибо да.

Он кивнул и назвал шоферу адрес. Рита отвернулась к окну. Хорошо. Удалось даже вести себя с ним естественно. Так и надо. Надо сохранить эти официально- вежливые отношения. Он не должен догадаться ни о чем. Она справится. В конце концов... Уволится. И забудет о нем.

— Он все равно не ОН. Не ОН. И нечего обмирать каждый раз, когда он на тебя посмотрит. Довольно. Все прошло, — твердила себе Рита.

Да, можно убеждать себя, можно даже убедить. Но. Это запретное нет-нет, да и прорастало из нее дрожью узнавания, затаенной надеждой. Только гордость, да остатки здравого смысла мешали ей броситься перед ним на колени и умолять... Только гордость, да сознание того, что ему это вовсе не нужно.

***

Через сорок минут езды по пробкам они подъехали. Дом, оставшийся в наследство оказался старым купеческим особняком, судя по архитектуре, где-то начала прошлого века. Обшарпанный, почти нежилой на вид, но не развалина. Просто видно, что здесь давно никто не жил. Они ходили по комнатам, старая мебель в чехлах, темные выцветшие обои, следы от картин на стенах, но кое-где картины были на месте, высокие потолки с карнизами и следами замазанной росписи. Явно, никто не жил тут несколько последних лет. Внезапно у Риты возникла смутная догадка, она даже не успела сообразить как спросила:

— Скажите, Николай Маркович, а ваша бабушка... она когда умерла?

Тот вздохнул, подойдя к столу, провел рукой по волосам, и только потом ответил:

— В том то и дело, что бабушка Елизавета Матвеевна, умерла одиннадцать лет назад.

— Тогда... Почему о завещании вспомнили только сейчас?

— Ха-ха, — невесело засмеялся Николай, — Не только сейчас. Нет. Просто в завещании так и было записано, через одиннадцать лет.

— Странно... А здесь что, никто не жил? — спросила она просто удостовериться.

— Никто, — он как-то опасливо огляделся, — Жутковатое место. Мне никогда здесь не нравилось. А вот Косте...

— Косте нравилось? — поразила Рита.

— Да. Ему нравилось здесь бывать. Мы, правда, были мальчишками, но я помню, он сожалел, когда его родители поссорились с бабушкой.

— Скажите, Николай Маркович, сколько вам лет? Простите, за нескромный вопрос, но

вы кажетесь мне намного старше Кости.

Он взглянул на нее и странно хмыкнул.

— Намного? Да вроде нет. На два года всего. Мне двадцать семь.

— Простите, — смутилась Рита, — Я была бестактна.

— Ничего.

Вид у мужчины был немного усталый и отрешенный. Они уже обошли весь первый и второй этажи, заглянули на пыльный чердак. Николай Маркович высказал предложение отремонтировать его и сдать в аренду. Здание старинное, в неплохом месте, может получиться престижный офис. Рита поддержала. Тем более, что до вступления в наследство еще масса времени, да и расходы он собирался взять на себя. У нее вообще созрела мысль отказаться от этого наследства в пользу Васильева.

Ни к чему ей этот дом. Ни к чему.

Они уже собрались уходить, когда Рита заметила дверь в прихожей. Она даже могла поклясться, что раньше этой двери не видела.

— А там что?

— Давайте посмотрим, — ответил Николай и открыл дверь.

Лестница, ведущая вниз. Неширокая, около метра. Крашенные масляной краской стены на две трети высоты. Выше побелка. Жестяной плафон под потолком. Еще одна дверь.

Коридор.

Боже... она уже видела во сне такой коридор.

Она же это уже видела... Откуда... Как...

Рите стало страшно, дыхание сбилось.

Дверь. Тяжелая железная дверь.

Мужчина повернул ключ и открыл дверь. Она была в оцепенении и молчала, хотя больше всего сейчас хотелось крикнуть:

— Нет!!! — и убежать.

Дверь со скрипом открылась, она невольно отметила, что во сне было не так, во сне дверь открывалась бесшумно. Комната была пуста. В середине стоял грубый деревянный стул. Рита, уже не владея собой, выскочила в коридор и отбежала пару шагов, он быстро вышел вслед за ней.

— Да, вы правы, — пробормотал мужчина, — Как-то жутко...

Рита ничего не ответила, даже не смогла поднять на него глаз. Она сейчас вновь переживала те моменты извращенной и жестокой, но блаженной близости, что дарил ей тот, повелитель из снов. Такой похожий на этого, но другой. Николай Маркович если и видел ее замешательство, все равно не понял его причину. Он и сам торопился уйти, просто, раз уж оказался тут, надо было пройти все помещения. А в конце коридора была еще одна дверь. Старинная деревянная дверь.

Остановившись около этой двери, он подозвал Риту:

— Маргарита Павловна, давайте еще сюда заглянем, и можно уходить. Вроде все осмотрели.

Переполненная самыми противоречивыми ощущениями и отвратительным предчувствием, она пересилила себя и подошла. Ключ, торчащий в двери, был такой старый, кованый, как из музея, Николай даже сказал что-то на этот счет, она почти не слышала, кровь стучала в ушах. Хотелось крикнуть:

— Не открывай эту дверь! Нет! Не надо!

Но опять она не издала не звука, словно кто-то запретил.

Дверь медленно отворилась, открывая глазу комнату без окон, стены из грубого камня, пол земляной. Прямо средневековая темница.

Рита снова упала в обморок.

***

Он подхватил молодую женщину на руки и побежал из этого подвала, где почему-то так трудно дышать, наверх. Мужчина и сам был под тягостным впечатлением, которое оставлял этот дом. Стараясь нести женщину аккуратно, чтобы не ударилась на лестнице, вынес в холл, повертел головой, ища, куда бы ее положить. Потому что эта Маргарита Павловна, вдова Кости, все еще не очнулась. Заметил диван в гостиной и понес к нему. Положил.

Женщина и не думала приходить в себя. И что теперь делать, он был в замешательстве.

Размышляя о том, что ему известно об оказании первой помощи, и вообще, не вызывать ли скорую, он невольно разглядывал ее.

Молода. Красива. Бледные губы полуоткрыты, Светлые волосы растрепались и выбились из прически. Шелковистые мягкие волосы. Нежная шея отвернута в сторону... Будь он вампиром, это бы выглядело как предложение... Вот какого черта он вдруг так подумал? Непонятно...

Непонятно было другое. Чем дольше он смотрел на нее, беспомощную, предоставленную его власти, тем больше каким-то ядом проникало в кровь желание обладать ею, владеть. Безраздельно. У него даже пальцы свело...

Вздыхнула. Открывает глаза.

Николай вдруг устыдился своих мыслей и отошел.

Обратно ехали в полном молчании. Оба думали, что не стоило ездить в тот дом. Он привез ее на работу, сухо попрощался, она только кивнула в ответ, даже не взглянула.

Дома Рита забилась в постель, наевшись тех таблеток, что ей прописал психолог, думать о чем-то и анализировать она сейчас категорически отказывалась. Может быть, завтра, а может, через год, когда у нее на это найдутся силы. Больше всего хотелось забыть все к чертовой матери.

Николай Васильев весь оставшийся день и вечер не мог избавиться от того ощущения, что испытал, когда увидел ее беззащитную. Такого никогда еще с ним не случалось. Наваждение какое-то. Яд. Яд, проникший в кровь. Яд, проникший в его сон.

Неясный сон, где она была в его власти, покорна, ждала... Яд.

Это же вдова Костика...

Как ему теперь смотреть ей в глаза.

А на утро Николай Маркович решил выбросить эти ночные видения из головы.

Мужик решил, мужик сделал.

И все прошло довольно успешно, вроде убедил себя, что его к этой женщине не тянет. Даже засмеялся про себя:

— Во всем виновата гнетущая обстановка. Подвал этот пыточный...

Его передернуло. Но вместе с тем всплыло и то вчерашнее эротическое послевкусие. Подавил дрожь, хохотнул еще раз, заел это все кофе с бутербродом.

Пока завтракал, практически успокоился.

Правда, по дороге на работу ощущал некоторую нервность и странную неловкость. Смешно сказать, но да, он страшился встретиться с ней.

Смешно сказать...

***

Маргарита после тех таблеток с трудом смогла проснуться. Будильник разорвался минут двадцать, она все передвигала и передвигала время подъема, пока наконец не настал критический момент, когда времени остается только на то, чтобы почистить зубы, махнуть щеткой по волосам и бежать. Позавтракать она не успела, да и не хотелось. С утра забилась в свой уголок и работала, уткнувшись в экран. Хотелось скрыться, стать маленькой и незаметной. Не видеть его больше, не думать, не желать.

***

Приехав на работу, Васильев сразу прошел в свой кабинет. Пока шел от лифта до дверей,

чувствовал себя неуютно, так будто кто-то его пристально рассматривает, а он голый. Но вот уселся в начальническое кресло, рабочий день начался, пошли косяком дела, и он погрузился в свои обычные занятия. Работать Николай Васильев любил, и до обеда время пролетело незаметно.

А как подошел обеденный перерыв, то, что он с самого утра старательно в себе задавливало, внезапно вылезло наружу и стало казаться разумным и единственно правильным. В мозгу сформировалась и стала сверлить мысль, что надо бы Костину вдову пригласить вместе пообедать. Надо же ей внимание уделить, в конце концов, родственники. Не говоря уже о том, что наследство общее. Теперь, когда Васильев знал, кто она, эта Троепольцева, игнорировать ее будет просто не по-людски. Да и невежливо это.

Он уже практически убедил себя, что вчера ничего не было, ему просто почудилось, а когда чудится, надо креститься. Васильев усмехнулся про себя:

— Глупости. Чушь какая, почему не подойти и не пригласить человека на обед? Родственницу? Тем более, у нее только-только муж умер. Ей наоборот надо больше с людьми общаться, говорить, излить свое горе.

Тем более, что вчера вдова показалась ему измученной и нездоровой. Откровенно нездоровой.

Правда, под всеми альтруистическими рассуждениями таилось нечто весьма и весьма плотское и темное, то чего он не хотел признавать, и чему не желал давать названия. Темная потребность была сильна, непреодолимо сильна. Она приказывала ему пойти и взять женщину себе. Но мужчина задавил в себе этот темный голос.

К черту! Нет у него никаких задних мыслей, просто родственница, просто общее горе! И ничего больше! Так, себя почти убедил. Осталось пойти и пригласить ее вместе пообедать.

Однако с каждым шагом решимость таяла, к тому моменту, когда он вышел в коридор и подошел к двери отдела, Николай уже даже не мог бы сказать, какого лешего он все это затеял. У него проскальзывала мысль, что пригласить Маргариту Павловну при всех — значит дать пищу сплетникам, чего, по большому счету, не хотелось. Но и от этой мысли он пытался отмахнуться. Можно дождаться, пока народу в отделе не останется, можно найти любой предлог. И в конце концов! Он что, не может просто взять и зайти в свой отдел?!

Он так и остался в коридоре перед дверью, пытаясь привести в порядок мысли и успокаивая дыхание. Войти внутрь — ноги не несли, а и уйти не получалось. Глупо. Мимо прошли две сотрудницы, поздоровались, Васильев кивнул в ответ и вытащил телефон, сделав вид, что слушает.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Кошмар... Вот так прикидываться шлангом... Детский сад!

Хотел развернуться и уйти, и вдруг услышал:

— Маргарита Павловна, что-то вы неважно выглядите сегодня. Пойдемте-ка пообедаем.

А то вы в последнее время вовсе не едите.

— Что вы, Сергей Иванович, я ем... Правда...

— Оно и видно, совсем исхудали. Пойдемте, составите компанию старику.

Несколько секунд молчания, потом ответ:

— Хорошо, Сергей Иванович, сейчас, я только из программы выйду.

— Вот и правильно.

Николай стоял, слушая их разговор, и понимал, что его это бесит. Бесит, что старый сморчок опередил его, а главное, бесит, что она согласилась. От этого он стал мрачен и

задумчив, и незаметно отошел к себе. Дверь не стал закрывать, оставил щелочку и встал прямо за дверью, зная, что им придется пройти к лифтам по коридору, минуя его кабинет.

С мужчиной творилось что-то странное. Он не осознавал и не смог бы объяснить себе, что делает. А ведь он сейчас за этой женщиной, за вдовой Кости, следил как обманутый ревнивец. Подглядывал. Зачем? Зачем прятаться и подглядывать? Глупость какая-то.

Глупость. Но в нем волнами стала подниматься злость, когда Костина вдова вместе с пожилым сотрудником прошла мимо него к лифтам. Он почему-то обиделся. Настроение испортилось, даже есть расхотелось. Темная потребность душно охватила горло, заставляя сбиваться дыхание и отравляя кровь.

***

Рита сидела в кафе с вьедливым старым перечником Коротковым. Что-то ели, вкуса она все равно не чувствовала. Сергей Иванович что-то говорил, Рита отвечала, потом пили чай. Е какой-то момент она вдруг поняла, что слышит, слышит слова соседа. Хотя раньше они проходили мимо сознания, отвечала на автопилоте.

— Маргарита Павловна, вы не молчите, не носите горе в себе, — пожилой мужчина смотрел на нее доброжелательно и серьезно, — Лучше расскажите, каким он был. Ваш муж.

— Мне тяжело говорить об этом, — сказала Рита.

А сама подумала, что в этот конкретный момент была подавленной вовсе не из-за Костика. Нет, ее угнетало вчерашнее.

— А вы просто расскажите мне что-нибудь хорошее. Хорошие воспоминания, светлые. И постарайтесь вспоминать только веселые моменты из вашей жизни. Хотя бы один.

Рита задумалась. Хорошие воспоминания? Хорошие... Что ж может это и сработает. Мысли неохотно сменили направление и углубились в прошлое, а потом через силу начала рассказывать. Только чтобы дед отстал и не доставал ее. А потом... Потом как-то сами вспомнились школьные годы, проказы... И да, она к концу обеда даже улыбалась.

— Вот видите, Риточка, вы простите старика, что я так вас называю, как много хорошего осталось.

Волшебство рассеялось. Вернулась тоска, давящее чувство вины и страх перед будущим. Рита помрачнела и стала собираться:

— Простите, Сергей Иванович, спасибо, что потратили на меня время, но мне уже пора, — и просто сбежала.

Дед смотрел ей вслед, думая, что странно все. И жалко девчонку, наверное...

***

Васильев на обед так и не пошел.

Возвращаясь с обеда, Рита проходила мимо кабинета начальника, чуть с ним не столкнулась. Тот как раз дверь открыл. Все ощущения вернулись мгновенно, внезапно нахлынувший страх заставил ее опустить глаза и просто кивнуть. Васильев сухо и, как ей показалось, неприязненно кивнул в ответ, оглядев ее с ног до головы. А потом вернулся в кабинет и с шумом закрыл дверь.

— Чем-то обижен... жаль, но так даже лучше, — с тоской подумалось ей.

— Какого черта она отводит глаза, — раздраженно подумал он.

***

Сергей Иванович видел эту короткую сцену, как раз только что из лифта вышел. Видел и улыбнулся, а улыбка у пожилого мужчины вышла заинтересованная.

Три дня прошло как в вакууме. Рита старалась как можно меньше показываться шефу на глаза, сидела в своем углу, как мышь, склонив голову и пряча глаза. Честно говоря, она больше всего боялась, что этот красивый жгучий чужой мужчина догадается о ее чувствах. И уж совсем недопустимой была мысль, что он не дай Бог, узнает о ее извращенных наклонностях. Господи, какой будет позор...

Это дурацкое состояние уже становилось невтерпез, Рита даже начала подыскивать себе другое место работы и разослала резюме. В последнее время еще нервировал Коротков. Старый перечник все норовил проявить участие, посочувствовать, а ее от этих его потуг охватывало тихое бешенство. И ведь не выскажешь, приходилось кивать, благодарить и терпеть.

Маргарита часто ловила себя на мысли, что уже почти и не думает о Костике. А если и думает, то не как о мужчине, которого любила и потеряла, а как о чем-то, что она просто проглотила. Становилось обидно и зло брало на себя. Что ж она, совсем бесчувственная, что ли? Каменное сердце!? Троепольцев еще полгода не прошло как помер, а она... В такие моменты Рита презирала себя.

И все-таки, как бы она не старалась подавить это в себе, ее буквально выкручивало от желания оказаться с этим мужчиной. Хоть во сне, хоть наяву. Хоть один раз. Потому что сны те ей больше не снились, ночной повелитель исчез из той оборотной реальности, в которой она принадлежала ему. И теперь в своих снах Маргарита была одна. Всегда.

Это все смутно походило на какую-то компьютерную игру-бродилку, в которой ей нужно пройти этот уровень и перейти на новый чтобы выжить.

Еще в последнее время часто приходил один и тот же сон.

Она в лесу, идет среди стволов громадных елей, ветки цепляются за одежду. Темно, непонятные пугающие звуки, мягкие прикосновения, от которых страх впивается холодными иглами в загривок. И вдруг хищник! Она не видела его, просто знала, что там где-то прячется страшный зверь, и этот зверь следит за ней.

После таких снов Рита просыпалась в холодном поту с самым кошмарным предчувствием. А есть таблетки не хотелось. После них все становилось таким... Душа ощущалась ватной, как десна после заморозки. Зуб удалили, еще не больно, чувствительность пока не вернулась, но ужасно неприятно.

***

С Васильевым в последние дни начало твориться нечто непонятное. Это накатывало волнами. Темное. Потребность. Видеть ее, контролировать.

Вдову. Контролировать?

Но она просто провоцировала его своим испуганно-жертвенным видом. Вдова человека, бывшего его другом и родственником.

Откуда это? Зачем? Они совершенно посторонние люди. Да, работают в одной конторе, так он что, только с ней, что ли работает? У него в отделе 35 человек, не считая техник, охраны и рисепшена. Допустим, дальнее родство, так то десятая вода на киселе. Ничего из этого не дает ему ни оснований, ни прав как либо вмешиваться в ее жизнь. Она посторонняя

женщина.

Но никакие доводы рассудка не могут победить внутренней потребности. Особенно, если эта потребность начинает перерастать в зависимость.

Иногда он явственно ощущал, если сейчас не увидит ее, ему просто станет плохо. И тогда, ломая себя, плелся в отдел. Делал вид, что зашел проверить, как там обстоят дела с тем, триста лет ненужным делом, или этим. Говорить по полчаса с другими сотрудниками, стоя к ней спиной, чтобы потом мельком скользнуть по ней взглядом.

Это ужасно. Он ведь не мальчик, жизнь уже научила. Его бывшая за два года брака мозг выела на корню, да еще и обвинила в недееспособности. Это его-то! Да и черт с ней, с бывшей! Он теперь вообще на баб смотрел с опаской. А тут...

Его бесило и нервировало, что она не смотрит на него. Прячет глаза. Почему?! Почему она прячет глаза? Есть, что скрывать? Ему нужно было знать все ее тайны. Это вдруг стало жизненно важным. И вообще, ему нужно с ней поговорить.

Накатывало, и потом вдруг отпускало, наступало опустошенное спокойствие. А потом снова. Странное состояние, будто кто-то включает и выключает его эмоции.

Так бывало днем.

А по ночам Николай видел сны. И что было уж совсем раздражающим, во сне он видел то, чего ему хотелось днем. Мммм..... Во сне он властвовал над ней и она подчинялась. Эти сугубо мужские сумбурные сны, наполненные яркими картинками доминирования, сводили его с ума, заставляя вновь ощущать себя безмозглым сопляком, помешанном на сексе.

Что за чертова гремучая смесь были его чувства к Костиной вдове? Когда это все рванет... Сколько он продержится? Васильев отказывался об этом думать, просто понимал, что надолго его не хватит. С этим что-то надо делать...

Сделалось само собой.

***

Николай Васильев обычно задерживался на работе, осталась привычка еще с тех пор, когда он был женат на своей Вере Талыгиной. Их брак продлился четыре года, из них последние два были просто ужасны. Она всячески доставала его, пилила за каждую мелочь. Жены умеют так, что бы ты не сделал, плохо будет все. А он старался меньше бывать дома. И вообще, после того, как его каждый вечер ожидало перманентное выяснение отношений, в которых он был всегда неправ по умолчанию, ему в постель с ней ложиться совершенно не хотелось. Это стало дополнительным поводом. Она закатывала еще и сцены ревности. Даже следила. Наняла частного детектива.

Когда до Васильева наконец дошло, он подал на развод. Он ведь ей не изменял, но просто невозможно делать ЭТО с человеком, который тебя постоянно старается уколоть или вывести из себя своим вечным недовольством. А Вера распустила сплетню, что он недееспособен как мужчина. Николай тогда здорово обиделся, не стал никого переубеждать, что-то объяснять, просто ушел. И все.

Они развелись полгода назад, а привычка задерживаться осталась. Не хотелось возвращаться в пустую квартиру. Но сегодня он вышел раньше, чем обычно. Как будто что-то гнало его.

Еще из дверей увидел, как Маргарита удрученно стоит рядом со своим авто, а около нее суетится этот старикан, Коротков. У Васильева почему-то аж кровь вскипела, так вдруг ему стало неприятно видеть хлопочущего дедушку рядом с ней. Он быстро подошел, спросил:

— Маргарита Павловна, что-то случилось?

Рита взглянула на него исподлобья и тихо проговорила:

— Ничего особенного Николай Маркович, не стоит беспокоиться.

Как это не стоит? Она что, его игнорирует? А дед продолжал что-то лопотать и даже взял ее под руку. Вот это было последней каплей.

— Маргарита Павловна, — голос Васильева был строгим, и не давал возможности увильнуть от ответа, — Что у вас случилось? Отвечайте.

Взгляд у Костиной вдовы сделался испуганный, губы затряслись, она пробормотала дрожащим голосом:

— Не могу понять, что с машиной, мотор не заводится... — и сразу опустила глаза.

— Риточка, давайте я вас подвезу, — все твердил старый перечник.

— Она поедет со мной, — Николай произнес это раздельно, глядя Короткову в глаза.

Он даже не успел подумать, как эти слова слетели с языка, просто досадного старикана надо было раз и навсегда поставить на место.

Сергей Иваныч так и застыл с открытым ртом, и как будто даже уменьшился в размере. А Николай обратился к Маргарите серьезным начальственным тоном, не терпящим возражений:

— Маргарита Павловна, я доведу вас, а машину вашу отгонят в сервисный центр. И пока она будет в ремонте, будете пользоваться этим авто.

— Но мне... — женщина вздрогнула и сжала руки.

— Что? Неудобно?

Рита кивнула, однако взглянуть на него так и не осмелилась.

— Глупости. Это меньшее, что я могу сделать из уважения к Косте.

Тут Рита вскинула на него глаза и прошептала:

— Хорошо.

— Хорошо, садитесь в машину, я вас доведу.

Николай Маркович был так решителен, невозможно было ему не подчиниться, тем более, что ей хотелось подчиняться, до дрожи, до мурашек. Он открыл ей дверь, и Рита села в его машину, понимая, что только что захлопнула дверцу собственной клетки. Теперь она никогда не сможет ему противиться, теперь она его.

Если ему угодно будет захотеть. А будет ли ему угодно...

Про Сергея Ивановича Короткова и он, и она забыли. А между тем он видел все и слышал, и проводил их отъезжающий автомобиль странным взглядом. Какое-то злобное удовлетворение таилось в его глазах.

Машина ехала по пробкам, время тянулось, словно густой клей. От напряжения воздух между ними чуть не искрил, молчание повисло тяжелое и какое-то осязаемое. Рита умирала от странной смеси страха, что он догадается о ее чувствах, желания и неуверенности. Ей казалось, узнай Николай Маркович о том, что с ней творится, он станет ее презирать. А он умирал от желания смять ее прямо в машине.

Наконец добрались. Автомобиль остановился перед подъездом, Рита быстро, не глядя ему в лицо, поблагодарила и хотела выскользнуть из машины. То, что он сделал, случилось само собой, возможно даже против его воли. Он мгновенно схватил ее за руку, женщина испуганно взглянула сначала на свою руку, а потом на него, не в силах вымолвить ни слова.

Николай ничего не мог с собой поделать, сейчас говорил и действовал уже не он, нет, это был кто-то темный и неуправляемый внутри него. Когда он увидел ее дрожащие губы,

испуганные глаза на бледном лице, будто переключатель в нем сработал.

— Я провожу.

Голос был низким, интонации резкие, он внушал взглядом, что противиться нельзя, Рита должна выполнить, то, что он ей скажет. Разве она могла противиться? Бороться против себя она еще могла, но против него...

— Хорошо, — прошептала Рита.

Он был властен, он был ее господин.

Честно говоря, Николай собирался проводить ее до двери, но за то время, пока они вдвоем ехали в лифте, все его попытки вести себя цивилизованно куда-то испарились, и темное внутри него взяло свое. Рита все это время так и не решилась посмотреть ему в лицо, что само по себе его бесило, а ее склоненная шея наводила его на самые 'людоедские' и развратные мысли. Ему хотелось творить с ней немыслимые вещи.

Но вот лифт поднялся, вышли, остановились перед дверью. Она не решалась отпереть, боролась с собой, вроде бы, по закону вежливости его нужно пригласить на чай или кофе, но ей казалось крайне опасным пригласить его войти. Рита боялась, что просто не сможет владеть собой. Он непременно догадается, что он может о ней подумать? Она же сгорит от стыда... Кое-как выдавила через силу:

— Спасибо большое, Николай Маркович...

В этот момент Рита повернулась и, наконец, взглянула на него.

Боже, мой... В его глазах полыхал пожар, они были как... как тогда... во сне...

И как во сне она слышала:

— Пригласи меня к себе.

Иного пути у нее просто не было, от судьбы не уйдешь. Она едва слышно проговорила:

— Заходи, — и открыла дверь.

Васильев вошел за ней вслед, закрыл за собой дверь, женщина хотела пройти мимо него и выскользнуть в кухню, но Николай не позволил, перегородив рукой дорогу.

Все. Ей показалось, что зверь из сна настиг свою жертву. Жертва обреченно затрепетала. И жертва желала, чтобы настигли, чтобы растерзали. Рита готова была покорно снести что угодно. Что угодно. Все. Все, что ему будет угодно.

Все...

Пусть ЭТО наконец случится...

Он не мог дольше ждать, он и так слишком долго ждал. Томился на медленном огне. Хотелось целовать, прикасаться к ней, смять, как пластилин, вылепить заново, лепить ее по своему желанию... Он лепил, прикасался, мял, сдавливал, целовал, пока последний смысл не исчез, пока не случилось то, чего он так страстно желал. Пока не взорвался мир.

После он долго прижимал ее к себе, постепенно осознавая, что этой женщины никто больше не должен коснуться. Она должна принадлежать ему. Мысли еще только оформлялись, а слова были уже сказаны:

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Тон был повелительный, она прошептала:

— Да...

Хотя и понимала, что выскочить замуж меньше чем через три месяца после смерти первого мужа — это не совсем прилично, ее будут осуждать и будут правы. Но разве она могла противиться, если господин приказал?

Слова вырвались у него почти неосознанно, однако Васильев не жалел ни о чем, оно

того стоило, а ее покорность действовала на него, как красная тряпка на быка... Ммммм... От этого он возбуждался снова и снова.

Николай был уверен, этот брак даст ему то счастье, которого он был лишен в первом. Глядя на нее, робко произнесшую слова согласия, мужчина понял в тот момент, четко осознал, почувствовал вдруг, почему Костя выбрал Маргариту. По каким признакам они выбрали друг друга. Все стало ясно. Стало ясно и то, почему он сам запал на нее. Все признаки налицо.

Не ясно было другое, откуда в нем этот темный зов, почему он не мог противиться этому. Откуда странное желание властвовать над ней, у него даже дыхание перехватило, руки сжались и тяжелый ком прокатился по горлу. Властвовать. У него никогда раньше не было желания доминировать над женщиной. Дикость какая...

А Рита? Рита спрятала глаза.

Николай спал, прижимая ее к себе. Большие сильные руки. Темные волосы разметались, упали на лицо. Оказывается, у него довольно длинные волосы. Когда они гладко зачесаны, это не так заметно. В Ритином сне волосы у него были еще длиннее, он собирал их в хвост на затылке. Красивые губы кривятся.

Рита не спала.

Все произошло как-то слишком быстро. Она даже не успела опомниться. И теперь, вместо того чтобы спать, хотя он утомил ее своей ненасытной страстью, женщина пыталась разложить в своем сознании по полочкам весь сегодняшний день.

Это была уловка. Способ не думать об одном, о том, что было самым главным.

Ей было хорошо с Колей. Хорошо, тем более, что секса у Риты не было уже около трех месяцев. Хорошо...

Но... Почти так же как с Костей. Даже...

Черт... Пожалуй, с Костей было куда лучше...

Почему-то получалось так, будто кто-то перед носом дверь захлопывал. Желание, дурман. Но он начинает прикасаться, целовать... и все это куда-то уходит. Остается одна физиология. Облом. Где? Где кайф?

Рита попробовала повернуться на другой бок, но мужчина тут же напрягся во сне и его руки стиснули ее крепче. Тогда она просто отвернула голову и уставилась в стену.

Да, сон не явь.

Сон не явь... хотя, возможно, если бы он вел себя иначе... возможно, если бы она успела к нему привыкнуть...

Нет. Не в этом дело.

А в чем?

Ведь она умирала от желания прикоснуться к нему, думала, кайф будет умопомрачительный, а вышло... Нет, было хорошо. Но...

Разве она посмеет сказать ему об этом?

***

На самом деле он не спал. И знал, что она не спит.

Ему не нравилось, что она отворачивается и отводит глаза. Почему, какого черта она отводит глаза? Что она от него прячет?

Еще задело, что она после секса вела себя тихонько как мышь. Уткнулась глазами в пол, отвечала односложно. Да, нет, не знаю, скромная улыбка. Он хотел большей открытости, хотел, чтобы... Черт, эта ее рабски склоненная голова теперь начинала его напрягать! А еще показалось, что ему не удалось произвести на нее то впечатление, какое хотелось бы. И это было по самолюбию.

Может быть, у нее кто-то есть?

Кто бы у нее ни был, его больше не будет! Никого больше не будет. Никогда. Уж он-то постарается. А еще он все выяснит, черт побери! Выяснит, что она скрывает, пряча от него глаза.

***

Рано или поздно их обоих сморил сон.

Рита уже и не ожидала что-нибудь увидеть, потому что после сегодняшнего разочарования, а это было именно разочарование, ей стало ясно, в жизни вообще все не так как во сне. Даже если сны невероятно похожи на явь.

Однако сон ей приснился. Причем из тех, что она видела раньше. Только немного по-другому.

Место она не могла узнать, наверное, это даже было не конкретное место, а... Рита почему-то мысленно назвала его 'перекресток'. Все размыто, колеблющиеся тени и Смутно различимая фигура, которая раньше присутствовала где-то на заднем плане, стоит напротив и больше никого. Между ними ветер. Но будто ветер только для призрачной фигуры, а там, где стоит Рита, спокойно. И не понять мужчина или женщина, длинное колышущееся одеяние, похожее на сгустки тумана, бледное пятно лица. Рита не могла сказать, как она поняла, но ей казалось, что этот кто-то хочет о чем-то сказать или передать, точнее, просить. Будто от нее, от Риты что-то важное зависит.

Рита, та, которая во сне, замерла, глядя, как призрак безуспешно силится что-то произнести или пошевелиться, ей было жутко, а уйти, она почему-то знала, нельзя. Бледное призрачное лицо исказилось страданием, и сон смешался. Потом был какой-то сумбур, странные голоса, крики. Потом просто глухая темнота.

Проснувшись утром, она долго не открывала глаза, во-первых, не давал покоя виденный сон, а во-вторых, надо было собраться, чтобы смотреть в глаза будущему мужу.

Кое-как пережив первое совместное утро, они оба вели себя скованно. Утром снова был секс. Рита понадеялась, что теперь все будет лучше, но было также. Хотя, как она поняла, для него как раз все было супер.

Да, супер. Супер. Но она опять прятала глаза.

Мужчина был слегка растерян и от этого хмур. Говорил немного резче, чем хотелось бы, а Рита боялась лишний раз смотреть в его сторону, женщина уже и могла бы сказать, испытывает ли то мучительное желание, что терзало ее все это время. Чувства изменились и ощущения тоже. Странно... так, за один день...

Однако планы нисколько не поменялись. Он собирался немедленно задействовать все свои связи, чтобы их скорее расписали, а она безропотно покорила его власти.

Васильев настоял, чтобы Маргарита переехала к нему. Некомфортно ему было в ее доме. В Костиной постели. Он велел ей собрать небольшую сумку, чтобы с работы ехать прямо к нему. Это было для нее неожиданно и страшно, но Рита подчинилась.

***

Что же такого смог разглядеть в ней Николай Васильев? Что он понял про Костика, оказавшись в ее постели? Что ж за признаки такие?

А... Дело в том, что и Троепольцевы, и Васильевы были не обычными семействами. Нет, в смысле обычной российской семьи, они вполне соответствовали стереотипу. Просто люди в их роду были не совсем обычные. А в Рите была особенность, о чем она сама и не знала. Некий специфический дар, который делал ее исключительной, и значило это для таких людей, как Николай или Константин куда больше любой красоты.

***

На работу в здание фирмы они заходили не вместе. Рита попросила, а он согласился. Это имело определенный смысл, незачем заранее давать повод перемывать их кости. Она старалась быть незаметной, впрочем, в последнее время Рита и так ходила как тень. И все-таки ее заметили.

— Маргарита Павловна, — раздалось как-то слишком близко.

Рита дернулась от неожиданности. Опять этот въедливый старикан.

— Да, Сергей Иванович, я вас слушаю.

Тот сделал заговорщическое лицо и спросил шепотом:

— Как вы себя чувствуете?

Блллиин!

— Спасибо, хорошо.

— Как добрались вчера? Я беспокоился.

Блллиин!

— Нормально. Меня Николай Маркович подвез. Вы ведь в курсе.

— Ну да, ну да, — дед понятиливо закивал.

— Простите, Сергей Иванович, у меня тут работа срочная, — Рита понимала, что это не совсем вежливо, но дала понять, что разговор окончен, и отвернулась.

Рита отвернулась и не видела лица соседа, а между тем там было на что посмотреть. Во взгляде деда промелькнуло что-то хищное, и вид у него был как у человека, провернувшего очень выгодную тайную сделку.

За работой время до обеда тянулось медленно, а пролетело незаметно. К началу перерыва ей позвонил Николай и велел подойти через десять минут к небольшому кафе, что в одном квартале от их работы, он будет там ее ждать.

— Да... — робко ответила Рита.

Хотела она? Не хотела? Теперь это было уже не важно. Дело сделано.

Николай Маркович ждал свою женщину в кафе. Уютном, недавно отремонтированном, даже с претензией на хороший дизайн. Собственно, он придирался, дизайн был хорош, весь интерьер выдержан в советской символике 30-х годов. Это навевало ностальгические чувства, а отдельные детали и вовсе вызывали улыбку. Так, прошлое, даже если оно у нас ассоциируется с коллективизацией и репрессиями, имеет некий романтический флер и становится классикой.

Разглядывая плакаты в стиле Маяковского, развешанные по стенам, он думал о Рите. Сейчас, когда у него было немного времени разобраться, Васильев сделал вывод, что она ведет себя испуганно и замкнуто, потому как действительно испугана. Все произошло так внезапно. Даже для него. А она ведь женщина, женщины вообще более эмоционально реагируют, к тому же недавно овдовела. А мужа она любила, во всяком случае, все так говорят.

Мысль о том, что женщина, которую он со вчерашнего вечера считал своей, любила другого вызвала в нем глухое раздражение. Или еще хуже того, все еще любит.

Это было неприятно. Она должна любить только его. Никаких других мужчин.

— Кстати, надо бы спросить у нее про Костю, — заметил он себе и невольно скривился.

Как раз в этот момент в зал вошла Рита. Николай не ожидал сам, что его реакция будет такой... его будто подбросило со стула, дыхание сбилось, во рту пересохло. Он был взволнован как мальчишка. Мужчина видел, что и она взволнована, глаза блестят как у испуганной козули, губы дрожат, от частого дыхания грудь еще заметнее. У него немного помутилось в глазах.

Подошла, робко взглянула на мужчину и проговорила:

— Привет.

— Привет, — Николай хотел казаться спокойным, но голос не повиновался, вышло хрипло и резковато.

Он отодвинул для нее стул, усадил за стол:

— Что тебе заказать?

— Не знаю... Есть не хочется, закажи, что хочешь...

— Тебе надо больше есть. Ты плохо питаешься.

Ему все-таки удалось справиться с волнением, в конце концов, это просто обед.

Хотя нет.

Это их первое свидание. Чтобы она могла привыкнуть к нему. Не бояться, не прятать глаза. В ответ на его слова был один ее короткий взгляд и намек на улыбку.

— Я заказал нам обоим стейк с гарниром. Салат. И сок.

— А...

Рита кивнула, у нее даже не повернулся язык сказать, что она постится, казалось, он не потерпит возражений. А сердить его ей не хотелось. Поэтому она послушно начала есть то, что через пару минут принес официант.

— Он сделал заказ заранее, значит, не сомневался... — мелькнула мысль.

Ей подумалось, что это может быть даже хорошо. Что он решает все сам, не спрашивая ни чьего мнения, не нуждаясь ни в чьих советах. Почувствовать себя послушной, ведомой,

слабой и незащищенной...

— Рабыней, — съязвила мысль.

— Не рабыней, а просто женщиной, — хотелось ей ответить себе.

— Рабыней, — себя не обманешь.

Он потребует от нее беспрекословного подчинения, Рита это хорошо понимала.

— Но разве не этого ты хотела? — спросила она себя.

Сейчас она не была в этом так уверена.

Однако, так размышляя о жизни, она незаметно прикончила свой обед. Николай уже доел и теперь смотрел на нее с улыбкой.

— У него все-таки красивые губы. И глаза, — отстраненно подумала Маргарита.

— Все съела? Молодец, — он протянул руку и погладил женщину по щеке.

Это было не так, как во сне, не так. Но у него была теплая, большая и сильная рука. И Рита прижалась щекой к этой руке и прикрыла глаза.

Как раз в эту минуту зазвонил ее телефон, вырывая Риту из того ощущения защищенности, что у нее на мгновение создалось. Она ответила не глядя:

— Да, слушаю.

— Вы Троепольцева из пятидесятой квартиры?

— Да.

— Извините! — голос был категоричный и возбужденный, — Но вы нас заливаете!

— Что? Заливаю?

— Не знаю, что у вас там прорвало, мне все равно! Вы нас заливаете!

— Хорошо, хорошо... Я сейчас буду, — пробормотала Рита, но там уже отбились.

— Что случилось? — спросил Васильев.

— А... соседи звонили, заливаю я их... — Рита нахмурилась, — Мне надо будет съездить, вызвать мастера из эксплуатирующей организации.

— Это долго? — Николай был не в восторге, у него была масса дел, бросить все и поехать с ней он сейчас не мог.

— Нет, у нас обслуживающая организация находится прямо в доме. Я успею вернуться к концу рабочего дня.

— Не надо, я заеду за тобой.

На том и порешили, он вызвал ей такси и через несколько минут Рита уехала.

Еще с утра Николай заметил, что сегодня он чувствует себя как обычно, не было этих непонятных тяжелых приступов желания, этой затаенной жестокости, с которой ему трудно было бороться. У него даже появилась твердая уверенность, что все наладится. Настроение улучшилось. В свой кабинет он вернулся весело насвистывая.

Сергей Иванович Коротков попался ему навстречу по дороге от лифта к кабинету. Васильев кивнул в ответ на его приветствие, остановился, задал несколько вопросов о делах, о здоровье. Хорошее же настроение, почему не уделить внимание пожилому сотруднику? Дедушка расцвел улыбкой, явно ему было приятно. Поговорив с ним пару минут, Николай Маркович ушел к себе в кабинет, припоминая, где видел его раньше. Где же он мог его видеть? Потом вспомнил, что видел этого благообразного дедушку пару лет назад, а может и больше, на одной фотовыставке, посвященной паранормальным явлениям. Они были на ней вместе с Верой. Вера обожала всякое такое, и вечно таскала его на разные лекции и выставки. Знала бы она, за кем сама замужем... Николай усмехнулся, вспоминая. В то время у них с Верой было все хорошо, все было замечательно. И в жизни и в постели. С чего вдруг

началось у них это, в какой момент разрушились отношения? Он не мог бы сказать. Непонятно. Будто кто-то перекрыл кислород, и все.

Сергей Иваныч еще постоял в коридоре, глядя молодому мужчине вслед. И взгляд у него был до странности довольный и пронзительный, а потом развернулся и пошел к своему рабочему месту. Его и Маргариты Троепольцевой столы были заблокированы и сообщались через тонкую перегородку. Обычная офисная блокировка. И оборудованы они были так, что стояли чуть в стороне. Довольно уединенно.

Коротков сел за стол, некоторое время делал вид, что работает, незаметно оглядывая помещение. Убедившись, что за ним никто не наблюдает, он отпер ящик стола и вытащил из него странный предмет. Обрывок цепи и сплюснутые металлические кольца. Кольца тихо звякнули, когда он разложил их рядом на столе, чуть передвинул, а потом присоединил одно из них к обрывку цепи. Дикое напряжение отразилось на его лице, потом он обмяк и откинулся на спинку кресла, Через несколько секунд дыхание выровнялось, и Сергей Иванович даже смог скривить губы в победной улыбке. Потом быстро огляделся, не видел ли кто его за этим занятием, аккуратно взял цепь, чтобы не шуметь, и спрятал в ящик подальше от любопытных глаз.

Получилось. Еще раз получилось. Теперь он ближе к цели на один шаг. Пожилой мужчина пошевелил цепь, поворачивая только что прикрепленное звено.

И в тот же момент Николай снова почувствовал ЭТО.

***

Домой Рита добралась на удивление быстро — меньше, чем за полчаса. Входила в квартиру с невольным страхом. Не хотелось увидеть там 'лебединое озеро'. Однако, каково же было ее удивление, когда она, тщательно осмотрев весь дом, так и не нашла никаких признаков протечки. Чудеса какие-то... Решила перезвонить, узнать, вдруг ошиблись, а может, между перекрытиями трубу прорвало. Она тогда отбилась и даже не взглянула на номер.

А во входящих-то этого звонка и не было.

Не было!

Был звонок от Васильева, когда тот назначил ей встречу в кафе, были более ранние звонки. Вот только этого не было. Рита даже присела. Как же так... Звонок был, она могла поклясться, она же не сумасшедшая, да и Николай тоже слышал... Потом подумала, что это МТС чудит. Но все равно странно.

И спать вдруг так захотелось...

***

А небольшое время назад в офисе Сергей Иванович глубоко вдохнул полной грудью, снова вытащил тихонько звякающую цепь на стол, положил руки на колени, словно пианист перед выступлением. Потом потер их, размял пальцы и присоединил еще одно звено. На сей раз он приходил в себя дольше, сердце бешено колотилось, испарина мелким бисером выступила на лбу. Он как будто даже постарел от перенапряжения.

Ничего. Еще немного, еще усилие. Уже близко. Осталось несколько ходов. Правда, самых трудных ходов, на это ему придется отдать все свои силы и даже больше. Но Коротков знал, где возьмет эти силы.

Знал он и то, что увидит во сне женщина, которая сейчас заснет, сидя на диване в своей

квартире.

***

Раньше Рите никогда не снилось ничего днем.

Опять то место. Перекресток. Но не так, как в прошлый раз. Будто оно не стабильно, будто все время меняется, одно неизменно — там всегда темно. Вокруг теперь была старая заводская окраина туманной ночью, черные голые деревья, какие-то заборы, столбы... видимость очень слабая. Рита во сне была одна.

Сон казался черно-белым, точнее, черно-серым, мрачным, и только в одном месте, в куче металлического хлама у забора что-то светилось. Станный, холодный, голубовато-серебристый свет среди всеобщей темноты будто звал ее подойти. А подойти было трудно. Трудно шевельнуться, поднять руку, переставлять ноги. Так трудно, словно сильный ветер дует в лицо, но ветра не было. Рите медленно, через силу шла, оставалось буквально пара шагов, чтобы подойти, взять светящееся нечто, и наконец, увидеть, что это такое. Она знала, ей необходимо увидеть.

Рита проснулась.

Проснулась с затекшей шеей. Не сразу поняла, почему спит, сидя на диване, почему днем, ей же в это время надо быть на работе. Но потом постепенно вспомнила, и к ней вернулось состояние недоумения и ощущение неправильности.

И еще. Буквально через минуту она не смогла вспомнить, что ей снилось. До конца рабочего дня оставалось еще время, часа два. Николай сказал, что заедет за ней.

— Что ж, побудем маленькой послушной девочкой, — сказала она себе.

— Безвольной, — поправил внутренний голос.

Ей не хотелось спорить с собой. Надо просто убить время. Тут Рита задержалась взглядом на двери, и ей пришла в голову мысль заглянуть в Костину кладовку. И так стало тепло от этого, не было слез, горя, а было у нее ощущение, что она идет к Костику в гости. Как хорошо, что ничего здесь не трогала со дня его смерти, теперь та кладовка была для нее полна сокровищ, словно пещера Али-Бабы.

Рита шагнула внутрь.

Ах... Это и впрямь была сокровищница.

Жестяная коробка с железками, еще одна, широкая плоская, от селедки, полная транзисторов, и еще и еще...

— Ну Троепольцев, ну барахольщик, — нежно пробормотала она, вспомнив, сколько пилила Костика за эту его мальчишескую страсть к железкам.

На глаза навернулись слезы, она смахнула их и снова стала рыться в непонятных детальках, коробочках... и вдруг заметила это. Ей показалось, что она уже однажды видела где-то этот серебристый холодный отсвет. И что ей непременно нужно взять эту сплюснутую, потертую от времени железку с собой. Правда, она не знала, зачем. Но подсознание упорно наталкивало ее на мысль, что железку взять необходимо.

Рита уже протянула руку, взять это, и тут ее внимание отвлек стоявший на средней полке смешной брелок — ослик на цепочке с колечком. Подумать только, почему она раньше его не замечала? Ослик был веселый и упитанный, вместо хвоста на попке значок Мерседеса, и совсем не соответствовал печальному образу ослика Иа из Винни-пуха.

Она улыбнулась, вспоминая, что Костик подарил ей его в тот день...

В тот день... Когда они впервые были близки. Покачала головой, какие молодые и

беззаботные они тогда были. А теперь... Теперь его нет, а она скоропалительно выходит замуж за его троюродного брата. Интересно, что бы сказал Костя по этому поводу?

— Эх, Троепольцев, Троепольцев, как же мне тебя не хватает, — с грустью проговорила женщина, оглядывая полки с Костиным барахлом, и вышла из кладовки.

Маргарита впервые озвучила это для себя, словно впервые поняла, кем был для нее первый муж. Ослика она взяла с собой, как кусочек прошлой жизни. Как частичку их с Костиком счастья.

Потом порылась немного в шкафах, дожидаясь Васильева. Одежды у женщины не бывает слишком много, не станет же она все время ходить в одном и том же. А Николай Маркович по всему видать, захочет, чтобы она сидела дома. У него дома. Не известно, когда ей еще удастся сходить за покупками, да и зачем, у нее и так шмотья хватает. Костя не жалел денег ей на тряпки, только посмеивался, да называл 'шопоголичка моя чокнутая'. Он вообще умел так переиначивать все эти дамские термины, что становилось смешно. Например, кутикулы называл 'кустикулы'. И вообще, он был смешной. Руки потянулись к Костиным рубашкам и костюмам, она вытащила их из шкафа, разложила на кровати, легко поглаживая ткань.

Время пролетело незаметно. Звонок в дверь заставил Риту вздрогнуть, взглянула на часы, должно быть, Николай приехал. Она пошла открывать.

В дверях стоял Володя Панин, паренек с нижнего этажа. Ладный, рослый мальчишка-старшеклассник. Плечи, бицепсы, крепкие ноги, да и остальное тоже, все как у взрослого мужика, а лицо еще детское. Хорошее детское лицо, глаза лучистые, светящиеся изнутри. Напомнил ей Костю Троепольцева, навернулись слезы. Рите подумалось, что его должны очень любить девчонки.

— Маргарита Павловна, вам письмо пришло, по ошибке в наш ящик положили.

И протянул Рите конверт.

— Спасибо, Володя.

Парень уже собирался уходить, когда она его окликнула:

— Володя, стой! Мне позвонили, что соседей затопила, а я смотрю, вроде везде все в порядке. Ты не знаешь, в чем дело?

Парень развернулся и подошел к самой двери.

— Нет, Маргарита Павловна, я вообще про это в первый раз слышу.

Как раз в это время подошел Васильев. Увидев его враз окаменевшее лицо, парень извинился и ушел. Николай проводил мальчишку тяжелым взглядом. Настроение почему-то испортилось.

— Кто это, зачем приходил? — Николай Маркович зашел в дом.

— Сосед с нижнего этажа. Письмо принес, по ошибке к ним в ящик опустили, — отвечала, а у самой от этого вопроса, высказанного недовольным повелительным голосом, будто даже горчило во рту.

Ни он, ни она даже не взглянули на само письмо. Рита не глядя положила его на тумбочку в прихожей, придавленная необходимостью оправдываться, она опустила голову и уткнулась взглядом в его ботинки..

Не смотрит на него. Опять!

Видит Бог! Он же чувствовал себя почти героем, потому что сделал почти невозможное — договорился, чтобы их расписали на этой неделе. Задействовал всю их с Костей "мохнатую" родню: и Мальбахов, и Федотовых, и Заушманов, и Даггерштейнов, и даже Борисовых со Штернами. Просил сохранить пока что в тайне, большую свадьбу сыграют потом, когда положенный год траура пройдет. Ему родня резонно заметила, что и расписываться бы следовало когда год пройдет, мол, немного уважения к троюродному брату не мешало бы проявить. Но он не мог ждать. Не мог!

Поворчали, почитали мораль, но помогли. Полезно иметь "мохнатых" родственников.

Летел сюда, поделиться радостью с ней. А тут этот мальчишка. Николай понимал, что мальчик, вероятно, зашел случайно, но злость почему-то перла из него и душила. Однако он справился с собой.

***

— Дрянь! Как она посмела! Как она смогла не подчиниться?!

Коротков не мог понять, как вышло, что послушная его воле девчонка посмела не выполнить то, что он приказывал. До этого она подчинялась беспрекословно. Хотя... Хотя, был период, когда эта глупая тварь упрячилась...

Но ничего. Ничего. То, что не сделала женщина, сделает мужчина. Мужчиной было управлять легче, это требовало куда меньше сил. А до нее он мог добраться, только когда она спит.

Черт! Придется подождать.

***

Рита прошла в комнату, Николай за ней.

— Устранили протечку? — с досады голос у него был резковат.

Женщина от окрика сжалась, потом вскинула на него взгляд и забормотала:

— Знаешь, вышло недоразумение, никакой протечки не было.

— Не было? А как же тот звонок?

— В том-то и дело! — теперь она смотрела ему в глаза, протягивая трубку, — Смотри! Звонок-то не отразился во входящих!

— Чушь какая-то, — зло сказал Николай, возвращая ей телефон.

Видя, что он прохаживается по кухне, не отрывая взгляда от окна, Рита робко предложила:

— Коля, может... давай поужинаем?

Поужинать... Успокоиться. Хорошая идея. А то при его теперешнем состоянии он черти чего наговорит. Мужчина не мог понять, что с ним происходит. Откуда эти "качели" дурацкие? Что творится с ним? Никогда он не был так груб со своей Веркой. Да и с другими своими пассиями тоже. Почему эта женщина пробуждает в нем все самое худшее? Животное. Садистское. Николай знал, что должен с этим бороться. Но не мог.

Рита хлопотала, вытаскивая еду из холодильника, накрыла на стол, мужчина молча смотрел, потом также молча ел молча. Как ни странно, от этой всей обыденности он успокоился. И вдруг вспомнил, что хотел сказать ей в первую очередь, да с за всем этим совершенно забыл.

— Марго, я все устроил, нас распишут в эту субботу.

Она была впечатлена. Впечатлена. И даже потрясена. Да он просто паровой каток какой-то... Неотвратимый и неизбежный... Как судьба. 'Марго' ей не нравилось, ей было ближе домашнее 'Рита', но она не стала высказываться по этому поводу, пусть называет ее, как ему нравится.

— Как тебе удалось? — спросила с определенной долей восхищения.

Затаенное восхищение в ее глазах мгновенно вызвало в нем приступ желания.

— Пойдем в спальню, — жарко и повелительно выдохнул он.

Она от того огня, что вспыхнул в глазах мужчины, вдруг смутилась и затрепетала, как птичка. Невольный страх перед неизбежным.

— Но там же...

Рита пыталась сказать, что там беспорядок, но так и не успела, он уже завладел ее губами и мелкими шагами подталкивал в сторону открытой двери, за которой виднелся краешек постели.

Женщина не была готова психологически, все опять происходило слишком быстро. Нет, тело среагировало мгновенно, желание загорелось и в ней, но она боялась, что все опять не сведется к... ничему. Это было бы обидно. Боялась потерять это волшебное, ради чего и жить, и умереть не жалко. Потому что их близость, хоть и сулила безумие страсти, а приносила простое удовлетворение физиологической потребности. Как в эксперименте с

собачкой Павлова, когда собачка ест, а еда в желудок не попадает. Было бы очень обидно.

Но мужчина не мог ждать, он жаждал удовлетворения. Сейчас же. Темная потребность мутила разум, не давала нормально дышать. И тут его взгляд упал на кровать. Николая аж передернуло, будто ушат холодной воды на него вылили.

— Что это? — ледяной голос заставил Риту вздрогнуть, она и так была взволнована и не знала, как себя вести, а теперь просто испугалась.

— Что...?

Он указал рукой на Костину одежду.

— Это... это... — голос у Риты сбился, губы задрожали.

— Я вижу.

Вот и ответ, что испытывала и испытывает к первому мужу. Покойному мужу!

Черт побери!!!

В этот момент ему вдруг захотелось стереть, выжечь из ее памяти все, что касалось Кости, заставить ее понять, что отныне она принадлежит ему. Ему! И жить и дышать она будет так, как он прикажет!

Рита потянулась за вешалками, собрать с постели Костины рубашки и костюмы, но Николай не дал. Схватил за руку.

— Нет. Иди сюда.

— За...Зачем?

— Иди. Ко мне.

Рита похолодела от невольного ужаса, в его глазах было злое голодное пламя. Но подошла.

— Раздевайся.

Под тяжелым взглядом мужчины она покорно разделась. Потом он велел ей лечь прямо на ворох одежды, и там все и случилось. Секс был яростный, жесткий, почти насилие. Словно он что-то ей доказывал, словно наказывал заслушание.

Это и вышло наказание. И снова физиология.

Это было жестоко. Она не могла смотреть ему в глаза.

Потом он позволил ей разобрать постель, но Костину одежду не дал повесить в шкаф. Сбросил на пол и велел ей лечь рядом. Он еще не насытился. Ей показалось, что он сегодня вообще никогда не насытится. Тело получало удовлетворение, тело извивалось и кричало, а в душе пустота.

Однако все имеет свойство заканчиваться.

Николай заснул. Она долго лежала с открытыми глазами и не могла понять, почему нет сил даже возразить?! Откуда у него такая власть над ней? Это ведь не сон, в жизни все по-другому, так почему?! Ей же даже не особо хорошо с ним. как в басне, "по усам текло, в рот не попало". Как собачка Павлова...

У Маргариты было такое чувство, будто ее несет в пропасть.

***

Как заснула, Рита не помнила, ночью вдруг проснулась, оттого что горел свет. И горел свет в кладовке. В той кладовке, в Костиной. Николая рядом не было, она встала, подняла, расправила Костину одежду, сброшенную на пол. Сложила аккуратно все на кресло и пошла на свет. Николай был там, внутри, и вид у него был рассеянный, а взгляд блуждал по полкам.

— Коля, ты чего не спишь? — она заговорила, потому что надо было чем-то разбавить

странность ситуации.

— Не знаю, ищу... что-то...

— Что ты ищешь? — совсем уж странно.

И тут он протянул руку и взял именно ту железку.

— Вот. Вот это.

— Зачем это тебе? — Рита неприятно поразилась.

— Нужно. Иди в постель, я сейчас, — снова повелительные нотки в голосе, судя по голодному блеску в глазах, ее ждет новый раунд.

Женщина отвела взгляд и опустила голову.

— Посмотри на меня. Вот так. А теперь улыбнись.

Она послушно подняла к нему лицо и изобразила бледную улыбку. Погладил по щеке, коснулся губ поцелуем.

— Вот так. Улыбнись. И не прячь от меня глаза.

То, что она не смотрит на него, почему-то болезненно ранило Николая, и он прятал боль за внешней самоуверенностью самца.

— Хорошо, — пробормотала женщина, поскорее ушла и забилась в постель.

Ждать продолжения там. Потому что теперь ей и впрямь стало страшно.

Она выходит за него замуж? Замуж? За него...?

Уже под утро ей приснилось, что она на ромашковом лугу. Солнце светит, легкий ветерок колышет цветы, запах лета. Она прилегла в траву, мошки жужжат, травы шепчутся. Живут. Слезы сами потекли, стало жаль себя. А земля вокруг нее вдруг стала просаживаться, и Риту затянуло в воронку.

Проснулась она с криком.

***

Зато Коротков был доволен. С трудом, но получилось. Теперь немного подождать, пока все произойдет своим чередом.

Николай все утро, пока ехал с Маргаритой на работу, размышлял, почему ее мучают кошмары. Эту ночь она спала очень беспокойно, да и в предыдущую вертелась и стонала. Марго так и не стала рассказывать, что ее мучает, а он заметил в шкафчике в ванной антидепрессанты. Значит, не все у нее в порядке, не все. Вообще-то, и у него не все в порядке. Оставим в стороне эти непонятные темные желания сделать с ней что-нибудь жестокое и непотребное. Он явно чувствовал приближение ЭТОГО. И как, во сне! А ведь не должно быть, не должно, в его поколении не должно! Черт! Не хотелось бы!

— Коля, давай я выйду раньше. Чтобы нас не видели вместе... — ее робкий голос вырвал его из раздумий.

Не хочет, чтобы их видели приехавшими утром вместе? Что ж, тут есть своя логика. Чтобы не начали раньше времени языками трепать. А впрочем, все равно узнают, какая разница, раньше или позже?

— Нет, Марго, через два дня ты станешь моей женой. Пусть привыкают.

Съежилась, смотрит в окно.

— Марго, посмотри на меня.

Загнанный взгляд исподлобья.

— Все будет хорошо. Через два дня мы расписываемся. Не надо переживать, кто и что скажет. Всегда найдутся люди, готовые сказать гадость. Что ж теперь, не жить?

Кивнула, не поднимая глаз.

— Марго, посмотри на меня. Вот так. Все будет хорошо.

Наконец-то он удостоился бледной улыбки.

***

Утро вообще у них прошло немного скомкано. Николай хотел приласкать ее, а она сказала, что ей нездоровится. И опять глазки в пол. Он понимал, что заездил ее вчера, но это... это не поддавалось контролю. Когда он дорывался до нее, покорной, испуганной, из него просто зверь какой-то пер. Чудом сдерживал желание сминать и ломать ее. Что с ним творится...

Потом еще то письмо. Оказалось, почта сработала как всегда хреново, и письмо от Кости, последнее, в деревне написал, пришло с колоссальным опозданием. Не удивительно, что Марго расплакалась. Удивительно, что в письме было всего два слова: 'Приезжай к бабушке'. Странное письмо. Он в Костиных делах вообще мало понимал, хотя и знал, что он еще мальчиком много общался с бабкой, потому она ему дом и оставила. Хотя нет, дом она оставила им обоим. Николай чувствовал себя не в своей тарелке, как только вспоминал про бабкино наследство, не сулило оно ему ничего хорошего.

Мысли перескочили на то, что машину Марго сегодня должны закончить и подогнать к дому. Но он почему-то не хотел, чтобы та ездила сама. Это определенная степень свободы, а вот свободу Васильев ей предоставлять не собирался.

***

Хоть Рита и боялась, а их совместное появление в офисе почти никто и не заметил. Она

тихонько заползла в свой уголок и вперилась в компьютер. На удивление, Сергея Ивановича не было на месте, он пришел с опозданием, и какой-то весь зеленый.

— Что с вами, Сергей Иванович, вы нездоровы? — Рита решила проявить немного участия.

— Ах, ничего страшного, съел что-то не то, вот и...

— А вы посидите немного на минералке.

— Да, я так и сделаю. Спасибо, Риточка, за беспокойство о моей стариковской персоне.

Он комично поклонился, а Рита чуть не прыснула. Забавно. Потом снова уткнулась в комп. А дед присел к себе, откинулся на спинку кресла, закрыв глаза. Он ясно чувствовал, что у мужчины то, что ему нужно с собой. Значит, еще немного...

***

Перед обедом Васильеву вдруг невероятно захотелось курить. Вообще, курил он редко, но сейчас прямо сил не было терпеть. В туалете постоял перед зеркалом, посмотрел на себя. Увиденное было очень даже неплохо. Густые темные волосы, в Заушмановскую породу, да жгучая, прямо как у испанца, внешность, Дагтершпейновские корни сказываются. Нет, что и говорить, хорош. Потянуло взглянуть на Маргариту, он снова ее хотел. Опустил руку в карман, наткнулся на какую-то железку. Откуда она взялась, Николай Маркович не помнил. Повертел в пальцах, пожал плечами, выкинул в ведро и пошел в отдел.

***

— Ай, молодца, — подумал Коротков и облегченно выдохнул.

Цепь собрана, как бы старая гадина не старалась спрятать ее части, он смог. Теперь можно никуда не спешить, даже наслаждаться общением.

— Маргарита Павловна, может, пообедаете со стариком, поможете выбрать...

Да, а слона-то он и не заметил.

— Маргарита Павловна. Зайдите ко мне. — Васильев одарил их леденящим взглядом и вышел.

Голос шефа мог заморозить все кругом. Как он умудрился появиться так незаметно, Рита была в замешательстве, де еще и поняла, что мужик-то злится...

— Да, Николай Маркович, — пробормотала она ему вслед.

Он хотел повести ее в кафе обедать, а вместо этого, разозлившись вдруг, что она с дедом лясы точит, грубо взял прямо на столе в кабинете. Рита была потеряна, она даже уже не пыталась анализировать, что происходит и почему. Просто смирилась и плыла по течению.

***

Вот и отлично, пока эта парочка заперлась в кабинете, он спокойно взял недостающую деталь. Ну вот, все и готово.

***

Ночью, когда после очередного марафона Рите наконец дали поспать, ей снилось опять это непонятное место — перекресток. И снова бледная размытая фигура. Фигура потянула было к ней руку, Рита во сне похолодела от страха, когда-то слышала, что если тебя во сне коснется призрак, значит скоро умрешь. Но бледная прозрачная рука показала куда-то рядом, она проследила взглядом в том направлении и похолодела еще больше. Пространство

в том месте искажалось, словно пленка под нагревом, искажалось и выпячивалось, как будто нечто стремилось прорваться извне. Нечто мощное и напористое. А потом звук...

Рита старалась проснуться, чтобы не видеть, что рвется туда, к ней. Не сразу, но ей удалось. Когда открыла глаза, долго успокаивалась. Очередной кошмар. Ее сны в последнее время вообще нельзя было назвать приятными и радостными. Но пить антидепрессанты при Николае женщина постеснялась. Что он про нее подумает...

На следующую ночь ей, слава Богу, ничего не снилось.

Зато снилось ему. Ему уже неделю снились эти сны. Кошмары. И он знал, что это может означать. Наверное, потому и изматывал и ее, и себя бесконечным сексом, чтобы упасть потом от усталости и заснуть черным сном без сновидений. Николай не хотел, чтобы Марго о чем-то догадалась.

Как бы то ни было, а два дня прошли.

В субботу их расписали.

Костиных родителей на регистрации не было, да и не смогла бы Рита смотреть им в глаза. Из Колиной родни тоже не было никого. Своеобразный бойкот. Что ж, заслуженно. Слишком уж поспешно они решили пожениться, нормальные, порядочные люди так не поступают. Пришла только Риткины мама с папой, да еще, как ни странно, Костина бабушка, Евгения Матвевна. И откуда только узнала? Смотрела на них так странно, будто знала что-то, о чем они понятия не имеют. Хотя и осуждения в ней Маргарита не заметила.

Когда тетечка из ЗАГСа спросила, какую фамилию она возьмет, Николай ответил за нее:

— Васильева, — так был уверен, даже не взглянул в ее сторону.

А Рита вдруг воспротивилась.

— Я оставляю фамилию Троепольцева.

О! надо было видеть, как сверкнули его глаза!

— Ты все равно ее поменяешь. Когда родишь детей.

— Вот когда рожу, тогда и посмотрим, — говорила она негромко, но твердо, правда в глаза ему смотреть не решалась.

Потом посидели с полчаса в кафе, не больше, Васильев был мрачен, и быстро увел Риту домой. Всю дорогу до дома проделали молча. Ему стало обидно и досадно, что женщина не взяла его фамилию, а ей было страшно, таким злым она его еще не видела.

Да он и сам не помнил, чтобы его что-нибудь так бесило, как умудрялась она. Так, значит?! Остаемся верны покойному мужу?! А черта с два! Он еще поговорит с ней, вот домой придут и поговорит!

С другой стороны, он не мог понять, откуда эта злость берется? Что за наваждение? У него аж руки чесались...

Рита чувствовала себя как нашкодивший ребенок, которого поймали на месте преступления и теперь однозначно накажут, только отсрочивают наказание, чтобы помучилась. Своего нового мужа она побаивалась, откровенно и необъяснимо. Он хоть и не ассоциировался теперь у Маргариты с тем господином из сна, но тем не менее, что-то властное и страшное в нем было.

В общем, первый вечер новой семьи начался не слишком весело.

Как только приехали домой, Рита метнулась на кухню, скрыть за обыденными делами свое смятение. Васильев пошел мыться. В душе, под теплыми струями, он немного расслабился и смог отдаться предвкушению, потому что желание в нем никуда не исчезало.

Он хотел ее и когда злился, и в обычном состоянии. Даже когда злился, наоборот — все обострялось до предела, наполняясь новым смыслом, в том смысле, что хотелось ему вещей иногда ужасных с точки зрения обычной ванили. Просто дело в том, что в последнее время он почти все время злился.

Однако сейчас, расслабившись, Николай смог подумать над тем, что ему казалось странным. Откуда вдруг взялась эта испепеляющая страсть? Как будто кто-то тумблер включил. И ведь моментами эта самая страсть сменяется полным равнодушием, но через короткое время снова накатывает. Откуда? Впрочем, долго размышлять у него не вышло, потому что как раз таки накатило. Да как еще накатило! Он чуть не задохнулся от внезапного приступа, иначе и не назовешь. Приступ желания... Припадок!

Как был, мокрый выскочил из-под душа, ворвался в кухню и потащил женщину на себя, а потом просто прижал к стене. Он был груб, он был животное, и рыча брал что хотел и как хотел.

Видимо он действительно был груб и причинил ей боль, женщина заплакала. Николай потом неловко гладил ее по лицу, пытаясь успокоить, но та никак не успокаивалась, все вздрагивала и всхлипывала, и тряслась в истерике. Тогда он не выдержал и дал ей пощечину. И еще. И еще.

Выбесила. Выбесила. Выбесила своим скулежом!

Она сползла на пол, глядя на него неверящими, полными ужаса глазами, и зарыдала пуще прежнего. Медленно вернулось сознание. Отвратительно, медленно и отвратительно. Николай бросил ее на полу в кухне и выбежал. Потом натянул на себя какую-то одежду и спешно ушел из дома, ему нужно было успокоиться.

Сидел в машине, пока не пришел в себя. Стыд навалился, раскаяние. Но говорить с ней сейчас, оправдываться, просить прощения он бы не смог. Завтра. Он это сделает завтра. И будет следить за собой, чтобы больше таких срывов не наблюдалось.

Рита так и осталась сидеть на полу в кухне, погрузившись в себя и непроизвольно вздрагивая от глухих рыданий. Это во сне побои были страстной прелюдией к умопомрачительному сексу. В жизни побои были просто побои, унижительные, болезненные, страшные по сути.

— Боже мой... Во что я вляпалась. Костечка... Костечка мой милый... Как же мне теперь быть...?

Хорошо, что он ушел. Он теперь пугал ее ус**чки, Рита боялась, что он ее не отпустит, не даст развод. О чем она только думала, когда расписывалась с ним... Господи, Костечка...

Женщина еще долго сидела на полу, раскачиваясь из стороны в сторону, и тихонько подвывала. Но потом слезы закончились, а жалость к себе загнала ее в постель. Она завернулась в одеяло как в кокон и затихла. Мужа все не было, и хорошо.

Рита незаметно уснула.

Он вернулся ночью, Риту будить не стал, разделся и лег рядом со спящей.

***

Сергей Иванович сегодня готовился к ужину особо торжественно. Костюм, белая рубашка, галстук, туфли начищены до блеска. Свечи на столе и два прибора. Цветы — букетик фиалок в бокале, она любила фиалки. Вино. Красное, как кровь.

Когда настало время, он сел за стол, положил рядом со вторым прибором, стоявшим виз-а-ви старинную кованую цепь, налил вина в бокалы, чокнулся и произнес:

— Нуссс, до скорой встречи, дорогая.

Глаза его злорадно сверкнули, а губы исказились в хищном оскале.

На этот раз в своем сне Рита снова была в той комнате-темнице, запертая во тьме, в ожидании чего-то ужасного. Сны больше не могли обмануть ее, то, с чем она тут может встретиться, чудовищно, бездушно и смертельно опасно. А господин ее жестокий садист.

Она разрыдалась от отчаяния, зная, что последний час близок, потому что у садиста больше нет желания играть со своей жертвой. И эта темница станет ее могилой.

И вновь в ее сне появилась эта смутно различимая в темноте фигура. Призрак склонил голову и сжал свои полупрозрачные руки, словно в знак сострадания к ней. Теперь Рита была рада и его обществу.

— Ты... Ты жалеешь меня?

Фигура кивнула, потом показала рукой куда-то в сторону и вроде силилась что-то сказать, но Рита не поняла. А посмотрев в том направлении, куда указывал призрак и вовсе замерла от ужаса. Пространство в том месте вспучивалось, сопротивляясь проникновению извне. Там явно происходила борьба, но женщина не могла пошевелиться, она приготовилась умереть, думая в этот момент, что Костя, если бы он был с ней, спас бы ее. Да, он бы спас...

И тут борьба темного пространства надувающегося жуткими пузырями, с чем-то пытающимся прорваться, усилилась, в том месте стали пробиваться яркие лучи, а потом все взорвалось светом.

***

Той ночью под утро Риту разбудили мучительные стоны. Она даже не поняла спросонья. Николая выгибало дугой и коржило, будто кто-то пропускал через его тело электрический ток. Как бы она не была на мужа обижена, ему срочно требовалась помощь.

— Надо его как-то разбудить! Прервать кошмар, — забормотала она и кинулась расталкивать несчастного.

Но не тут-то было. Не просыпался он. Наоборот! То, что с ним творилось, набирало обороты! Конвульсии стали еще чаще, теперь он кричал в голос, а после одной из особенно ужасных судорог вдруг вытянулся и затих.

Рита несколько секунд не решалась к нему прикоснуться, потом слегка потормошила. Все-таки напугал ее знатно. Однако Николай не реагировал вообще никак, она кинулась смотреть...

А он не дышит...

Через полчаса приехала скорая. Зафиксировала смерть от кровоизлияния в мозг.

***

— Проклятие! Проклятие! Проклятие!!! — Коротков метался по дому, рыча от ненависти и жгучей досады, — Проклятие! Слишком рано! Слишком рано! Так не должно было случиться!

Потом вдруг успокоился, взял в руку свою цепь и уставился в пространство, непроизвольно качая головой и притопывая ногой по полу.

— Ладно, старая гадина. Хорошо. Тебе же хуже. Значит, все произойдет раньше, чем я

планировал.

***

Всё.

Риту накрыла прострация.

Врачиха из скорой, эта черствая сухая тетка, выдавшая на своем веку такие вещи, что ее сердце сделалось тверже камня, отчего-то пожалела девчонку, узнав, что они с покойником молодожены. Женщины все-таки склонны к романтизму, даже если у них сердце тверже камня. Хотела забрать и ее в больницу. Знала бы она всю правду...

Рита отказалась. Ей вкололи успокоительное, врачиха по ее просьбе позвонила по Риткиному телефону ее матери. Та пришла в ужас, конечно, но тут же подорвалась ехать к дочери. Отпустив скорую, под влиянием успокоительного она снова заснула. Во сне ей казалось, что пришел Костя, принес с собой свет. Он гладил и успокаивал рыдающую Риту, сцеловывал слезы, шептал нежные глупости...

Проснуться потом одной после такого сна было ужасно. Лучше умереть.

Но начался новый день, приехали ее родители. Опять скорбные похоронные хлопоты. И снова они прошли мимо нее, Рита словно погрузилась в небытие.

***

Потом были похороны. То же самое кладбище. Те же самые родственники. Плюс еще родственники второго мужа. Молчание. Каменные лица, глаза, кричащие о том, что не могут сказать губы. Знающие глаза.

Эти несколько дней Рита прожила как в вакууме. Пустота. В душе, вокруг, в голове. Везде. Что она чувствовала к человеку, который был ее мужем один день?

Но, как ни странно, пока прощались с ее вторым мужем Васильевым и произносили речи перед его гробом, пока ей выражали соболезнование, Маргариту отпустило. Вернулась острота сознания. Все они что-то знают и молчат.

И в тот самый момент она заметила.

Костина бабушка, Евгения Матвеевна Троепольцева. Странно она на нее смотрела, будто что-то хотела сказать. Вспомнилась фраза, которую она обронила, когда Рита позвонила ей сообщить о том, что Николай умер. Странная фраза: 'Она все-таки это сделала!', с таким оттенком восторга, знаете ли... И теперь, все больше приглядываясь к старушке, Рита поняла, бабка явно что-то имеет сказать.

Что она может сказать? Что? И почему у нее вид такой таинственный? Что за тайны к черту?! Рита обозлилась.

Всплыло в памяти и то письмо Костино, что пришло с опозданием. Как там было написано... 'Приезжай к бабушке'?

'Приезжай к бабушке', значит?

Что ж она прямо к ней и поедет.

***

Если с Костиных похорон ее чуть ли не уносили, потому что она была не в себе, то сейчас Маргарита прекрасно владела собой, а главное, прекрасно соображала. Куда быстрее, чем обычно соображала. А потому, когда все начали расходиться и родители предложили ей довезти до дома и с ней остаться сегодня, Рита отказалась. А направилась она прямо к

Евгении Троепольцевой. Та, кстати, уходить не спешила, топталась на месте, глядя куда-то в сторону лесопосадки, словно ее ждала.

— Евгения Матвевна, — обратилась к ней Рита.

— Да, — Костина бабушка обернулась, вопросительно взглянув на нее ясными глазами.

— Я бы хотела сейчас поехать к вам, если позволите.

Брови старушки приподнялись, она спокойно ответила:

— Позволю, милочка, позволю, — а взгляд оценивающий.

Рита порадовалась, что приехала на кладбище в своей машине, за рулем была мама, а отец ехал сзади. Теперь она отправила родителей домой со спокойной совестью, и поехали они с кладбища с Костиной бабушкой прямо к ней. В деревню.

Дорога прошла в молчании. Несколько коротких фраз и все.

Дома Евгения Матвевна велела Рите проходить в гостиную, а сама пошла на кухню, готовить ужин.

— Я помогу вам, давайте, вы устали.

— Нет, спасибо, деточка, посиди, я сейчас.

Действительно. Ей не мешало бы посидеть и приготовиться к разговору. Задать, наконец, свои вопросы, на которые она надеялась получить вразумительные ответы. А что ответы старухи есть, Рита не сомневалась. А пока она огляделась, по-новому оценивая бабушкино жилище.

Дом был снаружи вполне деревенский, мало чем от других отличался, просто не запущенный. Видно, что за домом ухаживают. А вот внутри-то было не по-деревенски. Точнее, по-деревенски, но это был как бы дом из дворянской усадьбы в миниатюре. Ничего ценного, кричащего о богатстве. Нет. Но дух, этот неизъяснимый дух, и книги, и мелочи, говорящие о тонком вкусе.

Да, и как она раньше не обращала на это внимания? Жила будто поверх. Все, связанное с Костей было вроде как фоном. Да и сам он воспринимался ее как фон для ее драгоценной персоны. Рита невольно прикрыла глаза. Фон. Господи... Какая она была идиотка. Безмозглая, слепая идиотка.

В комнату вошла Костина бабушка, неся большой поднос с чайной посудой и угощением. Рита подкинулась помочь ей, но бабушка не дала.

— Я еще в силах сама управляться, деточка.

Казалось, что Евгения Матвевна теперь относится к ней не в пример лучше, чем тогда, Рита вспомнила, как старушка приехала к ней из деревни и с порога обвинила в измене. И ведь обвинила справедливо, будто знала. И относилась к ней с неприязнью. А теперь вот, наоборот. Это было удивительно, это наталкивало на кое-какие мысли и догадки.

— Риточка, угощайся.

— Спасибо.

Бабушка разлила чай, и принялась за бисквит, поливая его вишневым вареньем. Невозмутимо, словно ничего не происходит. Рита поняла, что бабушка явно не собирается начинать разговор первая.

— Евгения Матвевна... — начала Рита и осеклась под ее взглядом.

— Да.

— Я хотела бы кое-что у вас спросить...

— Да?

— Вы мне ответите?

— Если ты задашь правильные вопросы, я на них отвечу. Но только в этом случае.

Старушка неувовимо и как-то грустно улыбнулась, и протянула руку, заправить за ушко прядь, выбившуюся из Риткиной прически.

Правильные вопросы. И только так. Правильные.

Что ж...

— Скажите... Евгения Матвевна... Вы знаете, от чего умер Костя?

Бабулька хмыкнула, но ответила:

— Да.

Так. Так-так-так...

— Вы скажете мне?

— А зачем тебе? Ты ведь забыла его в тот же день. Зачем тебе знать?

Борьба отразилась на лице Маргариты. Выплескивать все свое душевное дерьмо перед старой женщиной не хотелось, она тряхнула головой и спросила с нажимом:

— Прошу вас, ответьте.

— А... Не совсем забыла, значит...

— Евгения Матвевна... Прошу...

— Хорошо. Расскажу, что знаю. Но и у меня будут к тебе вопросы.

Старушка взглянула на молодую женщину, словно рентгеном просветила, откинулась на спинку стула, задумавшись и прикрыв глаза. В ее лице проявилась некая странная иномирная отрешенность, а Риту охватил невольный трепет. Она ждала.

С минуту напряженного ожидания, и Евгения Матвеевна снова взглянула на Маргариту. Она спросила:

— Ты уверена, что сможешь принять то, что я тебе скажу? Сможешь ли принять правду, какой бы она ни была?

Сможет ли она принять? Рита задумалась. После того, как она меньше чем за полгода похоронила двух молодых здоровых мужчин, бывших ее мужьями?

— Да. Смогу. Какой бы эта правда ни была.

— Хорошо.

Евгения Матвеевна встала, ушла в другую комнату, а когда вернулась, в ее руках была старинная библия.

— То, что ты сейчас узнаешь, есть тайна. И не только моя. Потому ты должна будешь поклясться, что не скажешь об этом никому. Поняла? Никогда и никому!

— Поняла. Я поклянусь.

Тогда Костина бабушка протянула ей древнюю библию, Рита положила на нее руку и пообещала ни при каких обстоятельствах не разглашать того, что может узнать. А о том, что обстоятельства могут быть разными, старушка ее предупредила. Откровенно говоря, от всего этого у Риты волосы на всем теле встали дыбом, ибо, то, что она сейчас говорила, были не пустые слова.

— Что ж девочка, задавай свои вопросы. Но помни, если спрошу тебя о чем-то, тебе придется отвечать.

Риту от напряжения охватила нервная дрожь, но она постаралась успокоиться и спросила:

— Вы сказали, что знаете, отчего умер Костя.

— Да, — как-то обыденно отвечала старая женщина, — Он силу принял.

— Что?

Бабушка взглянула на Риту несколько насмешливо и повторила:

— Он силу принял.

— Ка... Какую... силу?

— Великую.

Видимо бабка не стремилась открыть Рите больше за раз, потому молодая женщина продолжила расспрашивать.

— Это как-то связано со мной? — да, ей нужно было убедиться.

— Связано, — Евгения Матвеевна поджала губы и отвернулась.

— То есть... Он умер из-за меня?

— Не совсем так.

— А от чего же тогда? — вскрикнула Рита, которую выводила из себя эта бабкина манера выдавать информацию по капле.

— А почему ты решила, что он умер из-за тебя? — бабка прищурилась, словно знала ответ, но желала услышать его от Риты.

— Потому что... потому что... Евгения Матвеевна... мне стыдно... — Рита разрыдалась.

— Стыдно, это хорошо, деточка. Стыдно, это хорошо, — приговаривала старушка,

успокаивая Маргариту, помогая ей утереть слезы.

Рита уткнулась Костиной бабушке в плечо и всхлипывала.

— Мне так стыдно... Если бы я могла все вернуть назад...

— А ты хотела бы вернуть?

Рита подняла на старуху полные слез глаза и произнесла:

— Да. Хотела бы. Я бы все за это отдала.

— Ну-ну, деточка не плачь. Не плачь. Давай-ка я еще чайку согрею?

Рита кивнула, поняв, что ей нужно успокоиться, чтобы участвовать в этом разговоре дальше. Бабушка засутилась на кухне, принесла еще еды, заварила свежей заварки, все это время поглядывая на молодую женщину. А когда поняла, что та готова, села за стол, и накрыла ее ладонь своей.

— Девочка, мне придется рассказать тебе кое-что о нас. Ты просто слушай. Вопросы будешь задавать потом. И кое-что мне расскажешь. Взамен, так сказать.

Рассказ вышел долгим. И говорила Евгения Матвеевна вещи невероятные, но чем дольше Рита ее слушала, тем больше верила ей.

***

Костина бабушка рассказала, что это в их семьях с незапамятных времен. И передается по наследству, когда от родителей к детям, иногда бывает перерыв и тогда способности переходят к внукам или правнукам. Но чаще всего, они проявляются в каждом поколении.

— Называй это как хочешь, — сказала она, — Дар, проклятие, колдовство... Как угодно. Но афишировать это нельзя. Нельзя, чтобы чужие узнали. А семей таких, у которых это в роду, немного. В наших краях всего восемь. Мальбахи, Федотовы, Заушманы, Даггерштейны, Борисовы, Штерны, Троепольцевы и Васильевы. Есть и в других местах. Но мы с теми, кто из других мест, почти не общаемся.

Оказывается, дар этот бывает различный. Кто-то принимает силу, а кто-то становится зеркалом. Как получится. Рите очень хотелось спросить, но бабка взглядом приказала ей молчать и продолжила.

— Зеркалом мы называем тех, кто у кого способность принимать, отражать и перенаправлять силу. Сильное зеркало может значительно увеличить силу того, с кем в паре работает, а может и ослабить, рассеять. Совсем как выпуклая или вогнутая линза. Понимаешь?

Если честно, то ничего Рита пока не понимала. И уж тем более, каким боком она к этому причастна. Так ее Костик был кто? Колдун? Ее милый Троепольцев? Бред...

А бабушка рассказывала дальше.

— А бывают еще те, кого мы называем проводники. Они могут рождаться в любых семьях. И происходит это довольно часто. Но только обычные проводники настолько слабые, что их силы хватает лишь на то, чтобы принимать или передать другим свои эмоции. Они и сами этого, как правило, не замечают. Да и окружающие тоже обычно не замечают. Но иногда рождается проводник редкой силы. Он может... — она вздохнула, — Очень многое он может, такой проводник...

Бабка ненадолго замолчала, потом взглянула на Риту и выдала:

— Ты, девочка, сильнейший проводник. И способность твоя ярче всего, судя по тому, что я и тебе знаю, проявляется во сне.

Рита так и осталась сидеть с открытым ртом, замерев от изумления. Мороз по коже... И

про сны... Ужас, ужас...

Но Костина бабушка сделал вид, что не заметила смятения молодой женщины и стала рассказывать дальше.

— Ну, про ту, другую Костину бабушку, про Елизавету Матвевну, она в девичестве Мальбах была, ты слышала, так? Я имею в виду наследство. Дом, понимаешь, о чем я? Кивни, если понимаешь. Ох, и вид у тебя, деточка, может, мне остановиться?

Рита покачала головой. Да она лопнет, если не дослушает все до конца! И пусть ее колотит нервная дрожь, это не имеет значения.

— Ну так вот, Елизавета Матвевна, как ты уже наверное знаешь, была замужем дважды. Первым браком за Васильевым, а вторым... за Троепольцевым, — тут бабка прервалась, и, глядя на Риту, коротко приказала, — Немедленно съешь чего-нибудь! А то у тебя сейчас истерика от нервности начнется.

Пока Рита послушно жевала что-то абсолютно не чувствуя вкуса, бабушка уселась поудобнее, приготовившись говорить дальше.

— Дело в том, что Елизавета Матвевна, она, так вышло, была сильнейшей из всех нас. И уж что совсем редко бывает, была и силой великой и мощным зеркалом одновременно. Настолько мощным, что могла запросто присоединить к себе более слабого носителя силы, становясь от этого еще сильнее. Первый ее муж, Васильев, она его любила, рано умер, от него сын у нее остался Марк. А потом она за Троепольцева вышла. От него у нее тоже был сын, Матвей. Отец Костика. И прожили они вместе восемнадцать лет.

Тут бабушка завозила на месте, оглядываясь.

— Ты прости, девочка, мне ведь тоже не просто это все вспоминать... Ты не против, если я закурю?

Рита была не против. Евгения Матвеевна закурила сигарету, затянулась сизым дымом, а после продолжила.

— В общем, прожили они вместе восемнадцать лет. А потом он ушел к другой.

Пока в этой истории не было ничего необычного.

— Ко мне ушел, понимаешь? Да... Ушел Олег от Лизы ко мне, — она затушила сигарету, и взглянула Рите прямо в глаза, — Лиза моя сестра. Старшая.

Похоже, сегодня так и придется сидеть с открытым ртом от изумления.

— Видишь ли, Лиза была женщина властная, авторитарная. Что как бы не удивительно при ее силе и способностях. Олег любил ее, она его тоже любила, наверное. Наверное... — Евгения Матвеевна покачала головой, закрыв глаза, — Наверное. Хотя, о чем я говорю. Они поженились по любви. Просто со временем... Понимаешь, Риточка... В общем, не считалась она с ним, ни в грош не ставила. Думала, куда он от нее денется, она же такая исключительная. А с мужиком так нельзя, у мужика гордость есть. Нельзя делать из него пустое место.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

С этим Рита была согласна.

— В общем, сначала Олег просто общался со мной. Просто потому, что нам было интересно вместе. Лиза вечно смотрела на нас свысока, на наше с ним общение не обращала внимания, мол, болтайте, болтайте, все равно чушь, которую вы несете, мне слушать незачем. Ко мне она тоже относилась покровительственно, но с пренебрежением. Видишь ли, Риточка, я ведь силы-то почти не имею, только проводник, да и то, слабый. Рядом с ней-то, почитай, была ничто, пустое место. Прости, я закурю еще. А ты угощайся, угощайся.

Рите чисто механически подумалось, что если она будет постоянно угощаться, то за сегодняшний вечер точно килограмма три прибавит. Потом она устыдилась своих приземленных мыслей, сказала:

— Спасибо, я чайку, — и налила себе полчашки чаю.

Закурив сигарету, Евгения Матвеевна продолжила:

— Ну, сначала мы просто общались, потому что нам было интересно поговорить. А потом... Короче, потом он ушел от нее ко мне. А ей так и сказал, что она его не понимала никогда, только использовала. Уффф... Какой скандал поднялся тогда... Какой скандал... Лиза... Ой, она кричала, что жизнь на него положила, что любила его, а он неблагодарный... Про себя я вообще молчу, чего только я не наслушалась... Но только Олег к ней больше не вернулся. А вскоре после развода мы с ним расписались, и стала я Троепольцева.

Евгения Матвеевна остановилась, видимо вспоминая тогдашние события. Потом вернулась к рассказу:

— Да, скандал был ужасный. К тому моменту Марку, старшему сыну Лизы от Васильева исполнился двадцать один год, а Матвею, сыну Олега семнадцать. Взрослые уже. И знаешь, так вышло... Ой, Риточка, говорить об этом трудно. Из-за постоянных отвратительных сцен рассыпалась у Лизы семья совершенно. Марк ушел жить к своей девушке, в смысле, женился и ушел в примаки. Матвея Лиза долго не отпускала, но он все-таки ушел к отцу. К нам с Олегом.

Тут Костина бабушка взглянула на Риту и произнесла:

— Я тебе все это так подробно рассказываю, чтобы ты имела представление, почему случилось то, что потом случилось. У Лизы началась депрессия. А у кого бы не началась? От такого-то... Я понимаю свою вину, понимаю, ощущаю... Но... Это было мое счастье! И Олег был счастлив со мной. А с ней нет. Ладно, — она махнула рукой, — Не о нас сейчас речь. Короче, Лиза стала довольно неразборчива в связях. Но это не так страшно было... не так страшно было бы...

Рита съезжилась от того непонятного выражения, которое застыло на лице у старухи.

— Рита, знаешь, почему мы общаемся узким кругом, всего в восемь семей? Вернее, мы можем жениться или выходить замуж за обычных людей. Но с нашими способностями — только между собой! И никогда со стороны. Потому что это крайне опасно. Люди, наделенные подобными способностями вообще опасны. Мы уже очень много времени знаем друг друга, у нас договор. Из поколения в поколение. Никто из нас не может вредить... Но на посторонних-то наш договор не распространяется. В общем, что долго говорить, из поездки на море, привезла Лиза в дом любовника. Он был моложе ее, тоже... Тоже из таких, как мы. Только чужой. Помнишь, я говорила, что Лиза была и огромной силой, и мощным зеркалом одновременно. Настолько мощным, что могла запросто присоединить к себе более слабого носителя силы, становясь от этого еще сильнее. Вот она его силу и присоединила, когда пустила в свою постель. Как ты понимаешь, за это он ей благодарен не был. И отношения у них были непростые.

Евгения Матвеевна вздохнула и затушила сигарету:

— Вот мы и подходим к главному.

От этих слов волоски на теле у Маргариты поднялись, легкая дрожь ужаса пробрала ее, она затихла, ожидая, какие еще тайны откроет ей эта старая женщина.

Костина бабушка посмотрела на Риту и спросила:

— Ты, наверное, видела подвал в ее доме? Видела?

Рита кивнула.

— Ну, тогда понимаешь, о чем я. Подвал он и оборудовал. Потому что ему это нравилось, он был в 'теме'. И ей это стало нравиться тоже. Настолько, что она и не мыслила уже иных отношений. И пусть она была сильна, как никто другой, пусть у нее были несусветные способности, он держал ее в полном подчинении сексом. Этот Сергей, — имя любовника сестры Евгения Матвеевна произнесла с крайней неприязнью, — Он ее нещадно избивал, унижал постоянно, а Лиза только еще больше хотела его. В какой-то момент она просто стала его рабыней. Он запирали ее в подвале, сажал на цепь, как собаку. Да он вообще, творил с ней что хотел. И все требовал, чтобы она вернула ему силу. Но Лиза не возвращала, боялась, что после этого он ее бросит. Родня, конечно, не раз пыталась ее вразумить, только без толку.

Какая-то смутная догадка мелькнула у Риты, но не оформилась.

— А потом этот ее Сергей замыслил избавиться от Лизы и всю ее силу забрать. Но Елизавета душой не была, она почувствовала, что он убить ее хочет. Тогда Лиза собрала всех. А знаешь ли, Риточка, она имела на это право, как самая сильная, она на многое имела право. Так вот. Собрала все восемь семейств. Всех. И велела отдать ей свою силу, а за это обещала, что ни их, ни их детей последствия того, что может произойти, не коснутся. И обещала, что никто из их детей силу не примет, только внуки. Так она их защитила, хоть и забрала всю силу. И все ей клятву дали, что будут молчать и не вмешиваться. Они бы и то не сделали, лишь бы их семей не коснулось...

Да, ради того, чтобы защитить своих близких от беды чего только не сделаешь.

— А потом Лиза составила то завещание. Ты знаешь, какое. А вскорости после этого умерла. Убил он ее. Только силу так и не получил. Она что-то сделала, как-то вложила все в тот документ. А по нему вместе с домом наследниками ее сил и способностей должны были стать дети ее детей — Костя Троепольцев и Коля Васильев. Но только при такой-то силе не могла она просто так уйти, не передав ее. А Сергей ее об этом знал, на то и рассчитывал, что она умирая вынуждена будет отдать ему все. Не прост был, ох не прост.

Выражение бессильной ненависти и страдания застыло на лице у старухи.

— Лиза до сих пор там, в том подвале. Хоть и сгнила давно в земле, а все равно до сих пор там. Он держит ее с помощью какого-то знака власти над ней. Знать бы, что это такое, можно было Лизу освободить, — у Елизаветы Матвеевны текли слезы, — Что бы между нами не произошло, она моя сестра, я люблю ее.

Сложились в одно целое все догадки в голове у Маргариты. Она нахмурилась.

— Ну вот, я закончила. Спрашивай девочка, у тебя должны быть вопросы.

— Костя знал, что я проводник?

— Знал. Любил он тебя, и берег как мог. И силу ради тебя принял.

Молодая женщина смешалась, слезы навернулись на глаза.

— Это потому он завещание на меня написал?

— Не знаю. А ты как думаешь? Хотя... Он больше всех с Елизаветой общался. Ему с ней

нравилось.

Рита вспомнила, что ей Николай рассказывал, и кивнула.

— Скажите... он так кричал... и корчился... Ему было очень больно?

Евгения Матвеевна не ответила, но по ее взгляду Рита все поняла.

— Но почему смерть? Принял силу, боль... понимаю. Но почему смерть?

— А как ты думаешь, можно принять силу от мертвого и остаться в живых? Это только проводник такой силы как у тебя может. Потому что не берет, а просто через себя пропускает.

От запоздалого сожаления и боли сжалось сердце.

— А Николай?

— Коля? Коля зеркало. Очень мощное зеркало.

— И тоже из-за меня...

Тут Евгения Матвеевна подалась к Рите всем телом и произнесла:

— Ты мне это брось, раздувать чувство вины до размеров дирижабля. Все не совсем так. Они оба приняли силу и способности не из-за тебя, а через тебя. Понимаешь? Через. Ты же проводник. Через тебя они приняли. Потому что это было неизбежно. Только Костя добровольно, потому что любил тебя, а Коле пришлось. Так уж вышло.

— А этот... этот Сергей, как вы его называли... Он жив?

— Думаю, да. Потому что странные вещи творились и с тобой, и с Костей, да и с Колей. И все из-за того бабкиного завещания. Он не отказался от мысли получить силу от Лизы, потому и держит ее в заточении. А теперь, девочка моя, ты единственная наследница по завещанию. Ты понимаешь, что это значит?

— Что? — Рита похолодела.

— Что ты, как проводник, сейчас и есть единственный носитель всех сил и способностей. И боюсь, как бы он до тебя не добрался. Но ничего, ничего, не бойся, мы с этим справимся, деточка моя. Мы...

Она уже не слушала. Дааааа... Ничего себе новости...

Но тут Рита вспомнила, что Евгения Матвеевна говорила про свою сестру и поняла, ЧТО нужно искать.

— Евгения Матвеевна, я знаю, как он ее убил и чем держит.

— Знаешь... — испуганно и недоверчиво спросила старуха, — Откуда?

— Сны, — просто ответила Рита, — Я видела все это во сне.

— Что ты видела?

— Я не хочу рассказывать, простите. Просто знаю и все.

— И что это?

— Это... — она вспомнила противное звяканье и холод железа на шее, — Цепь и железный ошейник. Даже нет, цепь атрибут, которым он вводил ее в транс. Ошейник. Это ошейник.

Старушка несколько секунд сидела с открытым ртом, потом вдруг засуетилась.

— Спать, спать! Спать, милочка, моя. Спать. Уже поздно, давай завтра поговорим.

Рита вдруг почувствовала, что страшно устала, и что глаза у нее слипаются. И что Колю сегодня похоронила. Все это вызвала у нее смущение.

— Да, пожалуй. Можно я останусь у вас, Евгения Матвеевна?

— О чем речь, милая, я бы тебя все равно не отпустила!

А сама уже кинулась хлопотливо расстелать постель для Риты.

— Спи, девочка, ложись, давай. Ложись.

Рита разделась, не было сил даже в душ сходить, заползла в постель и почти мгновенно уснула. Через некоторое время вошла старушка и встала над спящей. Глаза ее смотрели на молодую женщину с надеждой, а губы шептали молитву.

Коротков Сергей Иванович на похоронах Васильева, конечно же, был. Только присутствие свое не афишировал, стоял в сторонке, благо народ понаделал мавзолеев на могилах, чисто Тадж-Махалы с Парфенонами, гробницы Тутанхамона. Покойнику оно надо? Покойнику оно безразлично, зато народ может свое тщеславие потешить. Коротков пышных надгробий не одобрял, предпочитал скромные серые плиты с фамилией и датой рождения, а то и вовсе с номером.

Пока говорились речи, он держался в отдалении, но Маргариту Троепольцеву из поля зрения не выпускал. Он вообще теперь к ней внимательнее приглядывался, потому как эта послушная поначалу дуреха потихоньку превращалась в дуреху неуправляемую. А неуправляемая дуреха с такой силой — все равно, что обезьяна с гранатой, гоняющая на мотоцикле. И нелепо, и бесцельно, и опасно для окружающих. С Васильевым все должно было пройти куда более гладко, а не так — скачком. Это сильно по Короткову откатом ударило, да и усложнило ему задачу. Впрочем, нет худа без добра, зато события разовьются быстрее.

В который раз поразился жестокосердию, патологическому жлобству и эгоизму этой твари — Елизаветы. Вот так, лишь бы не лишиться силы обречь на смерть собственных внуков? Даже у него, при его бездушии, в уме не укладывалось. Хотя, почему не укладывалось, он то их без всяких сомнений замочил бы, начини они мешать его планам. Но они не мешали, они наоборот своей смертью сильно помогли. Это вызвало у Короткова кривую улыбку. Ну что ж, помогли, и аминь.

Странно повела себя Маргарита, уехала с кладбища с сестрой Лизы, с этой мышью белой, Женей. Что у них может быть общего? Потом он успокоил себя тем, что Женька, живет одна, всех похоронила. Скорее всего, молодая дуреха решила пожить у старой, чтобы сменить обстановку. Пусть. Недельку — другую он подождет.

— Все-таки девчонка двух мужей похоронила, — мрачно хохотнул он, — Пусть оклемается, придет в себя, а потом мы ею займемся.

Он рассчитал все. Все продумал, готовился девять лет, потом два года приводил свой план в исполнение. И теперь он в двух шагах от цели. Вся сила и то, другое, что он собирался получить от Лизы, проходит через нее, через Маргариту. Надо только взять ее под контроль. А дальше...

Дальше новая жизнь. Могущество. Даже бессмертие, почти.

***

И все-таки, Коротков рассчитал не все.

Одна маленькая поправочка. Глупый человеческий фактор.

И еще...

Не стоит недооценивать поверженного врага, он ведь может отомстить даже после смерти.

***

Сон был необычный, не такой как всегда. Рита стояла на лестничной клетке перед своей

собственной дверью. Стояла и думала, что же тут не так, в чем подвох-то? Но мысль не приходила, и она решила войти. Долго рылась в сумочке, ключи все никак не попадались, что угодно, только не ключи. Потом, наконец, ухватила за брелок и вытащила их на свет Божий. И удивленно уставилась на брелок, надо же, ослик с "мерседесом" на толстой попке, вообще-то, брелок у нее был другой на ключах — серебряное яблоко. На выставке не так давно покупала. Покачала головой, вставила в замочную скважину и вошла.

Вот только внутри ее привычный дом был какой-то не такой. Рита просто знала, что ее дом, а на самом деле все выглядело засвеченным и смазанным. Открыла дверь в спальню и застыла. Среди переменчивого неяркого свечения — единственное жесткое и реальное — ее кровать, застелена клетчатым пледом. На постели сидит Костик. Как живой. В куртке своей кожаной, спортивном костюме и кроссовках, будто в зал собрался. Накануне она тоже видела его во сне, но скорее даже не видела, а чувствовала, слышала сквозь туман. А тут, блин... Рита обомлела, а Троепольцев с улыбкой поднялся ей навстречу.

— Ритка, где тебя носит, я тебе уже вон сколько времени жду!

— Костик... Ты... Ты...

— Чего заладила, иди уже сюда, — он раскрыл ей объятия.

— Ты живой...???

Он картинно подкатил глаза:

— Милая, ты сама похоронила меня, как я могу быть живой? А? Ну, иди, хоть поздоровайся со мной!

Рита осторожно подошла, потыкала его пальцем, вроде плотный, во всяком случае, палец не провалился сквозь него. Ах, так, значит?

— Троепольцев! Ты мне за свои эти дурацкие приколы еще ответишь! — потом перевела взгляд на его ноги и разразилась новой тирадой, — И какого черта ты в кроссовках?

Костя радостно расхохотался откинув голову, как ребенок.

— Ну, слава Богу, теперь я узнаю свою жену!

А она бросилась к нему в объятия, прижалась тесно-тесно, до дрожи.

— Костя... Костечка... Мне так тебя не хватает... — и слезы потекли из глаз, — Почему ты раньше, до того как... не приходил?

Троепольцев, тот, что во сне, ласково погладил плачущую Риту по щеке, вытирая слезы, и сказал:

— Не мог я раньше. Не мог без Коли.

При упоминании имени Николая, Рита отстранилась и потупилась:

— Ты все знаешь?

Тот кивнул.

— Прости... Мне так стыдно...

Костик обнял ее снова, повернул ладонью ее лицо так, чтобы она смотрела ему в глаза, и проговорил:

— Перестань, не кори себя. Это не твоя вина. Глупая, перестань реветь. Перестань. Ты все сделала правильно, так нужно было. Понимаешь? Так должно было случиться. А ты молодец.

Он потянулся к ключам, зажатым в Риткином кулачке, и погладил ослика.

— Ты себе не представляешь, насколько важный выбор сделала девочка моя.

— Троепольцев, а ты правда умер из-за меня? — у нее тряслись губы.

— Нет.

— Точно?

— Не могу тебе сейчас рассказать, что и как.

— Костечка... А ты можешь поцеловать меня... Как раньше?

Костя снова засмеялся тихим счастливым смехом и прикоснулся губами к ее дрожащим губам. Нежно, ласково, так, как он умел.

— Ну, не плачь. Не плачь, все будет хорошо. Все будет хорошо, милая.

В его объятиях Рита успокоилась, он снова присел на кровать, посадил ее на колени и покачивал, как маленькую. Когда высохли слезы, Костя серьезно посмотрел на Риту и сказал:

— Рита, помощь твоя нужна.

— Да?

— Нам надо вытащить Колю. Понимаешь?

— Вытащить? Откуда вытащить? — Рита смутилась и ничего не поняла.

Ее Троепольцев улыбнулся, а потом опять серьезно спросил:

— Поможешь?

Рита не знала, в чем может заключаться ее помощь, но она кивнула.

— Знал, что ты согласишься, — он снова улыбнулся, — Спасибо.

— Костя, а ты не злишься на нас, на Колю... Ну...что мы... — дальше слова уже отказывались произноситься.

— Нет, — просто ответил Костя, — Тут нет ни твоей вины, ни его. Потом поймешь.

Потом он совершенно как живой посмотрел на часы, будто опаздывает.

— Надо же! На том свете тоже можно опаздывать, подумалось Рите.

А Костя пригладил волосы, ссадил Риту на постель и сказал:

— Ты спи сейчас, ты устала. А завтра я приду. Будем Колю вытаскивать.

После его слов глаза у Риты как по команде закрылись, и она уснула во сне.

Евгения Матвеевна молилась за детей, за Лизу, за душу покойного мужа. За себя. Её пугало то, что смогла сотворить Лиза, но еще она боялась, вдруг не удастся, вдруг сорвется...

Много лет назад, незадолго до своей смерти Лиза вызвала младшую сестру к себе. По делу. Сказала по телефону:

— Нужна помощь. Срочно. Приедешь одна.

Учитывая то, какую роль сыграла она, Женя, в развале Елизаветиной семьи, а также отвратительные скандалы и сцены, это было внезапно и странно. Олег заволновался, уж ему-то хорошо была известна мстительная натура жены. Но Женя поехала сразу, не посмотрела, что на ночь глядя. В конце концов, что бы не происходило между ними, Лиза ее сестра. А кровь не водица! Да и чувствовала она перед старшей сестрой вину, мужа увела, семью разрушила. Как не чувствовать... И если Лизе нужна ее помощь — то вот она.

В лепешку расшибется, но сделает.

Встретила ее Елизавета в полутьме. Свет не горел в доме, только то, что с улицы сквозь не задернутые занавески пробивалось от зажженных фонарей. Молча.

— Лиза, — зашептала Евгения, обстановка действовала на и нее.

Но старшая сестра приложила палец к губам и поманила ее в подвал. Жене стало откровенно страшно.

— Она сейчас меня здесь прикопает, и кранты, никто никогда не найдет, — подумалось ей тогда.

Словно в ответ на ее мысли Лиза проговорила, запирая дверь, ведущую на лестницу:

— Женя, нельзя, чтобы кто-нибудь узнал, что мы сейчас сделаем. Это очень важно, понимаешь?

— Д-д-да... — ничего она не понимала...

— Ничего ты не понимаешь, Женька...

Лиза махнула рукой, а в голосе было столько... столько сестринской любви... Женя расплакалась.

— Лиза... ты... ты прости... Лиза...

— А... Чего уж теперь вспоминать обиды. Я сама такого натворила, что п***ц просто...

Женя поняла, что сестра имела в виду.

— А брось его, оставь, Лиза, зачем он тебе...

— Женя, ты ведь не понимаешь... Он меня держит. Мне не вырваться. Он страшный человек, — глаза Лизы уставились в пространство, — В недобрый день он мне встретился...

Евгении стало страшно.

— Лиза, а он не придет сюда?

Та вскинула голову, словно очнулась:

— Нет, сегодня его не будет, он уехал на два дня. Нам надо успеть... — она снова погрузилась в свои мысли.

Женя не стала переспрашивать, а дожидалась, пока Лиза сама скажет, зачем вызвала ее ночью. Ждать пришлось недолго. Сестра повела ее в ту странную комнату с земляным полом, похожую на темницу и усадила на сундук. Евгению стало потряхивать от страха. Сестра заметила ее состояние и сказала:

— Не бойся. Мне нужны твои способности проводника.

Евгения удивилась, ее способности были слабенькие, над чем Лиза всегда любила издеваться, говоря, что на ней природа отдохнула, а теперь вот, понадобились. А сестра продолжала:

— Женя, сейчас мне нужно обезопасить моих детей. А вместе с ними и всю нашу родню. А для этого мне нужно... мне нужно, кое-что увидеть. Из того, что сможешь увидеть только ты. Понимаешь?

Хоть убей, не понимала она, но сказала:

— Хорошо.

— Спасибо, что доверяешь мне. Спасибо. А за Олега я на тебя уже не сержусь. Сама виновата. Ценить надо было мужика...

Потом Лиза провела рукой по лицу, стирая с него непрошенные эмоции. И продолжила:

— Давай, надо подготовиться.

— Лиза, что ты будешь делать?

— Тебе об этом лучше не знать, иначе он у тебя выведает.

— Ты боишься его, Лиза?

Евгения поразились тому, что увидела в глазах сестры, когда та ответила:

— Да. Боюсь. Но еще больше боюсь, чтобы он не причинил зла вам и детям.

Больше вопросов Женя сестре задавать не стала.

— Сейчас я погружу тебя в транс, понимаешь? Ответь.

— Да.

— Потом ты станешь моими глазами, и через тебя пойдут потоки силы. Не бойся, больно тебе не будет. А когда очнешься, ничего не будешь знать.

— Лиза...

— Не бойся Ежик, все будет хорошо, — ответила ей старшая сестра, а Евгения чуть не расплакалась, услышав от нее то имя, которым она называла ее в детстве.

Потом Евгения заснула, даже не заснула, а отключилась.

А когда пришла в себя, увидела Лизу, та была серая от перенапряжения, мокрые от пота волосы висят сосульками, видно, что стоит с трудом. На столе лежало заветное.

— Все, Женька, все... получилось, — голос еле слышен, — Теперь не страшно.

— Что с тобой, тебе плохо?

Женя уже пришла в себя и поразились тому, в каком виде ее сестра. Она не помнила, чтобы Елизавета вообще напрягалась, ее силищи на все с лихвой хватало, а чтобы вот так... А ведь она еще и силу всех семей взяла!

— Лиза, что ты сделала?

Та удовлетворенно улыбнулась сквозь смертельную усталость и проговорила:

— Червя.

Евгения застыла, не зная, что сказать, но сестра и не ждала от нее слов. А через несколько минут они из подвала поднялись в прихожую.

— Женя, тебе домой надо, нельзя тебе здесь оставаться.

— Сейчас, — проговорила Евгения, все еще не отойдя от всего увиденного, — Сейчас, такси вызову.

— Не надо, — Лиза смотрела в окно, — Там Олег за тобой пришел. Вон, на улице стоит.

Женя ужасно обрадовалась, но и смутилась.

— Лиза, ты...

— Оставь, все хорошо, — отмахнулась Елизавета, — Спасибо тебе за помощь. Пойдем, провожу.

Они вдвоем вышли на улицу, Олег тут же подошел, поздоровался:

— Здравствуй, Лиза, — и мягко, но уверенно подтянул к себе Женю.

А когда та оказалась рядом, обнял. Лиза, увидев, как сомкнулись руки Олега вокруг Жени, надежно защищая ту от всего мира, невольно прослезилась, потом склонила голову, покачала. Слова сорвались сами:

— Да... Нужно было пройти через все это, чтобы понять. Женька, как я тебе завидую... Вот смотрю на вас, и понимаю, за что я тогда полюбила тебя, Олег.

— Лиза, — начал было он.

— Не надо, ничего не говори. Я сама во всем виновата.

Они еще постояли с минуту молча, просто глядя друг на друга, потом Лиза сказала:

— Все, идите. Идите и будьте счастливы.

Словно прощалась.

***

Тогда, перед Лизиной смертью, одиннадцать лет назад, Сергей Коротков улетел домой на два дня. Нужно было выковать новый ошейник. Настоящий. Для привязки. Чтобы уж насовсем. Был у него знакомый кузнец, спец по таки делам.

По дороге обратно все думал, какой черт его дернул подойти к ней тогда?! Какой черт? Приехал летом пожить в свое удовольствие, отдохнуть. В Ялте у него была краля, к которой он наезжал иногда пожить месяц-другой, в покер поиграть, он был неплохой игрок, но не жил этим, так, для удовольствия. Попутно завязать какой-нибудь роман, краля его жила продажной любовью и верности от него отнюдь не требовала, хотя в постель с ним охотно укладывалась.

Его профиль были курортницы. А дамочки курортницы бывают очень горячи, им подавай чувства, эмоции, трах. Все на грани. Дома-то все им не так, все им серо и пресно.

Дуры.

Мужья их отрываются точно также, стоит им вырваться на свободу. Вот и надо заводить семью, если потом все серо и пресно?! Этого он не понимал.

И тут он встретил ее. Немолодая, да и не слишком красивая. И видно, что несчастная и озлобленная. Но силища, силища-то какая... Он и решил дамочку утешить, а заодно ее силой подпитаться. Он так обычно со своими любовницами и поступал. Выпьет до доньшка, а потом они распрощаются взаимно довольные друг другом. Потому что все, чего курортницам дома не хватало, Сергей умел давать с лихвой. Они у него пищали от счастья. Он ведь был настоящий мастер. Мастер в «теме».

Да только в этот раз не так все вышло. Это его выпили враз. Гадина, только ноги перед ним раздвинула — выпила его и не поперхнулась! От всей его немалой силы остался жалкий остаточек. Сначала он опешил от потрясения, хотел оттянуть обратно, ан нет. Не вышло.

Стал просить вернуть силу. Умолял, как сосунок, стерва только смеялась. Это было ему так унижительно и страшно... А потом он разозлился и избил ее как собаку, а та, на удивление, растеклась лужей. Чем больше он бил и унижал ее, тем ей больше нравилось. И если она забрала его силу, и тем держала, то он ее просто превратил в ничто, в животное. Потому что Лиза его любила, извращенно, рабски. И ведь знала, что ей не жить, что убьет он ее рано или поздно, чтобы избавиться. А все равно не отпускала.

Вот так и случилась их странная пара.

Любил ли он ее? Он иногда задавался таким вопросом. Черт его... Любил, хотел? Ненавидел! Презирал! Избивал. Хотел. Любил? Черт его знает...

Да. Хотел. Ни с кем он не испытывал такого, как с ней. Она была идеальной рабыней. Идеальной, принимала любое наказание, без всяких условий, без ограничений и запретов, любое. Лишь бы вымолить у него хоть кусочек секса. И это заводило его. Заводило!

Даже сейчас, думая о том, как избьет ее как собаку, а потом трахнет, он начинал задыхаться от возбуждения. И все равно, Сергей Коротков знал, что убьет Лизу, он хотел ЭТОГО — убить ее. Хотел.

А когда вернулся — понял. Знает тварь, что последний час ее пришел. Знает, боится — и тем лучше.

Только с ней опять вышло все совсем не так, как он планировал. Ошейник, который он на нее одел, сработал как привязка, только вместо того, чтобы ему получить назад свою силу вместе с ее, в момент ее смерти все ухнуло куда-то в тартарары. Да еще и ему откат, словно обухом по лбу!

Сергей когда очнулся, на свои руки взглянул — поразился. Старик! Старик он теперь! К зеркалу — а там... Еще и цепь его всю разметало. Цепь он с самого начала использовал как якорь, чтобы фиксировать ментальную установку.

И тут гадина постаралась.

Он только спустя какое-то время догадался, что она сделала червя. Коротков такого никогда не встречал в своей жизни, но знал понаслышке, что в принципе, это возможно. Червем называлась подвижная ментально-пространственная петля, по которой запускалась сила с какой-то целью. Петля эта двигалась как земляной червь, извилисто и непредсказуемо, и где она голову высунет, известно только тому, кто ее создал. Для такого нужны были трое: владеющий силой, зеркало и проводник. И случаи, когда запускали червя на территорию конкурентов в целях мести или разведки, бывали. Но чтобы так?

В общем, Сергею пришлось убираться из Лизиного дома, едва он смог ноги волочить. Осиживаться в темном углу несколько лет, пока хоть какой-то резерв мизерный накопился, заодно и пытаться разгадать, куда она червя запустила. А потом, когда понял, что именно та гадина сделала, долго готовиться. И только после этого Коротков смог действовать.

А сейчас у него нет выбора. Он выложился весь. Или он возьмет свое, или просто сдохнет от изнеможения. Третьего не дано.

Рита проснулась около десяти утра, как ни странно, вполне отдохнувшая и спокойная. Вчерашнее словно отдалилось от нее и перестало давить неизвестностью. Рита усмехнулась своим мыслям, визит Костика во сне придал ей и сил и внушил надежду.

В спальне возникла Евгения Матвеевна.

— Ой, Риточка, проснулась, деточка. Давай, умываться и завтракать. Я оладиков напекла к чаю, со сметанкой, с вареньем... Умывайся, деточка, и иди в кухню.

Умывшись и причесавшись Рита вышла в кухню, бабушка тут же засуетилась, усаживая ее за стол и наливая чай, а у самой, прямо все на лице написано. Видно по глазам, что распирает бабульку, а спросить не решается. Рита решила упростить ей задачу:

— Евгения Матвеевна, у вас такой вид, вы что-то хотели спросить?

— Рита... А... тебе ничего ночью не снилось? — и в глаза, в глаза, так как-то заискивающе.

— Мне? Кхххммм... — Рита прочистила горло, — Мне... Костя мне снился.

Бабка аж просияла, а потом засуетилась еще пуще.

— А ты кушай, деточка, кушай, оладки тепленькие. Кушай...

— Спасибо, Евгения Матвеевна, — Рита принялась за завтрак, а бабка присела напротив.

Какое-то время молодая женщина пыталась есть, не обращая внимания на то неотрывное внимание, которое ощущалось со стороны старушки, наконец не выдержала:

— Если вы еще что-то хотите спросить, спрашивайте.

Костина бабушка вдруг смутилась, даже покраснела, потом пробормотала:

— Риточка, ты прости, пожалуйста, девочка, но мне надо знать.

— Хорошо, я же сказала, спрашивайте.

Старушка прищурилась, подумала с минуту, вытянув губы в трубочку, а потом начала:

— Ты сказала, что знаешь, как он ее убил и чем держит.

— Я же уже рассказала.

— И ты сказала, что видела все это во сне.

— Да.

— Рита, это очень важно. Мне нужно знать, что именно ты видела во сне.

Маргарита тяжело выдохнула и отвернулась.

— Вы же понимаете, что я не хочу об этом говорить.

— Прости меня, но это важно...

— Видела... Видела интимные моменты из их отношений. Подробности... — Рита смолкла на минуту, а потом вскинула на бабку взгляд, — Видела все эти подробности. Потому и знаю, как именно это произошло!

— Хорошо, — бабка враз успокоилась, — Хорошо.

Рита молчала, уставившись в блюдечко со сметаной. Евгения Матвеевна вдруг спросила снова:

— А скажи, не снились ли тебе подобные сны раньше, я имею в виду, из жизни Елизаветы?

Этот неприятный допрос никак не закончится!

— Снились, — подавляя раздражение призналась молодая женщина.

— И что ты видела?

— Встречи. И интимные подробности, — мрачно ответила Рита.

— Так! — лицо у бабки прояснилось, — Ясно!

— Что вам ясно?! — вспыхнула Маргарита.

Та ласково посмотрела на нее и проговорила:

— То, деточка, что сны эти были частью плана Лизы.

Вот теперь Рита потрясенно застыла с открытым ртом от изумления. Такого она точно не ожидала. Теперь уже у нее были вопросы.

— А... А... знаете... мне... Черт, как тяжело говорить об этом...

— Смотри на меня, девочка, — Костина бабушка была предельно серьезна, — Надо понять, что она хотела передать, а потому надо осмыслить, что ты видела.

— Фуууухххх... Ну и задача... — Рита подняла брови и покачала головой, — Поверьте, это не просто.

— Я понимаю. И все-таки, начинай.

— Значит тааак... Не могу... — и уронила голову на руки, — И вообще! Почему вы так уверены, что это информация какая-то?! Может, это бред! А я просто спятила!?

Старушка погладила ее по голове и спросила:

— Не спятила, девочка моя, не спятила... Ты говорила, Костика видела?

Рита вскинулась:

— Видела... Видела Костю... — и сразу вспомнила, что он говорил.

— Вот и хорошо. А теперь начинай.

Понимая, что придется выворачивать нутро наизнанку, молодая женщина скривилась, но переборола себя и стала ровным монотонным голосом рассказывать:

— Год примерно назад, мне начали сниться эти сны. Во сне события происходили в том доме. Вы знаете, в каком.

Бабушка молча кивнула.

— Видела мужчину. Во сне были... свидания в том подвале... секс... в извращенной форме.

Она замолчала, желая хоть немного отдышаться от неприятного, давящего ощущения. Потом продолжила:

— Свидания. В них принимала участие я... и тот мужчина, — Рита подняла голову и пристально посмотрела Костиной бабушке в глаза, — Николай Васильев.

А теперь уже Евгения Матвеевна прикрыла рот ладонью, задохнувшись от изумления.

— Что вы на это скажете теперь?

— Скажу что... Видимо, Лиза планировала инициировать его через тебя. Так же как инициировала Костю.

— Господи! Как же это жестоко! — взорвалась Рита, — Так поступить со своими внуками! Со мной! За что?! Зачем?!!

Евгения Матвеевна печально улыбнулась:

— В этом была вся Лиза. Она никогда ни с кем не считалась, особенно, если полагала, что действует во благо.

— Во благо! Убить своих внуков, а меня оставить вдовой — это было во благо!!! — возмутилась Рита.

— Подожди... Если мы чего-то не понимаем, это еще ничего не значит. Согласна, она поступила жестоко, но я знаю... помню... Она хотела всех спасти. И сказала, что ей

удалось... — бабушка замолчала, покачивая головой в такт своим мыслям, потом, словно очнувшись, — Ты говорила, видела Костю? Он что-нибудь говорил?

— Он говорил, что нужна моя помощь. И чтобы я не винила себя, что так и должно было... Я ничего не понимаю...

— Рита, сосредоточься, зачем нужна была твоя помощь?

— Вытащить Колю... — проговорила Рита, беспомощно глядя на Костину бабушку.

— Как это? Вытащить? — бабушка сама смотрела на нее, ничего не понимая.

— Я думала, вы знаете... — Рита сникла.

Евгения Матвеевна видя состояние молодой женщины, замахала рукой:

— Все, все, не бери в голову. Все, все узнаешь. Сказал вытащить, значит вытащить. Ох-хо-хо...

Рита сидела подавленная. Ей было горько и обидно, что ее жизнь кто-то распланировал в каких-то своих целях. Что этот кто-то безжалостно отнял у нее Костю. Ее Троепольцева.

А бабушка, видя, что та расстроена, покряхтела и стала потихоньку прибираться на столе. Сменила посуду и приборы на чистые, подровняла печенья в вазочке, добавила варенья, механическая работа помогала ей отвлечься от неприятных мыслей. Да и на молодую вдовушку смотреть было больно. Сидит, молчит, глаза в пол, не шевелится.

Молодая вдова неподвижно сидела за столом, думая о своей жизни, и неожиданно задала себе нелицеприятный вопрос. А не случись всего этого, если бы ее Троепольцев был жив и здоров? Если бы они с ним жили, как жили? Она прекрасно помнила охлаждение свое к нему, которое в какой-то момент наступило. Чем бы это для них закончилось? Разве она соображала тогда, что за парень ей достался? Нет.

А теперь... Теперь, когда он мертв?

Теперь близок локоть, да не укусишь... И видеть она его будет только в снах. И сны те ей будут дороже всего в жизни. Дороже всего. Дороже...

Бедного Колю она не могла считать своим, тем более, узнав всю правду. Жалко было его по-человечески. Но Троепольцев... Троепольцев был ее. Ее. Ее. Он был ЕЕ.

Рита тихо заплакала. Костина бабушка обняла молодую женщину и гладила по голове, приговаривая:

— Ну, довольно, будет, будет, — а у самой тоже слезы бегут, — Все наладится.

— Я поживу у вас эту неделю, Евгения Матвеевна? — проговорила Рита.

— Конечно милая, живи, сколько хочешь, я только рада буду. Конечно.

Потом они вдвоем занимались домашним хозяйством, убирали, готовили, кушали, мыли посуду, даже прошлись по деревне, подышать воздухом. Все это время они ни словом не обмолвились о том утреннем разговоре. И о том, что обе с нетерпением ждут наступления ночи.

***

Понятное дело, Коротков не ждал, что вдова Маргарита Троепольцева появится сегодня на работе. Наоборот. Он ждал ее не раньше, чем через неделю. И собирался использовать ее отсутствие, чтобы окончательно подготовиться.

Этим он был занят последние два года, даже почти уже три.

Сначала, когда только узнал, что Елизавета составила завещание на двоих своих внуков, понял, что ему придется бежать за двумя зайцами. А это будет непросто.

Сергею Ивановичу нужен был доступ в тот дом. В подвал, Но с тех пор, как он покинул

его в день, когда убил Лизу, Коротков несколько раз пытался войти. И не смог. Не смог! Гадина поставила охранку, сработавшую уже после ее смерти. Значит, попасть он туда сможет, только если его впустят наследники. И тогда он нашел наследников.

Оба уже были женаты, оба счастливы, и довольны жизнью. Это не могло не вызвать у него нормальной человеческой зависти и желания это самое счастье слегка подкорректировать. Тогда же он понял, кто есть кто. Что Константин, сын Матвея, станет силой, а Николай, сын Марка зеркалом. Но оба еще не иницированы. Долго размышлял, когда же пройдет инициация? И тут, он увидел жену Константина Троепольцева Маргариту. Это же будущий проводник! Проводник, и красивая женщина при этом. Редкая удача!

Тогда и родилась мысль объединить, так сказать, наследство. Начал он с Николая. Потому что тот был старше, и время его инициации должно было наступить раньше. Следил за ним и его женой довольно долго, изучал, а потом, как-то раз на фотовыставке подсунул в сумку его жены пакетик с фотографиями. Фотографии были неприличного свойства, с участием Николая Васильева, естественно, сфабрикованы. Но женщине хватило. Хватило, чтобы разрушить брак Николая.

Потом надо было подтолкнуть его навстречу к Маргарите, жене Троепольцева. Ему нужны были они оба: проводник и зеркало, а от Константина он бы в нужный момент избавился. Носителем силы по определению он был сам. Ее хоть и мало, но с таким сильным зеркалом, как Николай Васильев, хватит. Над тем, как заставить Васильева работать на него Сергей Иванович даже не заморачивался. Чтобы управлять им у него была Маргарита. И секс. Это несчастное свойство мужиков — зависимость от секса теперь вызывало у Короткова снисходительную улыбку, когда он и сам был таким же управляемым дурачком и поймался на ту же удочку.

Впрочем, от Николая он тоже собирался избавиться. Со временем. Когда доберется до того, что скрыто в подвале. А вот проводник ему был нужен.

Проводник вообще большая ценность. С таким талантом Маргарита была как магнит для любого, наделенного особыми способностями. Даже притом, что девчонка не была иницирована. Потому он старался быть рядом с ней, втирался в доверие, чтобы привыкла, чтобы не боялась.

И все вроде шло удачно.

А потом все понеслось, как взбесилось!

Сначала почему-то иницировалась девчонка, хотя она-то уж должна была в последнюю очередь! Вслед за этим — инициация Константина Троепольцева, и тот, приняв силу, умирает. Почему-то.

Но это даже хорошо. Все равно он был лишний.

К тому времени он уже практически собрал цепь, и мог использовать, чтобы фиксировать с ее помощью ментальную установку на этих двоих. Оба были прекрасно управляемы. А потом опять взбрык.

Николай Васильев внезапно женится на вдове Троепольцева, и в тот же день происходит его инициация. И тоже почему-то умирает. А ему откат такой, что еле очухался!

Но это тоже очень хорошо.

Потому что наследницей теперь является одна Маргарита. Проводник. Как раз то, что ему нужно. Она впустит его в дом. Она даст ему доступ ко всему.

Он почти, почти у цели. Осталось лишь дожидаться, когда вдова вернется в город. Но это не долго, он подождет.

Единственное, что слегка беспокоило Короткова, так это то, что все развивалось слишком уж стремительно, все будто сливалось в какую-то воронку. Неестественно как-то... Будто кто-то вмешался в естественный ход событий.

Но в чем дело, понять он не мог.

Вечером, когда две женщины сидели за столом с привычным уже чаем, сколько его было попито за эти два дня, и не решались заговорить о самом главном, что их обеих беспокоило, Рита вдруг подняла на Костину бабушку глаза и спросила:

— Евгения Матвевна, я теперь вроде как часть вашего... вашего... как бы это... расширенного семейства? Так? Ну, вы говорили про восемь семей... так?

— Так, деточка, — ответила старая женщина.

— Тогда, раз я часть этого, расскажите мне, что это за силы такие, что за способности? Что это дает?

Евгения Матвеевна вздохнула, потом, слегка покривилась и сказала:

— Дает... Скорее отнимает.

— Не поняла, простите? — переспросила Маргарита.

— Ну, слушай. Сила... сила это всемогущество, — она опустила подбородок к груди и взглянула исподлобья, — Можно вызвать дождь и гром среди ясного неба, а можно наоборот, вмиг разогнать тучи и заставить сиять солнце, можно поднять волну высотой в десятиэтажный дом или успокоить разбушевавшийся шторм, остановить торнадо. Или создать. Стены разрушить любые или воздвигнуть. Можно даже время остановить... Если хватит сил. Если на все это хватит сил. Понимаешь?

Мало что понимая, Рита кивнула, но все же спросила:

— А вы сказали, отнимает, что отнимает? Что использование силы отнимает? Жизнь? Или молодость? Или душу? Что?

Она спросила об этом, потому что у нее внезапно возникла догадка.

— Нет, — ответила старая женщина, — Это отнимает свободу.

Рита поразились:

— Как...?

— Очень просто. Люди наделенные подобными способностями практически рабы своей силы. И вынуждены скрывать это. Никто из нас в обыденной жизни ее не использует. Почти никогда, только в исключительных случаях, — она завозилась на стуле и потянулась взять старинную библию, лежавшую рядом на тумбочке, — Потому что нарушать естественный ход жизни нельзя. Господь за это накажет, за бездумное... за...

Она замолчала, глядя куда-то в пустоту, потом проговорила свистящим шепотом:

— Любое вмешательство влечет за собой последствия, рассчитать которые мы не в состоянии.

— Почему?

— Почему? Вот представь, например... Молодой мужчина, чтобы покрасоваться перед девушкой сначала вызовет бурю, а потом тут же ее успокоит. Эффектно? Девушка впечатлена. Безобидно? Маленькая невинная шалость?

— Д-да...

— А в округе несколько метеозависмых дедушек и бабушек умрет от резкого скачка атмосферного давления и магнитных бурь.

Рита потупилась, с минуту сидела молча, потом задала вопрос, это даже скорее было утверждение:

— Такое уже бывало?

— Бывало. Подобное. И не раз. Не раз необдуманное применение силы вызывало катаклизмы, гибель людей, животных, лесов... — старая женщина ушла в себя, задумавшись, потом словно проснулась, — И много еще другого. Вот потому и нельзя, деточка. Вот потому и страшно и удивительно то, что решилась сотворить моя сестра. И все-таки я верю ей. Она ведь могла быть невыносимой и деспотичной, это да. Но она никогда не была злой. И думаю, она знала, что делала. Надеюсь.

Рита только вздохнула, тяжело играть вслепую, страшно и тяжело. Было ли у нее хоть какое-то доверие к этой Елизавете, Рита не могла сказать, пожалуй, нет. Она верила Косте. Ее Троепольцев ей не лгал. И раз он сказал, что все будет хорошо, значит, так оно и будет.

Молодая женщина затрясла головой и уткнулась лбом в скрещенные ладони. Господи! Она просто свихнулась! Выжила из ума! Сидит тут с такой же точно выжившей из ума старухой и рассуждает о каких-то сверхсилах! А надеется на что?!

Надеется на что?!!! А ждет чего?!

Господи... Господи... Защити ее...

Ждет, что придет во сне Троепольцев и спасет ее. Муж придет и спасет. А ничего, что он мертвый? А? И это еще не все. Они вдвоем с мертвым Троепольцевым должны вытащить ее второго мертвого мужа Васильева откуда-то, неизвестно откуда...

Защити ее, Господи.

Потому что именно это она и собирается сделать. И приложит к этому все свои силы.

***

Евгения Матвеевна наблюдала борьбу чувств на лице молодой вдовы и, когда на лице у той появилось выражение внутренней уверенности и правоты, выдохнула с облегчением, в очередной раз поразившись. Как могла Лиза просчитать все это заранее, каких сил ей это стоило? Что она увидела тогда, в ту ночь, когда смотрела в будущее ее глазами проводника? Какой у всего этого будет конец? Оставалось лишь надеяться на милость Божию.

И тут Евгения Матвеевна вдруг почувствовала, что слезы текут по щекам, и взмолилась, чтобы простились Лизе все грехи ее, и чтобы она ее тоже простила. Пусть и оттуда, после смерти, но пусть бы простила ее за то, что увела у нее Олега. И тем толкнула навстречу этому монстру, сделавшему из нее рабыню, забравшему у Лизы и жизнь, и свободу.

***

Давно уже пришло время лечь спать, а у Риты сна не было ни в одном глазу. Хоть убей. От нервности, да, наверное, от нервности. И как быть-то... Там же Костя ждет...

Молодая вдова в который раз за сегодня подумала, что сошла с ума. И место ей в клинике. А может, ей вообще все это снится? И проснется она — а Троепольцев рядом, живой, здоровый.

Рита зарыдала. Без слез, горько всхлипывая, дыхание рвалось, болезненно раздирая грудь. Костина бабушка, подошла к ней, присела, стала приговаривать, поглаживая ее по плечам:

— Тише, тише, не надо, не надо, девочка моя. Я вот тебе сейчас колыбельную спою, а ты закрывай глазки.

Как ребенку.

И она тихонько запела, продолжая поглаживать ее по плечам, по волосам, по рукам. И

Рита, как ни вслушивалась, не могла уловить смысла того, бабушка пела, но глаза ее стали смыкаться. А потом она незаметно уплыла в сон.

***

Она опять была в том месте. Перекресток. Туманный сумеречный сад. Размытые очертания деревьев. мертвые голые черные стволы, колеблется дымка. Призрачная фигура, будто ждет ее.

— Я пришла, — проговорила Рита, а изо рта словно морозный пар, и холодно, невыразимо холодно, а она в легкой ночной сорочке, в которой ложилась спать.

Сумрачная полупрозрачная фигура закивала ей, и протянула обе руки, мол, подойди. Было очень страшно и совсем не хотелось Рите идти к ней, но она шагнула вперед. И тут каким-то образом поняла, что призрак улыбается. А перед ней стал проявляться смазанный силуэт. Он становился более... если так можно сказать, материальным, что ли. но все равно, весь нестабильный и постоянно смазывался, но он стал узнаваемым.

— Костик? — сумела выдать из себя Маргарита.

— Я. Ритка, мало времени, — он взял ее за руку и поймал взгляд своим, — Рита, я пойду за Колей. А ты... Ты зови меня... Нас... Вспоминай все, что тебе покажется важным, и зови. Из всех сил. Поняла.

Рита поняла. Но она поняла и другое.

— Костя, я ведь... сны... Сны... — горло сдавливало, говорить стало совсем трудно, и она решила сказать все сразу, как бы это и не было тяжело, — Костя, я ведь сны видела про Колю. Мы с ним... во сне... Ты был еще жив тогда. Костя...

Она расплакалась от стыда, нелегко делать подобные признания. Болезненная судорога прошла по лицу Троепольцева, но он обнял ее, прижал к груди крепко-крепко и сказал:

— Это ничего. Что ж поделать, Ритка. Что ж поделать. Вспоминай, вспоминай все. Зови нас. Главное, чтобы дозвалась.

— А что? — тут она впервые заподозрила неладное.

Он грустно улыбнулся, ответив на ее вопрос:

— Если не вернемся... То...

— ЧТО?!

— Ну, если не дозовешься, то мы не вернемся оба.

— Костя! Костя! Не надо туда ходить! Нет! — Рита откровенно визжала от страха снова потерять его.

Троепольцев мягко отстранил ее от себя, поцеловал в лоб:

— Иначе никак. Не плачь.

Потом стал отдаляться, исчезая, и до нее донеслось:

— Зови.

И она стала звать, вспоминая их обоих, разные, наиболее яркие моменты, ощущения, надеясь, что ее услышат. Ей уже не было дела до стыда или сожалений, на кону существование Кости, да еще и Коли. Она не могла понять, что это за существование, но верила. Не замечая холода и подкрадывающихся теней, в которых угадывались притаившиеся чудовища, не видя, как опускается на колени призрачная фигура, сложив руки в жесте раскаяния.

Рита не знала, слышат ли они ее, услышат ли вообще, и это было ужасно. Потому что в какой-то момент стало совсем тяжело, ей казалось, что она сейчас упадет в обморок. Просто

держалась из последних сил, а потом уже и за пределами своих сил.

В какой-то момент смазанное сумеречное пространство начало вспучиваться. Такое она уже однажды видела во сне, перед тем, когда пришел Костик, это придало сил. И вот, наконец, клубящийся узел прорвался светом, а Рита просто отключилась.

Пришла в себя она, когда почувствовала, что Евгения Матвеевна зовет ее по имени и шлепает по щекам.

— Рита! Рита! Очнись!

Говорить не было сил, она просто открыла глаза. Бабушка аж осела на кровати от облегчения и кинулась обнимать ее, приговаривая:

— Ну вот, очнулась, очнулась! Слава Богу, очнулась, девочка. Очнулась.

— Что случилось...

Старушка махнула рукой, отворачивая лицо.

— Сейчас уже все хорошо. Но ты так металась, кричала. Я испугалась... — она вдруг повернулась, с жадной вглядываясь в лицо Риты, — Получилось?

Рита задумалась. Получилось? Прислушиваясь к внутренним своим ощущениям, говорившим ей, что свет, виденный там, это прорыв, кивнула.

— Кажется, получилось. Но пока точно не знаю.

Старушка улыбнулась сквозь слезы, набежавшие на ее глаза, и проговорила:

— Получилось. Если вдруг нет... Ты бы сразу поняла.

Ничего не ответив, словно боясь, что произнесенные вслух слова могут что-то разрушить, Рита просто откинулась на подушки.

— Устала, бедная. Ну ничего, ничего, давай мы вставать будем. А я тебе баньку натоплю. Давай? Баньку?

— Баньку, — кивнула Рита.

Да, баньку — это будет здорово. Потому что ей вспомнился пронизывающий до костей холод, что царил в том месте. Баньку — это здорово!

Баня у Евгении Матвеевны была небольшая, но уютная. Рита, разморенная жаром, прогретым до приятной истомы застывшие косточки, лежала на топчанчике, заботливо укрытая простыней. Костина бабушка что-то бормотала, Рита не вслушивалась. Ей было хорошо, приятно пульсировала влажная разгоряченная кожа. Постепенно глаза сомкнулись, и ее унесло в сон.

***

Спальня. В ее квартире. Опять как тогда, засвеченная и смазанная. А она стоит у зеркальной двери шкафа-купе, словно собирается одежду вытаскивать — уборку делать. Но только в зеркале никак не уловить свой облик, меняется он все время. Впрочем, это ее не волновало, нечего о глупостях думать, пора заняться наведением порядка в доме.

— Странно, — подумалось ей, — Какое время заниматься уборкой? Скоро гости придут, а у нее тут полный раскардаш будет.

Какие гости?

Рита поглядела на связку ключей в руке, силилась вспомнить, зачем она их взяла, а потом просто зажала в кулаке. Другая рука потянулась открывать шкаф, прошла по рядам вешалок, пальцы цеплялись за вещи, висящие на плечиках. Рита их не узнавала, будто и не ее вещи. Пожала плечами удивленно, и собралась было уже вытаскивать, как дверь в спальню открылась. На пороге она увидела Костю, а за его спиной мялся Коля.

Рита сначала обомлела, а потом ее залило румянцем, словно ошпарило:

— Господи, какой кошмар, как я посмотрю в глаза им обоим...? Что я Косте скажу...

Тут Троепольцев, видя, как она отводит глаза и заливается краской, что-то быстро проговорил Васильеву и в комнату, прикрыв за собой дверь. Риту трясло от стыда перед ним, от раскаяния, от невозможности исправить то, что было сделано. Сами собой потекли слезы.

— Вот оно как бывает... прямо как на страшном суде, — горькая мысль утонула в безмерном сожалении.

Она сжалась, не зная, что сказать Косте, как объяснить ему свою измену. Что сказать Коле. Как они вообще все смогут дальше жить после этого?

— Глупая, иди сюда, — услышала она голос Кости, и вслед за этим сразу почувствовала, что он обнимает ее.

Рита всхлипнула:

— Костик, я... я... я не знаю...

— Молчи, Ритка. Тишшшш... Если ты переживаешь из-за Коли, то знай, ему сны с твоим участием не снились.

Она подняла на него глаза, и поняла, что Костик на нее смотрит, а в глазах смешинки.

— Костя... — слезы не останавливались, — Я так виновата перед тобой, не знаю, сможешь ли ты меня простить...

— Ри-и-иткааа, — голос его был мягким и ласковым, — Глупая моя, я не сержусь на тебя. Не плачь, не плачь, хорошая моя, Не надо.

— Костечка, как ты можешь не сердиться на меня? Я же... я же предала тебя...

Он светло улыбнулся:

— Не сержусь. Я давно тебя простил. Да и вообще... Я бы тебе что угодно простил. Потому что я люблю тебя больше жизни.

Рыдающей Рите от избытка чувств, переполнявших ее, вдруг захотелось стать перед ним на колени, обнять за ноги и благодарить, что не держит на нее обиды, что... но тут он хитро усмехнувшись, проговорил:

— Это был соблазн Рита, а соблазну тяжело не поддаться, практически невозможно. Так что не переживай и забудь. И потом, ты же не знаешь, чем меня соблазняли...

— ЧТО? — настроение у Риты мгновенно изменилось, когда до нее дошел смысл последних слов Костика, — ЧТО? Троепольцев! Чем это тебя соблазняли? А?!!!

Он так радостно расхохотался, прямо как мальчишка, и закружил ее, прижимая к себе.

— Ритка! Вот теперь я узнаю тебя! Ритка!

Не зная, злиться ей или смеяться, Рита фыркнула:

— Троепольцев! Ты мне еще ответишь, чем таким тебя соблазняли! И что ты... поддался?!!

Костик, продолжая смеяться, выдал:

— Не скажу!

За что и получил тычок кулачком в живот. Потом он таки успокоился и напомнил:

— Там Коля ждет. Ему поговорить с тобой надо. Извиниться хочет.

— Костя... А... Надо как-то ему сказать, что я теперь твоя жена. Чтобы он не это...

Кости снова заржал, корчась и всхлипывая.

— Успокойся, он и сам об этом знает. Просто извиниться хотел. И поблагодарить тебя. Что дозвалась.

— Ладно, — Рита уже успокоилась.

— Коля, заходи, — крикнул Костик.

И в комнату, морщась и косолапя от смущения, вошел Васильев. Взглянул на них с Костей и выдал:

— Ты прости, что был груб... И вообще... Прости. И спасибо тебе, что помогла. Чтс вытащила нас. Меня...

— Ничего, — сегодня положительно был день всепрощения, Рите даже стало легко и светло на душе, — Ничего, Все хорошо. Ты Костю благодари.

Николай Васильев перевел взгляд на Троепольцева, протянул ему руку, тот крепко пожал ее.

— Спасибо брат, — произнес Николай с чувством, — Спасибо, что не оставил меня там...

По тому, как он передернулся, Рита догадалась, что был Васильев в таком ужасном месте, куда не приведи Бог попасть любому. Наступившее молчание прервал Костя:

— Ну, теперь осталось только выполнить условия завещания.

Васильев что-то невнятное пробормотал, потом с сердцем высказался вслух:

— Да уж! Удружила нам бабка!

— Коля, ты же не знаешь всего, — просто сказал Троепольцев, — Мы должны его выполнить. Так надо.

— Условия завещания? Какие такие условия? — насторожилась Рита, ей уже это не нравилось, — Что за условия?

— Ты что, не читала, когда подписывала? — удивился Николай.

— Я... я в таком состоянии была... Вообще мало что соображала, — ответила она и

отвернулась.

Васильев нахмурился, а Костя сказал просто:

— Очистить дом.

Потом повернулся к Николаю Васильеву и что-то указал глазами, тот словно встряхнулся:

— Марго... Рита, ты из моих вещей возьми что-нибудь.

— Ключи. Ключи подойдут? — она вспомнила о ключах, которые до сих пор держала в зажатых в кулаке.

Троепольцев взял ее руку, поцеловал костяшки, разжал пальцы и погладил ослика. Рита невольно отметила, что он также делал и в прошлый раз. Потом снова закрыл ее ладонь в кулак, сжал и сказал:

— Подойдут.

После этих слов Кости сон стал смазываться и растворяться. Успела только услышать:

— Всегда держи при себе...

Рита проснулась.

***

Если не считать того, что она сошла с ума, потому что мертвый Троепольцев приходит к ней во сне, да еще и с Васильевым, и им всем вместе надо выполнить какие-то там условия завещания, Рита была совершенно счастлива. Правда она не знала, как будет с этим жить, но если Костя и дальше буде к ней приходить ночами...

Она потянулась и открыла глаза.

Костина бабушка смотрела на нее и улыбалась. Рита уткнулась лицом в простыню, проговорила:

— Евгения Матвевна, это же ненормально. Ненормально, что я вижу такие сны. Все-таки я сошла с ума...

Старушка присела рядом на стул, сжав в руках полотенце.

— Риточка. Да если бы я могла видеться со своим Олегом хотя бы во сне, если бы я имела такие способности, — слеза скатилась по ее морщинистой щеке, — Да я бы... Я бы... не было бы меня счастливее. А ты не сумасшедшая, глупости. Просто твой талант проводника... он такой. Ты между ними и нами. И силы через тебя движутся.

— А вы, вы ведь тоже проводник?

— Я? Да, но слабенький.

— А что...?

— Ну, я могу немного ходить в будущее. Только сил моих не хватает, разве, если кто-то поможет. И я не помню потом...

— Жаль, — пробормотала Рита.

— Ерунда. Лучше скажи, видела чего?

Рита кивнула.

— Ну, не томи.

— Оххх... Видела Костю. И Коля с ним приходил.

Бабка всплеснула руками:

— Ай, умница! Смогли! Получилось!

И тут же засуетилась:

— Что он сказал?

— Он... говорил всегда держать при себе... Я не совсем поняла.

— Ничего страшного, что не поняла. Просто сделай, как он сказал. Потом поймешь.

— Ладно, — Рита вздохнула и огляделась, — Знаете, Евгения Матвеевна, я, наверное, домой поеду.

Старушка засобиралась с ней, Маргарита отказалась.

Попрощались, Евгения Матвеевна все порывалась ехать вместе с ней, но Рите надо было осмыслить. А это лучше всего делать в одиночестве.

***

Пока добралась до города, наступил вечер. Больше шести, взглянула Рита на часы. Еще не поздно. Всю дорогу она нет-нет, да посматривала на себя в зеркало, и все думала, что нормальной ее не назовешь. Нормальные люди таких вещей не видят. Но и с головой вроде все в порядке, а вот душа...

Она поехала в церковь. Служба уже закончилась, толпились бабульки, желающие попасть на исповедь у священника перед завтрашним причастием. Вообще-то, Рита в церкви почти не бывала, и как вести там себя особого представления не имела. Просто ей сейчас нужно было успокоить душу, а потому она решила, что ритуалы разные придумывают люди, и если она по-простому помолится, как умеет, Господь услышит. Потому что ей нужно. Очень...

Прошла вглубь, к распятию, зажгла свечку и ушла в себя. Стараясь как-то излить мысленно то, что ее беспокоило. Сколько она так простояла, Рита не знала, но вдруг ей отчетливо послышалось, будто кто-то сказал:

— Зачем ты голосишь, женщина, будто тебя режут? Ничего тебе сию минуту не угрожает. А когда помощь понадобится, попроси и получишь. Только проси с верой.

Рита обомлела, стала оглядываться, откуда голос — никого вокруг! Никого! Взглянула на распятие, и показалось ей, что...

— Благодарю тебя, Господи! — пробормотала она и быстро выскочила наружу.

Осмыслить! Вздохнуть! Потому что сам Господь сказал ей, что помощь будет... Значит...? Она нормальная? Или все-таки ненормальная? А вот это уже не имело значения. Из церкви она уехала успокоенная и уверенная в себе.

Оттуда поехала к Васильеву на квартиру. Собрала свои вещи, оглядела дом, в котором пришлось пожить так недолго, присела на дорожку.

Вытащила связку ключей, там были ключи от ее квартиры, от Колиной, от машины, гаража, сушилки, кладовки и много еще от чего. Взвесила в руке связку. Тяжело, и уж слишком много места занимает. Потом отделила от основной связки ключи от дома, одного и другого, от машины, и прицепила к ним брелочек — ослика с мерседесом. Вышло удобно, не тянет и в карман положить можно. Подумала, и добавила еще ключи от того дома. От Елизаветинового. На всякий случай.

Потом поехала к себе домой. Долго стояла в спальне, оглядывая ее, после приготовила одежду на утро, завтра она собиралась выйти на работу, и легла спать.

Эта ночь прошла незаметно, ей ничего не снилось.

Это был подарок судьбы. Неожиданный подарок судьбы.

Он ее раньше, чем на той неделе не ждал, а она, надо же, приплелась!

Не упускать из виду ни на минуту, не упускать!

А потому Коротков окружил Маргариту хлопотливой заботой с самого утра. Вдовушка крепилась, хоть и кривила лицо, показывая, что его внимание ей не совсем приятно. Но ему-то это было безразлично.

Начал с того, что осведомился о здоровье, потом о родственниках, потом как-то незаметно перевел разговор на тему о наследстве. Когда Рита признала, что теперь злополучный дом перейдет к ней, совершенно невинно осведомился, бывала ли она в нем, есть ли у нее ключи. Узнав, что ключи с собой, Рита показала, просиял и успокоился.

А сотрудники в отделе давно уже привыкли, что он ее постоянно достает разговорами, «опекает», типа. Вот и решили, что старикашка Сергей Иванович в Троепольцеву влюблен, подсмеивались и не обращали внимания.

— Маргарита Павловна, душенька, чайку попейте. Давайте, я вам заварю. Вы сидите сидите. Сейчас принесу. У вас вид усталый. Вы сидите, я сейчас...

Дедок ушел, Рита вздохнула с облегчением. Но это она зря.

Сергей Иванович напрямик направился к ВРИО начальника отдела, предупредить, что Троепольцевой нехорошо, а он ее домой проводит. ВРИО не возражал, спрятал ухмылку и обозначил Короткову начальственную позицию:

— Вы Сергей Иванович, можете сегодня на работу не возвращаться. Проводите Троепольцеву, посмотрите там, может ей продуктов или чего еще надо. Вы сообщите, все-таки наша сотрудница, поможем.

— Разумеется, благодарю, вы совершенно правы. Надо помочь девочке. Такая молодая, и такое горе. Похоронить двух мужей... Такая молодая... — бормотал Коротков, — Такое горе...

— Идите, Сергей Иванович, — прервал его ВРИО, намекая, что время аудиенции вышло.

Все просто отлично.

Просто отлично!

Он быстро заварил чай и вернулся к рабочему месту, где сидела Маргарита. Она взяла пластиковый стаканчик с чаем, поблагодарила и поставила на стол рядом с клавиатурой. Коротков незаметно огляделся кругом. Все заняты своими делами, никто в их сторону не смотрит. Хорошо. Пора.

Открыть сейф. Так. Теперь поменьше шума, чтобы ничьи лишние уши не услышали. Коротков аккуратно вытащил цепь и разложил ее на столе перед клавиатурой. Повернул звено, делая новую ментальную установку.

Звук. У Риты волосы зашевелились на затылке. Потому что она совершенно точно помнила это звук.

Звякает цепь. Мороз по коже... Ужас, заливающий ее, как ледяной водой...

Будто она снова в том сне, в подвале.

Нет...

Тело... Тело не слушается. Хотела кричать — из горла ни звука. Господи...

— Не дергайся, девочка, — шепот Короткова на ухо, — Будь умницей. А сейчас вставай и пошли.

Рита встала, не в силах произнести ни слова. Неожиданно поняв, что безвредный на вид дедушка с цепью страшен, как смерть, она хотела вырваться и бежать, но вместо того, чтобы бежать, послушно пошла на выход. От безысходности потекли слезы. Старик заботливо твердил:

— Ничего, ничего, не надо плакать, Маргарита Павловна. Сейчас домой поедem, сейчас.

Но его забота выходила глумливой до крайности, Рита только слышала тот жуткий звук, что издавала цепь, сразу же догадалась, в чем дело, и что ничего хорошего ее не ждет. Вышли наружу, дед скомандовал:

— Садись в машину и езжай.

Она хотела спросить куда, но у нее не вышло. Полное подчинение. Как марионетка. Как зомби! Господи, страшно-то как...

Отъехали немного, Коротков велел ей ехать к дому Елизаветы Мальбах. Рита вела машину и понимала, сейчас она просто робот, руки-ноги исполняют команды, рот на замке. Только мысли панические мечутся в голове да слезы ползут по щекам.

Подъехали к дому. Рита припарковалась, Коротков вышел, бросил ей, не оглядываясь:

— Выходи, — и, не дожидаясь ее, пошел к входной двери, позвал, — Подойди. Открой. Все было исполнено.

— Войди в дом и пригласи меня.

Рита понимала, что нельзя его впускать, нельзя! Но слова сказались сами собой:

— Сергей, заходи.

— Ну, наконец-то, — и он вошел, торжествующе улыбаясь, — Здравствуй. Не ждала?

Пустой дом молчал.

— В подвал.

Рита спускалась по жуткой лестнице, трясаясь от ужаса, не веря тому, что видят глаза. Но верь — не верь, а тело послушно двигалось вперед. Неужели это происходит с ней? Неужели это не сон? Страшно-то как...

Вот он, тот коридор. Серые стены, масляная краска. Перед старинной деревянной дверью, окованной железом, Коротков остановился. Велел:

— Поверни ключ. Войди. Позови меня.

Это превратилось в оживший кошмар, в какой-то фильм ужасов. Рита стояла посреди темницы, а он прохаживался вдоль стен, обращаясь к потолку:

— Ну вот и встретились, Лиза. Ты ведь ждала меня? А? Ждала? Что же не отвечаешь?

Казалось, что безумный актер произносит безумные речи. Ан нет! Все взаправду!

Сергей подошел к сооружению у стены, напоминающему старинный шкаф, нажал какую-то филенку. Открылся потайной ящичек. Он что-то вытащил оттуда со словами:

— Да, все на том же месте.

Что-то металлическое, когда повернулся стало ясно, ошейник. Потом обращаясь к Рите:

— Подойди. На колени.

— Нет!!! Нет!!! Нет!!! — хотелось кричать ей, но молодая женщина покорно подошла и без единого звука встала перед ним на колени.

Ошейник защелкнулся на шее, и в тот же миг Рита провалилась в то место, где неоднократно бывала во сне. Перекресток.

Темно, смутно, смазано. Колышутся тени. И призрачная фигура, которая вдруг стала

материализоваться, подходя все ближе. Женщина, немолодая. И такой же ошейник у нее на шее. Женщина приблизилась вплотную, склонила голову, произнесла:

— Ну, здравствуй, красавица. Долго я тебя ждала, Маргарита.

Потом рассмеялась, Рите и без того было жутко, а теперь и вовсе. Она проговорила, стуча зубами:

— Что со мной будет?

— Что? — беспечно пожала плечами женщина, — Ошейник не удержит двоих. Но он, судя по всему, этого не знает. Так что, пока, милая, меняемся местами...

И тут она спокойно раскрыла застежку и сняла с себя тот призрачный ошейник, что был на ее шее, помахала рукой и исчезла. Рита осталась там совершенно одна, цепenea от ужаса. Отвратительное ощущение, что ее предали. Использовали. Безжалостно, бессовестно. Использовали и предали.

Умом она понимала, то, что с ней происходит — какой-то гипноз. На самом деле, она сейчас сидит в том подвале, а не тут, в потустороннем мире. Но выбраться-то КАК?!!! Господи, как страшно!!!

Единственное, что могло обрадовать, вернулась способность самостоятельно двигаться и говорить. Рита запричитала, подвывая:

— Господи... Как выбраться-то...??? Как выбраться...?

И тут вспомнились слова Костика:

«Всегда держи при себе».

Трясаясь и всхлипывая, полезла в карман, нащупала брелок и вытащила ключи, зажала в кулаке. Как только она это сделала, два светящихся пятна возникли в сером мареве, постепенно проявляясь, и скоро рядом с ней были Костя Троепольцев и Коля Васильев. Но если бы людьми, а то — призраки! Пока Васильев оглядывался, Костя бросился к ней, его призрачные руки схватили ее за плечи:

— Ритка?! Что?! Что случилось. Почему ты здесь?

Она смогла заговорить не сразу, накрыла истерика:

— Меня... Меня... ме...

— Ритка!

— Марго, постарайся успокоиться, говори!

Одновременно заорали два призрака.

— Меня обменяли на Лизу, — она все-таки смогла успокоиться и говорить внятно, — Или ее на меня, не знаю. Но теперь я здесь... а она там.

— Как это? — не понял Костя.

— А вот так! — выругался Николай, — Наша бабка и не такое могла учудить! Для нее вообще нет и не было ничего святого! Ты вспомни, что она с нами сделала!

Костя несколько секунд молчал, только на его светящемся лице была написана странная решимость. Потом вдруг успокоился и заговорил:

— Коля, времени мало.

— Это я и сам понимаю, — Васильев нервно вскинул призрачные руки.

— Вместе мы сможем сработать, Коля.

— Как? — заорал Николай, — Мы же мертвые!

— Через нее, — он указал на Риту.

— Через нее? — в его голосе слышалось сомнение, — Не знаю...

Молодая женщина в полуобморочном состоянии переводила взгляд с одного на другого и просто тряслась, ничего не понимая в том, что они говорят.

— Коля! Другого пути я не вижу! Давай!

Они расположились с двух сторон от Риты, и каждый положил ей руку на плечо. Костя Троепольцев погладил ее по щеке и начал, глядя в глаза:

— Рита, сейчас через тебя пойдет сила от меня к Коле и обратно. Почувствуй нас.

Та кивнула, тогда Костя велел, показывая на ошейник:

— Держись обеими руками. Его надо как-то снять. Расстегнуть мы не можем, значит, разорвать. Поняла?

Это было странное ощущение. Как будто через нее пропускают электрический ток, но безболезненно. Ее буквально распирало от той силы, что металась от одного к другому, постоянно возрастая. Казалось, что уже расти некуда, но сила еще росла и росла.

Сейчас в том проклятом куске железа, что сдавливал ее горло, для Риты заключался целый мир, если удастся — то мир жизни, а если нет... Не хотелось даже думать, что ждет ее, если нет. Она только шептала одними губами:

— Сейчас, Господи, сейчас...

А потом Костя крикнул:

— Рви!

Она смогла только выдавить из себя:

— Помоги!!! — и рванула мир на себя.

Все пространство вокруг них взвихрилось и лопнуло на мельчайшие частицы.

***

На том и был построен весь расчет. На том, что Костя вытащит свою жену, и тем самым замкнет пространственно — временную петлю.

И тогда червь придет в движение.

***

Более одиннадцати лет назад Олегу Троепольцеву был звонок. От Лизы. Он был неприятно поражен и насторожился. Казалось бы, еще вчера ночью расстались и вроде все

решили. Чего ей еще нужно? Но трубку снял.

— Олег, у меня просьба к тебе. Но Жене не надо говорить. Пока.

— Хорошо, слушаю тебя.

— Пожалуйста, привези ко мне Матвея и Костика.

— Никого больше, их одних?

— Да, только их одних. К четырем часам. Только не надо оповещать всех, куда и зачем мальчики едут.

— Хорошо.

— Спасибо.

Елизавета повесила трубку.

Он прожил с ней много лет, он знал ее, как облувленную, во всяком случае, ему так казалось. Он мог таить на нее какие-то обиды, потому что он ее любил, но даже любовь можно убить. Потому что это из-за ее беспардонной душевной черствости они, в конце концов, расстались.

Все так. Но. Он никогда не отказал бы ей в помощи. А сейчас, по голосу своей бывшей жены он понял, ей плохо.

К четырем часам они втроем подъехали к дому и позвонили в дверь. Лиза открыла, радостно улыбнулась Косте, протянула руку сыну и бывшему мужу и пригласила всех в дом.

— Мама, ты звала, что-то нужно?

Матвей к матери был прохладен. Это не могло не ранить ее сердце, если бы оно было ранимое, это сердце. А сын был уверен, что у матушки сердце тверже камня. Она становилась ласковой и заинтересованной только когда общалась со своим внуком Костей. К этому все привыкли, считали, просто очередная блажь. Надо же ей хоть к кому-то из родственников хорошо относиться.

На самом деле, сердце у Лизы ранимое. Только она этого никому не показывала. И действий своих никогда не объясняла. Потому как считала, если она на десять шагов дальше всех остальных видит, то незачем с ними советоваться. Да и в известность ставить тоже. Когда до них дойдет, сами узнают. Да вот родственники почему-то такого отношения не ценили, им не нравилось, что она использует их, не утруждаясь даже объяснить.

А маленький Костя полюбился ей сразу, наверное, за то, сам ее любил за просто так, ни за что, и еще... он очень был похож на Олега в молодости. Может это и глупо звучит, но она не забыла, что любила его когда-то. Олег, он ведь лучший из лучших... Но, к сожалению, он был не для нее. Да и первый ее муж, покойный Анатолий Васильев, тоже был не для нее, просто позарилась на красоту, да та красота быстро приелась. Вот и дала она ему умереть, хотя могла бы... Все в прошлом.

— Матвей, сынок, вы с папой посмотрите, у меня, кажется, бачок сломался. Течет... Поменяйте, — взглянула Олегу в глаза и выразительно добавила, — Пожалуйста.

— Да, — согласился Олег, сын молча кивнул.

Они заглянули в ванную, а Елизавета улыбнулась мальчику и сказала:

— Пойдем, посидим с тобой. Расскажешь, как у тебя дела в школе.

О, у тринадцатилетнего парнишки в школе была масса интересного! Он рассказывал взахлеб, а баба Лиза слушала, удивлялась, смеялась.

Минут через двадцать вернулся Матвей:

— Мама, там надо бачок менять. Мы съездим, купим. Вернемся быстро, одна нога здесь, другая там, тут магазин через квартал.

— Хорошо, А Костя со мной побудет.

Когда мужчины ушли, она вдруг посмотрела на Костю так серьезно и таинственно... Костя обожал, когда баба Лиза начинала говорить с ним про всякие тайны.

— Дай мне руки.

Подросток затрепетал от волнения и протянул бабушке обе ладони. Она взяла их в свои руки и пожала. А потом стала говорить:

— Костя, то, что я сейчас тебе скажу, ты не расскажешь никому. Никому, понял?

Он торжественно кивнул. Елизавета погладила внука по голове и сказала свою тайну:

— Запомни, Константин, я тебе приготовила подарок. Но получишь ты его не сейчас. Через одиннадцать лет. И ты... Ты должен пообещать, что примешь его.

— Хорошо, обещаю... А что это за подарок?

— Потом узнаешь, — она улыбнулась.

Он не стал ничего больше спрашивать, просто поверил. Вот за это она и ценила маленького Костю Троепольцева больше всех остальных. Вот потому и собиралась оставить именно ему всю силу. А второго внука сделать зеркалом. Но мало оставить силу, надо еще позаботиться о том, чтобы ее план сработал.

— Костя, ты встретишь девушку.

Он слушал ее слова, будто волшебную сказку. Безумно интересно, безумно далеко и совершенно не с ним. Бабушка улыбнулась.

— Ты встретишь девушку и полюбишь ее. Но через тебя ей будет грозить смертельная опасность.

Мальчик потрясенно молчал.

— Береги ее, понял? Ты должен беречь и защищать ее, чего бы тебе это не стоило. Она — твоя жизнь. Для этого я... и дарю тебе...

Костя ждал, что она скажет, но бабушка не стала заканчивать. Тогда он просто принял на себя эту будущую ответственность.

— Да.

Слово прозвучало клятвой. Мальчик был серьезен и как-то даже светился от волнения. Наверное, так выглядели паладины, отправляющиеся в святую землю. Бабушка Лиза внезапно почувствовала усталость. Что ж, она сказала внуку все, что хотела. Остальное...

Вернулись Матвей с Олегом. Быстро, в четыре руки сменили бачок. Лиза поблагодарила всех троих. Мужчины стали прощаться. Удивительно, но в этот раз Елизавета Матвеевна снизошла до того, чтобы поцеловать всех троих. Они уже выходили, когда она попросила Олега задержаться на минуту. Сын сказал:

— Мы в машине, — и закрыл за собой дверь.

Олег молчал, ожидая, что она заговорит первой.

— Олег, я оставляю силу Косте.

Он встрепнулся что-то сказать, но Елизавета не дала.

— Ты должен будешь научить его. Всему, что знаешь сам. Обещай.

— Хорошо, — поморщился бывший муж, — Но ты сама должна бы...

— Нет. Я хочу, чтобы это сделал ты.

— Хорошо, — он мрачно кивнул, потом добавил, — Звони, если что.

И ушел.

Олег подозревал, что бачок был предлогом, и что бывшая жена сама же его и испортила зачем-то. А обещание, которое она с него взяла? Более чем странное. Эти ее вечные

непонятные ходы!

— Ладно, — раздраженно думал он, — Рано или поздно все выяснится. Когда ей взбредет в голову в очередной раз снизить до объяснений.

Но больше он ее живой не видел. Лизы не стало той ночью.

***

Коротков стоял над телом молодой женщины в ошейнике подчинения и готовился принять то, что теперь уже считал своим по праву. Ибо заслужил. Столько лет страданий, столько трудов! Но теперь этот приз принадлежит ему. Через эту девчонку, в которой сошлось все, он и получит все. И даже больше.

Но каково же было его удивление, когда внезапно перед ним объявилась убитая много лет назад любовница. И ведь как живая!

— Ты пришел. Я ждала тебя, правда, правда.

А ведь он испугался, не ожидал ее сейчас увидеть, что угодно, но не ее...

— Не ври, тварь! Ты не ждала меня, — произвольно сжав кулаки от злости.

Будто случилось чудо, в этот миг он снова стал ее господином, а она его рабыней. И оба почувствовали трепет страсти. Как раньше. Как будто не было этих лет, будто смерть не разделяла их.

— Хочешь меня? — спросила она.

Сергей промолчал в ответ, но взгляд его был красноречив. Он хотел ее, бить ее, убить, хотел ее страсти.

— Я знаю, что ты всегда хотел меня, — Лиза была довольна, почти счастлива.

Она знала, что у них очень мало времени.

Но на том и был построен расчет.

Костя, не важно, живой или мертвый, не оставит свою любимую в сумеречном небытии, чтобы она умирала там вечно. В том, что он сможет ее вытащить, Елизавета Матвеевна не сомневалась. Она это предвидела. А у Коли просто не будет выбора. Она об этом позаботилась.

Скажут, почему не предупредила? Ведь могла же! А... Нельзя. Могут расслабиться, а так, от отчаяния, будут бороться изо всех сил до конца. Станут возмущаться, кричать, что опять использовала! Обижаться на нее будут, подумают плохо? Ерунда, о ней всегда и думали, и говорили плохо, не привыкать, тем более, что она это заслужила.

На том и был построен весь расчет. Логическая цепочка событий замкнется, лишь только освободят Маргариту. И тогда Лиза исчезнет. Но исчезнет не одна. Она заберет с собой Сергея. Это и будет ее приз, то, ради чего она все это затеяла. Ну, и немного из-за того, чтобы сила не попала в чужие руки. Хотя для Лизы, при ее эгоизме, это мало что значило, особенно, после того, как ее не станет.

Зато Сергей теперь достанется ей. Она его рабыня, она принадлежит ему в жизни и смерти, а он ее господин, и принадлежит ей. В жизни и в смерти. И теперь они будут вместе.

Возможно, это был шаг отчаявшейся бабы, смертельный бросок умирающей кобры, она тогда об этом не сожалела, не сожалела и сейчас. Елизавета Матвеевна знала, что потеряет своего любовника в любом случае, вот и решилась на такое.

Простят ли ее? Не важно. Пусть она и использовала своих детей, чтобы получить своего любовника, но... как это ни странно звучит, она тем самым помогла им сохранить свое счастье. Уберечь от тех ошибок, что когда-то совершила сама.

Она дала им второй шанс.

Да, она, Елизавета грешница, и что с ней будет, одному Богу решать, когда Он живых и мертвых призовет на суд. А до тех пор... до тех пор...

Раз не заслужила она прощения. Так пусть ей будет хоть временный покой.

***

Пространство и время вокруг взвихрились и лопнули мельчайшими частицами бытия. Червь пришел в движение.

Ощущение своего тела, лежащего в уютной постели, вернулось, но не сразу. Глаза не хотели открываться, немного ноет все, но приятная истома. Чувствовала себя Рита почему-то легкой и... счастливой?

Что... Как?...

Вот теперь она резко открыла глаза. Просыпаться было страшно, особенно, после того, как она все вспомнила.

И теперь... теперь...

Руки обнимают ее. Рита растеряно и испуганно взглянула, наконец, на того, кто был рядом. А он, улыбался. Ткнулся ей плечо головой, потерся и, целуя ее, прошептал:

— Ритка, Ритка, вспомнила...

— Костик... — пораженно уставилась она на него.

И тут Костя вскочил, схватил ее в охапку, прижал к себе, закружил и счастливо заорал:

— Ритка! Вспомнила! Молодец!

Ничего она не понимала...

— Ты оглядись, — он так и поставил ее на пол, но кружить перестал.

— Где мы...?

— А ты не узнаешь?

Так странно... Они в квартире Костиных родителей... Как в тот день...

— Это что? Что... Как мы тут оказались?

Рита помнила тот день, когда они наконец-то решили перевести свои отношения на более... Короче, переспали. Костины родители были в отъезде, он позвал ее в гости. Оба твердили себе, что это будет просто свидание, ничего больше, никаких вольностей, ну может, поцелуются пару раз. Но оба хотели большего. И это случилось. Тогда.

А сейчас они, что? Как они тут оказались? Вернулись в тот день? Бре-е-е-ед... Но это было почти четыре года назад! Еще до их свадьбы!

— Ритка, у тебя такой обалдевший вид, — он не смог сдержаться и радостно заржал, — Что? Даже не треснешь меня?

— Сейчас как тресну! — не много нужно было, чтобы она завелась, но у Риты были вопросы поважнее, — Троепольцев, что произошло?

Он взял с прикроватной тумбочки маленького толстенького ослика со значком мерседеса на попке, брелок для ключей, показал ей:

— Вот, видишь? — и потом сунул в карман.

— И что? Ничего я не понимаю...

Тогда Троепольцев обнял ее за плечи, усадил рядом с собой.

— Костя, ничего я не понимаю, мы же с тобой в подвале были... и Коля с нами... А...

— Я расскажу. Это будет долго, может, ты поесть хочешь?

И тут она поняла, что есть хочет, как голодный волк. Еще бы, после такого стресса в том подzemелье. А Троепольцев, увидев голодное выражение на ее лице, рассмеялся и пошел на кухню. Но ей вдруг стало страшно оставаться в комнате одной, Рита как была, в простыне, припустилась вслед за ним, крикнув:

— Костя, подожди, я с тобой!

Тот, не оборачиваясь, покачал головой и только громче рассмеялся. А придя в кухню, стал быстро и сноровисто накрывать на стол. У Ритки потекли слезы:

— Костечка, милый мой, родненький, как же я тебя люблю...

— Ну-ну, раскисла. Сейчас яичницу пожарю, так ты вообще растечешься от счастья?

— Костя, — она сорвалась со стула на котором сидела, обняла его за спину и зашептала ему куда-то между лопаток, — Костечка, родной мой, я тебя больше жизни люблю. Костечка...

Рыдания стали душить ее. Троепольцев обернулся к ней лицом, прижал к себе крепко-крепко и сказал просто:

— И я тебя. Больше жизни. Люблю. Ты — моя жизнь.

Так они простояли долго, обнимая друг друга, он вытирал ее слезы и гладил по волосам. Потом Рита вдруг вскинулась:

— Костя, а вдруг мне это снится? Вдруг я в том подвале, а ты опять мертвый? Костя?!!!

При этом предположении ужас объял ее. Но Троепольцев мягко улыбнулся, провел рукой по ее щеке и показал на отрывной календарь, висевший на стене. Там как раз красовалось девятнадцатое марта 2012 года.

Это и правда был тот день, когда они первый раз были близки.

— Но как?!!!

— Садись, ешь. Потом все расскажу.

Рита послушно уселась за стол в ожидании, и принялась за бутерброды. Правда, она и сама не замечала, что жует и в каких количествах, но это от нервности. А он пожарил яичницу на двоих, вывалил в тарелки и присел напротив. Когда первый голод был утолен, Маргарита не выдержала:

— Троепольцев, говори уже. Не томи.

— Рита. Я... В общем, я не совсем обычный человек...

Она махнула рукой:

— Знаю, мне твоя бабушка уже рассказала.

— Которая?

— Баба Женя... — протянула Рита, — А что, могла и другая?

— Ну, мало ли, — он ответил уклончиво, лукаво улыбаясь при этом.

И тут же получил тычок в плечо:

— Троепольцев, не отвлекайся!

Костя весело расхохотался:

— Ритка, ты просто прелесть!

— Не пудри мне мозг, рассказывай, давай!

Он посерьезнел и начал говорить:

— Рита, когда я понял, что люблю тебя... Мне надо было тебя обезопасить, ну, потому что из-за меня тебе могла грозить опасность... — он немного сбивался, подыскивая слова, — А когда понял, что ты еще и проводник, то тем более.

Костя вскинул на нее взгляд и проговорил:

— Может, я скажу странные вещи, но ты просто поверь. В общем, я вчера написал завещание. На тебя.

Рита тихо вскрикнула, зажав ладонью рот, но сделала ему знак, чтобы продолжал.

— А потом сделал свой первый в жизни якорь. Для тебя. Это... Ну, это такая вещь, в которую ты вкладываешь ментальную привязку к конкретному объекту. Трудно объяснить...

Короче, вот этот малыш, — он вытащил из кармана брелок — ослика и показал Рите, — Якорь. Чтобы ты на него вышла. Он должен был напоминать тебе обо мне. Потом... Ну, потом... Ты знаешь, когда...

Тут он замялся, явно вспоминая то время, когда Рита охладела к нему и встречалась с Васильевым сначала во сне, а после наяву. Рита пораженно замерла, не зная, что сказать, потом выдавила из себя:

— Ты знал, что так будет?

— Я предполагал это, догадывался.

— Костя, — она робко протянула руку и коснулась его, — Господи, сколько горя я тебе принесла...

— Но ты вспомнила меня, когда это было особенно важно. Значит, все-таки любила, раз не забыла, — он, улыбаясь, накрыл своей ладонью ее руку, — Только это важно.

Рита подавила вздох, справляясь с эмоциями:

— Костя, ты говоришь, догадывался, а откуда?

— Ну, у нас же баба Женя проводник.

— Она видела?

— Нет, видел я. Ее глазами, — он сглотнул, проведя рукой по волосам, — Но ты успокойся, она ничего не помнит.

Маргарите стало ужасно стыдно:

— Ты знал обо всем, и все равно... И туда пошел за мной... Костя, я не достойна даже ногтя твоего. Не знаю, можно ли вообще меня простить...

Зареванное лицо Риткино выражало такое раскаяние, что Костя Троепольцев просто не выдержал:

— Ри-и-итка моя, ну, не плачь, не плачь. Я бы за тобой куда угодно пошел, глупая. А что соблазн... Так он на то и соблазн. Тут уж моя бабка Лиза постаралась. Ради своих каких-то интересов. Но, знаешь, мы ведь благодаря этому, — он взмахнул рукой, словно желая охватить пространство вокруг, — Вернулись к началу. И теперь можем прожить все заново. Наверное, оно стоило того, как ты считаешь?

Заново? Начать все заново?! Да. ДА!

— Костечка... А давай мы ребеночка заведем? А?

Он отбросил стул, Рита мгновенно оказалась у него на руках:

— Ритка... Любимая моя... Ребенка хочешь?!

— Да, — прошептала она, спрятав лицо на его груди.

— Когда? Прямо сейчас? Когда? Скажи!

— Прямо сейчас.

Это уже почти не расслышал, догадался, счастливый смех вырвался из его груди и возглас, скорее похожий на боевой клич древних завоевателей:

— Ну, тогда держись!

Вот и началась для них жизнь заново, счастливый второй шанс. А вопросы и проблемы, которые непременно возникнут когда-нибудь, как же без них? Будут решаться по мере поступления.

***

Николай Васильев, мягко говоря, был ошарашен. Только что он был призраком в подвале вместе с Костей Троепольцевым и его, а точнее их, женой Маргаритой, а сейчас

вдруг он в костюме и при галстукe на светской фотовыставке, посвященной паранормальным явлениям, со своей первой женой Верой! Чудеса-а-а-а...

Ну ничёссе...

Как-то в голове даже не укладывалось. Хотелось ощупать себя, глаза протереть.

Но в этот момент от него отошел и пошел в Веркину сторону какой-то пожилой мужчина, он вспомнил этот момент, и еще тогда старик показался ему странным. А сейчас интуиция просто завопила, что старик более, чем странный, и он его где-то видел. И правда, когда тот обернулся, Николай Маркович похолодел. Он враз понял все. Это же Коротков, Сергей Иванович, старый змей! Он хотел было уже догнать его и допросить с пристрастием, но в этот момент заметил, что старый прохвост, проходя мимо, как бы случайно что-то опустил Вере в сумку. Какой-то пакет. И словно растворился в толпе!

Первым порывом было бежать вслед за ним, но потом, вспоминая, что после той выставки Вера начала закатывать ему скандалы и истерики на пустом месте, он решил проверить, что же такое хитрый дед подсунул жене в сумку. Но сделать это надо было незаметно. Васильев сам от себя не ожидал таких талантов щипача-карманника, когда, отвлекая разговором жену, аккуратно вытащил у нее из сумки тот пакет. Правда, поскольку это был первый опыт, вместе с пакетом он случайно прихватил и еще кое-что. Все это было мгновенно спрятано во внутренний карман.

Он огляделся с невозмутимым лицом. Вера самозабвенно обсуждала фото какого-то духа, заснятого в тот момент, когда он красиво вылетал из пещеры, остальная публика тоже увлеченно вещала заумные речи, разглядывая интересные снимки, и на Васильева не обращала внимания. Вот и отлично.

Он прокашлялся и обратился к жене:

— Вера, я тебя ненадолго оставлю, схожу в туалет?

— Что? А, да. Иди, — и вернулась к созерцанию малопонятных мистических чудес природы.

В туалете он заперся в кабинке и полез во внутренний карман. В пакете лежали фотографии. Порнографические, с его участием. Николай так и остался сидеть на унитазах с открытым ртом. ЭТО ЧТО? Он же никогда в глаза не видел этих баб... Да он же никогда... Ай, подлец...!!!

Неудивительно, что тогда Верка взбесилась, как с цепи сорвалась! Обидно, что не поговорила с ним на эту тему, он бы смог оправдаться. Потом Васильеву подумалось, что оправдаться он бы может и смог, но осадок между ними остался бы навсегда. Вот же... старая сволочь! Мать его!

Потом открыл второй предмет, который вытащил из сумки вместе с тем конвертом. Это был упаковочный пакетик, весь в цветочках, а внутри лежал тест. Он затрепетал от догадки. Тест. Николай уставился на него во все глаза. Она что, купила тест на беременность, хотела сделать? Мужчина сидел в кабинке, вертя головой и глупо улыбаясь.

Подумать только, тест! Она что, может быть, беременная? Сидел на горшке и чувствовал себя счастливым.

В дверь уже начали стучаться нетерпеливые желающие добраться до своего 'счастья'. Он совершенно казенным голосом проорал изнутри:

— Занято!

Пакетик с тестом спрятал во внутренний нагрудный карман, похлопал ладонью по нему. А потом порвал в мелкие клочки гадостные фотографии и спустил все в унитаз.

Снаружи уже доносились угрозы.

— Видать кому-то здорово приспичило, — ехидно подумал Николай, не спеша выходя из кабинки.

Потом царственным жестом указал во внутрь и проговорил:

— Добро пожаловать.

Мужик шутку не оценил, злобно глянул на него, влетел внутрь и заперся. При этом губы его как-то подозрительно шевелились, видимо, поминая шутника разными ругательными словами.

Николая Марковичу в этот момент было так хорошо, что он сжал кулаки и подпрыгнул, совсем как футболист на поле. А потом помчался к жене. И вдруг буквально замер на бегу. Он же хорошо помнил, никакой беременности у Веры не было. Или была? И она от нее избавилась, увидав эти проклятые фотографии? Какой кошмар...

Он вернулся к жене и все остальное время не отходил от нее ни на шаг. Уже дома, заметив, что она роется в сумке, подошел к ней с загадочным видом и вытащил из кармана пакетик с тестом:

— Не это ищешь?

— Как ты...?

— А... Ты выронила его, когда... когда очки доставала!

Вера наморщилась, пытаясь вспомнить, когда это она очки доставала, но Николай не дал ей долго раздумывать:

— Вера, это правда?

Он вскинула на него глаза и кивнула, а потом потупилась и сказала:

— Это повторный, хотела убедиться. Ты не рад? — в голосе была неуверенность и смятение.

Мужчина прижал ее к себе, растеряв все слова от избытка чувств, но все-таки выдавил из себя:

— Рад. Рад. Спасибо тебе. Рад.

Тогда она расслабилась и проговорила, легко вздохнув:

— Да... А я так счастлива была, просто говорить тебе боялась, вдруг ты не обрадуешься, скажешь, какое время сейчас детей заводить, карьера...

— Глупая, — он поцеловал ее в макушку, — Сейчас самое время. Самое. Лучшее. Время!

Вера от избытка чувств прикрыла глаза и тихонько всхлипывала, прижавшись к нему всем телом. А Николай вдруг понял еще одну вещь.

Она ведь все это время старалась пробиться к нему. Старалась понять его, понравиться. А поскольку понять так и не смогла, он всегда был непроницаем для нее, не делился своими мыслями, не впускал в свой внутренний мир, она стала пытаться заинтересовать его. Разговорами об искусстве, астрологии, оккультизме, паранормальных явлениях, да хоть чем-нибудь, но заинтересовать.

А он тогда так ничего этого и не понял. Хорошо, хоть сейчас дошло.

— Вера, — Николай говорил тихо, — Ты... Ты умная, красивая, ты ужасно образованная... и ты мне ужасно нравишься. И даже не так... Я люблю тебя. И я так тебе благодарен, что ты стараешься достучаться до меня.

Счастливый вздох и лучащиеся надеждой глаза были ему ответом.

Прижимая жену к себе, Николай Васильев думал:

— Вот он, второй шанс для нас. Для меня, для Веры. И уж я его на всякую ерунду не стану тратить, я буду жить! И буду счастливым, черт побери, счастливым! Счастливым!

А женщина в его руках улыбалась сквозь слезы. Много ли женщине надо? Был бы милый рядом.

***

В тот день в приемном покое кардиологии от инфаркта скончался пожилой мужчина — Сергей Иванович Коротков. Его еле успела привезти в больницу скорая, мужчине стало плохо прямо на улице, у выхода из павильона, в котором проводилась фотовыставка паранормальных явлений, и что удивительно — старик в обрывок старой цепи зачем-то вцепился, так пальцы и не разжал. Сначала он был какое-то время в сознании и метался, словно с чем-то боролся. И все твердил:

— Нет, нет! — а потом в какой-то момент, успокоился, на лице появилось расслабленное выражение, он прошептал, — Да...

И отключился. Потом он уже не приходил в сознание, так и умер.

***

А в старой части города обрушился один купеческий особняк, судя по архитектуре, где-то начала прошлого века. Обшарпанный, почти нежилой на вид, но не развалина. Вроде мог еще стоять и стоять, а вот поди ж ты, рухнул, как карточный домик. Но, слава Богу, удивительно аккуратно, все обломки во внутрь, только пыль поднялась.

Так что никто не пострадал.

***

И, надо сказать, что больше ничего отличного от того, что было в этот день раньше, не произошло. Ювелирная работа, ювелирная, но крайне рискованная.

Пытаться обмануть судьбу и вытрясти из нее еще один шанс сложное и трудновыполнимое дело. Потому что судьбу нельзя обмануть. Она все равно возьмет то, что ей положено. Правда, иногда с ней можно договориться и заменить одно другим. Судьба может принять равноценную замену.

Конечно, вложить силу всех восьми семейств в создание подобной пространственно-временной петли длиной в одиннадцать лет, была крайне рискованная и ювелирная работа. И Елизавета, возможно, не пошла бы на этот шаг, если бы не увидела тогда глазами сестры два пути для своих потомков. Один — тот, что был, и другой, тот, что мог бы быть если бы...

Двух маленьких правнучек — Евгению и Елизавету...

И пусть даже это был призрачный шанс, она все поставила на него.

Потому что сила, вложенная в червя — это на самом деле свободная сила. А свободная сила крайне опасна, так, как если бы она обладала собственным разумом и стремилась обрести независимость. Соблазны, которыми она совращает умы тех, по чьим жизням пройдет, практически непреодолимы. Но, по счастью проводник, на которого Лиза ставила в будущем, имела талант, действующий во сне. А что бы не происходило во сне, даже если ты поддашься на то, что нашептывает соблазн, остается во сне. И если имеешь силу бороться, то в настоящей жизни можно все сделать правильно.

Вскорости после описанных событий Троепольцевы поженились (неизвестно, как считать, вроде как во второй раз, а может, в первый?). И Рита к тому моменту была уже слегка беременной. Так что маленькая Женечка Троепольцева на радость всей семье родилась в конце декабря 2012 года, почти новогодний подарок.

А вот к Васильевым судьба не была так благосклонна. Вера потеряла ребенка. Так глупо получилось, ехала домой, какой-то урод проскочил на красный и врезался в нее. Она даже не сильно побилась. Но от нервного перенапряжения случился выкидыш. Они с Николаем очень сильно переживали потерю ребенка. Но он не дал ей отстраниться и замкнуться в себе. Вообще, Николай Маркович воспринял этот как наказание Божье, о чем, конечно, жене не стал сообщать, а решил жить дальше. Поддерживая Веру, которая после этого перенесла еще один выкидыш и долго-долго лечилась. Только спустя пять лет у них появилась маленькая дочка — Лиза.

Но и Троепольцевы заплатили судьбе. Не прошло и года, как умерла Костина бабушка — сестра Елизаветы Евгения.

Вот и получилось, что смерть взяла свое.

Но зато появилась новая жизнь. Ушел один проводник по имени Евгения Троепольцева — появился другой с таким именем. Потому что маленькая Женечка унаследовала от матери этот талант. И тоже во сне.

Кстати, Константин Троепольцев, отказался от силы, распределив ее поровну между всеми восемью семьями. Себе оставил чуть-чуть. Только чтобы хватило жене из-под снега цветы вырастить. Николай Васильев остался зеркалом для всей общины. А его маленькая дочь Лиза получила в удел силу.

Костя Троепольцев так никогда и не рассказывал жене, чем его соблазняли во сне, хотя

понятно, чем можно соблазнить того, кому досталась сверхсила — властью, мировым господством. И ведь он почти поддался во сне. Спасли только молитвы бабы Жени, да ее быстрая реакция. Не привези она тогда к нему в больницу Риту, кто знает, чем бы тот соблазн во сне обернулся. Помня об этом, он никогда больше не хотел, чтобы нечто подобное в его жизни повторилось.

А так... Так, увидев наяву свою любовь, он сделал правильный выбор. Для того, кто любим и счастлив, такие далекие понятия, как власть, мировое господство — все равно, что мыльный пузырь против радуги.

***

Имела ли право женщина, совершившая в свое время ужасную ошибку, исправить эту ошибку таким образом?

Бог ей судья.

Однако ошибку исправили, детей родили, да и цену счастью поняли. А кого совесть мучила, получили шанс оправдаться.

Жизнь не стоит на месте.

А там, где когда-то был особняк, тот, что Елизавета Мальбах оставила своим внукам в наследство, разбили общественный сквер.

Пусть детвора бегают.

Больше книг на сайте - Knigolub.net